

ЛЮДИ МЫСЛИ И ДОБРА

Деятели книги

А. П. Толстяков

ЛЮДИ МЫСЛИ И ДОБРА

Русские издатели К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков

Москва
«Книга»
1984

ББК 76.1
Т54

Рецензенты:

И. Е. Баренбаум, д-р филол. наук, профессор (ЛГИК)

З. А. Покровская, канд. пед. наук (ГБЛ)

Т $\frac{4504000000-106}{002(01)-84}$ 53-84

Вступление

Книга «Люди мысли и добра» посвящена выдающимся русским издателям второй половины XIX в.— Козьме Терентьевичу Солдатёнкову (1818—1901) и Николаю Петровичу Полякову (1843—1905).

Изучение истории книжного дела России, неотъемлемой части русской культуры, важно не только для понимания культуры прошлого, путей ее развития. Выступая на III Всероссийском съезде комсомола в 1920 г., В. И. Ленин говорил: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305).

Другое известное ленинское положение о том, что «...мы *из каждой* национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы...» (Там же, т. 24, с. 121), подчеркивает значимость изучения прогрессивно-демократического направления и в отечественном книжном деле, направления, сыгравшего выдающуюся роль в революционном и культурном развитии нашей страны.

Вторая половина XIX в.—чрезвычайно важное и значительное время для развития и общественного движения в России, и тесно связанного с ним русского книжного дела.

Если ее начало ознаменовалось небывалым до того общественным подъемом, приведшим к созданию первой

революционной ситуации 1859—1861 гг., то конец ее — кануном Первой русской революции 1905—1907 гг.

К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков жили и работали в одно время. И хотя Солдатенков начал выпускать книги в 1856 г., на десять лет раньше Полякова, обоих издателей объединяет принадлежность к «шестидесятникам» — замечательным деятелям времени бурного общественного подъема, гребнем которого стала первая революционная ситуация в России. Они были «идейными» издателями, прочно связанными с передовыми течениями своего времени, с демократической линией развития русского книжного дела, русской культуры. Несомненна их прогрессивность, неприятие ими всех форм крепостничества, самодержавно-полицейского государства. И Солдатенков, и Поляков выпускали самую передовую книгу, несущую в себе заряд освободительных и просветительных идей, книгу, способствующую гражданскому воспитанию читателя; и тот, и другой в связи с этим подвергались притеснениям цензуры, административных властей. Необходимо отметить и известную разницу в идейных позициях этих издателей-современников. Поляков был тесно связан с революционно-народническими кружками, и его издательская деятельность сознательно велась им в соответствии с пропагандистскими целями и задачами этих кружков. Солдатенков, принадлежавший к кружку Грановского, был представителем более раннего этапа в русском общественном движении. Несмотря на близкие отношения с революционными деятелями различных периодов, он был скорее либеральным демократом-просветителем, тесно связанным со старообрядческой оппозицией. Для него характерна непоследовательность идейной позиции, либеральные колебания. Однако, несмотря на некоторые отличия в идейных позициях, оба они, несомненно, принадлежали к прогрессивным деятелям русского книжного дела, чьи издания сыграли значительную роль в истории русского общественного движения и способствовали выбору дальнейших путей социального обновления России. Эти издатели адресовали свои книги примерно одному и тому же кругу читателей, и естественна «перекличка» их книжного репертуара.

Название книги навеяно герценовскими словами: «Где же живые в России? Живые — это те рассеянные по всей России люди мысли, люди добра всех сословий, мужчины и женщины, студенты и офицеры, которые краснеют и плачут, думая о крепостном состоянии, о бесправии в суде, о своеволии полиции, которые пламенно

хотят гласности, которые с сочувствием читают нас» («Колокол», 1858, 1 июля). Люди мысли и добра — это лучшие люди России, те, кто не мог примириться с существующим тогда самодержавно-полицейским порядком, те, кто жаждал перемен и делал все, чтобы эти перемены пришли. К этим людям, несомненно, принадлежали и Солдатенков, и Поляков.

Важно также отметить большой вклад, внесенный этими издателями в развитие культуры нашего народа. Ими, в частности, было издано множество переводов (нередко — впервые) зарубежных капитальных социально-политических, историко-культурных, естественно-научных трудов, отразивших последнее слово западной общественной мысли, науки и культуры и существенно обогативших отечественную духовную культуру.

Солдатенков и Поляков вместе с другими русскими прогрессивными издателями второй половины XIX — начала XX в. подвижнически трудились на пользу народа. Прогрессивно-демократическая направленность их деятельности, связь с передовыми общественными движениями своего времени, богатый, многообразный репертуар высококачественных изданий замечательно характеризуют этих выдающихся деятелей русской книги.

Настоящая работа объединяет и продолжает прежние публикации автора. Использованы также материалы, опубликованные другими исследователями, в частности, литература о выпуске Поляковым первого перевода «Капитала» К. Маркса. Это работы И. С. Книжника-Ветрова, А. В. Уроевой, М. Д. Дворкиной, Т. В. Антоновой (Черетаевой), И. Е. Баренбаума и др. Много беднее литература о К. Т. Солдатенкове. Его издательская деятельность практически не исследовалась и в основном была представлена публикациями отдельных материалов и краткими справками в энциклопедиях, учебниках по истории русской книги. К сожалению, архивы К. Т. Солдатенкова и Н. П. Полякова не сохранились, из них до нас дошли лишь отдельные документы. Изучение литературы, работа во многих архивах Москвы и Ленинграда помогли выявить немало сведений, на основе которых воссоздана личная и творческая биография этих издателей. Иногда приходилось полагаться на косвенные данные и свидетельства, опираться не на достоверные факты, а лишь на гипотезы. Вместе с тем далеко не все обнаруженные факты (прежде всего, относящиеся к Солдатенкову) удалось включить в книгу, чтобы не нарушить архитектонику каждого очерка и соразмер-

ность их объемов. Автор стремился создать целостное представление о своих героях в надежде, что, несмотря на ощутимую порой нехватку материала, особенно биографических сведений, многие белые пятна, неясности, очерки, составившие книгу, явятся наиболее полными на сегодняшний день монографическими исследованиями, посвященными К. Т. Солдатенкову и Н. П. Полякову, и будут способствовать дальнейшему изучению жизни и деятельности этих замечательных подвижников русской демократической книги.

Деятели книги

К. Т. Солдатенков

К. Т. Солдатенков

Козьма Терентьевич Солдатенков (1818—1901) выпускал книги почти полвека — с 1856 по 1901 г., т. е. фактически всю вторую половину XIX столетия. За это время, по подсчетам Г. И. Поршнева, им было выпущено «не больше 200 названий»[1]. Однако это сравнительно небольшое число названий книг отличается превосходным подбором, и выпуск их принес заслуженную славу московскому издателю.

Солдатенков не без оснований считался современниками одним из крупнейших издателей России, а если принять во внимание значимость его книжного репертуара, то и одним из лучших. Он был издателем-просветителем, причем основную направленность его деятельности можно охарактеризовать как прогрессивно-демократическую.

Указывая на это, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства И. И. Скворцов-Степанов подчеркивал: «Особняком стояли такие издатели, как Солдатенков или Пантелеев. Прибыль да, пожалуй, сколько-нибудь быстрое возвращение затраченного капитала их мало интересовали. Они, определяя тираж издания, исходили из учета *общественных потребностей*»[2].

Идейные взгляды, прогрессивные убеждения Солдатенкова сформировались под влиянием лучших традиций русской интеллигенции 40-х гг., укрепились в кружке Т. Н. Грановского и Н. Х. Кетчера. В 1850-е гг. издательство Солдатенкова и его компаньона Н. М. Щепкина (их содружество продолжалось с 1856 по 1862 г.) отражало интересы всего московского кружка Т. Н. Грановского и Н. Х. Кетчера и было одним из самых значительных издательств в России.

Книги, выпущенные издательской компанией Солдатенкова и Щепкина, ярко характеризуют прогрессивно-демократическое направление нового издательства. Появление каждой из них становилось событием большого

общественного значения. Первой, в феврале 1856 г., вышла книга стихотворений А. В. Кольцова, в которой после долгого перерыва была перепечатана статья В. Г. Белинского за его подписью; затем появилась первая книга стихотворений Н. П. Огарева, уехавшего в Лондон к А. И. Герцену; третьим был сборник гражданской лирики Н. А. Некрасова, открывавшийся стихотворением «Поэт и гражданин». В следующем году была выпущена книга опального поэта, отданного Николаем I в солдаты,— А. И. Полежаева; компания напечатала второе издание брошюры профессора-экономиста И. К. Бабста, который указывал на экономическую отсталость России и настаивал на проведении в жизнь политических и экономических реформ. И наконец, главное издание, увенчавшее деятельность компании,— первое собрание сочинений В. Г. Белинского в 12-ти томах, вышедшее в 1859—1862 гг.

Прогрессивная пресса во главе с некрасовским «Современником» отмечала выход этих книг восторженными рецензиями. Внимательно следил за деятельностью издательства Солдатенкова и Щепкина вождь русской революционной демократии Н. Г. Чернышевский.

Фирма Солдатенкова и Щепкина уверенно завоевывала репутацию одного из самых серьезных в России издательств прогрессивного направления.

Солдатенков как личность. Его общественная позиция

Козьма Терентьевич Солдатенков родился 10(22) октября 1818 г.[3] в Москве в семье купца-старообрядца.

Род Солдатенковых происходил из крестьян деревни Прокуниной Коломенского уезда Московской губернии. В конце XVIII в. дед издателя, Егор Васильевич, приписался к московскому купеческому сословию. В 1825 г. отец К. Т. Солдатенкова, Терентий Егорович, стал купцом 1-й гильдии[4]. «Солдатенков,— вспоминал его друг и сотрудник М. П. Щепкин,— родился и вырос в очень грубой и невежественной среде Рогожской окраины Москвы, не получил никакого образования, еле обучен был русской грамоте и всю юность свою провел „в мальчиках“ за прилавком своего богатого отца, получая от него медные гроши на дневное прокормление в холодных торговых рядах»[5]. Действительно, сколько-нибудь системати-

ческого образования будущему издателю так и не удалось получить, но читать он научился рано от начетчиков: в старообрядческом быту почитали старопечатную и рукописную книгу (в основном религиозную).

Сохранившаяся переписка Солдатенкова с его другом Алексеем Алексеевичем Рахмановым[6] дает представление о будущем издателе еще до сближения его с московским кружком Т. Н. Грановского. В круг чтения Солдатенкова в 40-е гг. входит вся новая литература: Н. В. Гоголь (самый любимый писатель), В. А. Сологуб, Казак Луганский (В. И. Даль), Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский. Уже в это время он рьяно собирает личную библиотеку, отдавая много времени книжной охоте, выписывая всю сто́ящую периодику. В библиотеке его, переданной по завещанию издателя Румянцевскому музею, оказалось 8 тыс. книг и 15 тыс. экз. журналов.

С юности Солдатенков — страстный театрал, не пропускающий ни одного спектакля отечественных и иностранных трупп. В конце 40-х гг. он начал коллекционировать картины. Получив после смерти отца в 1850 г. причитавшуюся ему долю наследства, Солдатенков с 1852 г. (на несколько лет раньше П. М. Третьякова) стал собирать галерею русской живописи. При покупке картин ему помогали советами такие опытные мастера, как А. А. Иванов, Л. М. Жемчужников, В. Е. Раев, А. А. Рицциони. В галерее Солдатенкова, завещанной им также Румянцевскому музею, было 230 картин русских художников, в том числе такие шедевры, как самый большой и наиболее близкий к картине эскиз «Явление Христа народу» А. А. Иванова, «Вирсавия» К. П. Брюллова[7], «Автопортрет» В. А. Тропинина, «Вдовушка» и «Завтрак» П. А. Федотова, «Похороны» и «Чаепитие в Мытищах» В. Г. Перова, «Сбор недоимок» В. В. Пукирева, «Оттепель» Ф. А. Васильева, «Прерванное свидание» Н. В. Неврева, эскиз «Тайной вечери» и «Христос в саду Гефсиманском» Н. Н. Ге, кроме того, 28 картин иностранных художников и 17 скульптур, не считая переданного впоследствии музею большого собрания рисунков и гравюр. Сейчас картины и скульптуры из коллекции Солдатенкова украшают залы Третьяковской галереи, Русского музея и других советских музеев. Солдатенкову принадлежало и большое собрание древних русских икон.

Известен интерес Солдатенкова к коллекционированию произведений искусства социально оппозиционного направления. Например, К. А. Тимирязев в 1918 г. с чувством уважения и симпатии к Солдатенкову вспоминал,

как тот приобрел картину В. И. Якоби «Террористы и умеренные», изображающую арест Робеспьера в Конвенте, не побоявшись «исторической тени Робеспьера, как не побоялся он протянуть руку помощи и живому Чернышевскому»[8].

Солдатенков — в плеяде тех выходцев из купечества, которые стали, по словам К. С. Станиславского, «строителями русской культурной жизни»[9]. Вспомним имена Боткиных, Мамонтова, Морозова, Щукиных, Бахрушина, Сабашниковых, самого Станиславского. Именно на Солдатенкова как на представителя нового русского купечества указывал В. Г. Короленко, когда писал: «Торгово-промышленный класс в среднем сравнялся по образованию и культурности с представителями других культурных классов, и наши крупные капиталисты нередко уже вместо пожертвований на колокола дают своим миллионам назначение, достойное культурных людей: Боткины собирают коллекции для национальных музеев, Солдатенковы издают дорогие научные сочинения...»[10].

Солдатенков был одним из самых богатых людей в России. В наследство, после смерти отца и старшего брата, он получил нанковую фабрику (бумагопрядильное дело в Москве XIX в. было очень распространенным — недаром Москву тогда называли «ситцевой»). Но самые значительные доходы принесло ему удачное помещение капитала в различные предприятия: он был акционером компаний по строительству железных дорог, ряда крупнейших мануфактур: Цинделевской, Кренгольмской. После смерти Солдатенкова его наследство оценивалось примерно в 8 млн. руб. (в процентных бумагах).

И этот крупнейший московский фабрикант, капиталист был одним из самых прогрессивных людей своего времени в России, убежденным, последовательным врагом царского самодержавия. Как это совместить?

Причины оппозиционности русской буржуазии к самодержавию и пределы этой оппозиционности глубоко вскрыл В. И. Ленин. «...Интересы самодержавия,— писал он,— совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы

эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого»[11]. Уместно привести здесь и еще одно ленинское наблюдение: «Эпоха буржуазной революции,— писал он в 1905 г.,— отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества»[12]. Естественно, в XIX в. эта «неразвитость классовых противоречий» была еще бо́льшей. Капитализм только-только становился в России, и Солдатенков, внук крестьянина, сын купца, еще слишком сильно ощущал свою кровную связь с притесняемыми сословиями.

Имущественный ценз не определял идейного лица того или иного деятеля. Ведь издатель-редактор «Современника», а впоследствии «Отечественных записок» Н. А. Некрасов и издатель-редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М. Н. Катков имели примерно одинаковое формально-правовое положение, примерно одинаковые средства к жизни, а между тем они были защитниками взаимоисключающих друг друга, враждебных друг другу общественных интересов. Громадные средства, которыми располагал Солдатенков, совершенно исключали коммерческий расчет при издании книг; его не смущали затраты на серьезные научные книги, которые нужны были узкому кругу ученых и расходились крайне медленно; его не пугали убытки от печатания книг, посвященных острейшим общественным вопросам, книг, которые преследовались царской цензурой и часто уничтожались.

Были и другие, так сказать, личные причины оппозиционного отношения Солдатенкова к царскому самодержавию, и прежде всего его принадлежность к старообрядчеству. Система притеснений со стороны официальных властей, естественно, вызывала оппозиционность старообрядцев. Недаром русский раскол рассматривался революционной демократией 60-х гг. как крупная сила, которую можно вовлечь в революционную борьбу с царизмом. Герцен и Огарев пытались наладить связи с руководителями старообрядческих согласий, в основном для старообрядцев они издают газету «Общее вече». Чер-

нышевскому было поручено написать прокламацию «К старообрядцам».

Солдатенков принадлежал к наиболее оппозиционной части московского старообрядчества. «Когда император Николай I,— писал хорошо знавший Солдатенкова Е. В. Барсов,— нашел нужным принять меры против „бегствующего священства", и в расколе возникла потребность в попах, Солдатенков, вместе с Рахмановым, явился основателем так называемой австрийской иерархии. Он орудовал в иерархическом совете, но не сам непосредственно, а через своих избранников и доверенных» [13]. Несмотря на эту «замаскированность», участие Солдатенкова в руководстве не только московскими старообрядцами Рогожского кладбища, но и всеми русскими старообрядцами этого «согласия» подтверждается, в частности, письмами к нему ряда старообрядческих руководителей, сохранившимися в архиве Солдатенкова в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 577).

Оппозиционность раскола вызывала тревогу у высших официальных властей. Обер-прокурор синода, наставник Александра III К. П. Победоносцев писал фрейлине Е. Ф. Тютчевой (дочери поэта) 20 декабря 1881 г.: «...раскол у нас, теперь в особенности, политическая партия, и весьма опасная. Опасная — по милости непрошеных адвокатов и защитников, людей, не имеющих ничего общего с верою и церковью. ...Из Москвы — кто ратует за раскол, кто подкупает журналы? *Шибаев* из Рогожского кладбища, человек, говорящий терминами газетных статей, входивший в связи с Герценом, не имеющий никакой веры *Морозов*, который всех детей своих воспитывает с англичанами гувернерами. *Солдатенков*, который печатает антирелигиозные книги. У этих людей свои цели. Кто вопиет о свободе раскола? Люди, не скрывающие своих задних мыслей — произвесть смуту и бросить в народ демократические тенденции. Они возводят в идеал основное учение раскола, что наша церковь, признанная и утвержденная, есть церковь незаконная и что власти законной, как церковной, так и гражданской,— более уже нет» [14]. Эта брань в устах идеолога реакции 80-х гг. сейчас воспринимается как одна из самых лестных оценок общественного облика Солдатенкова.

В кружке Грановского

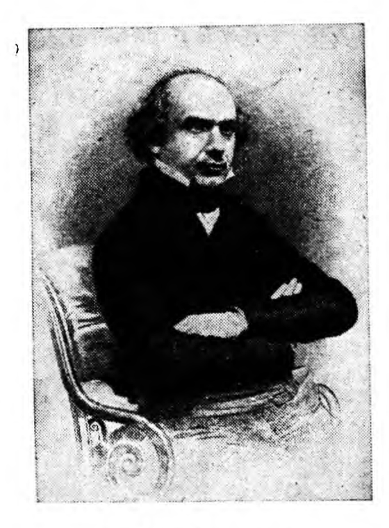
Значительную роль в формировании общественных взглядов Солдатенкова сыграла его тесная связь с членами московского кружка передовой интеллигенции, которым руководил профессор истории Московского университета Тимофей Николаевич Грановский.

Герцен отмечал, что в начале 30-х гг. между его кружком (Герцен, Огарев, Сатин и др.), чье направление было «почти исключительно политическое», и кружком Н. В. Станкевича (сам Станкевич, В. Г. Белинский и др.), отличавшимся «умозрительным направлением», «не было большой симпатии»[15]. Далее Герцен пишет: «Первый человек, признанный нами и ими, который дружески подал обоим руки и снял своей теплой любовью к обоим, своей примиряющей натурой последние следы взаимного непониманья, был Грановский...»[16]. В 1839 г. Грановский приехал в Москву после нескольких лет пребывания в Германии, где он сблизился с Н. В. Станкевичем и Н. Г. Фроловым. «Удивительный такт сердца» помог Грановскому объединить московских «прогрессистов». В его кружок, более широкий по составу, чем кружки 30-х гг., вошли люди, казалось бы, разных идейных воззрений, но их объединение совпадало с объективной необходимостью для русского общества найти истинный, научно обоснованный путь идейного и социального обновления. Именно в синтезе «политического» и «умозрительного» направлений вырабатывалась русская революционно-демократическая мысль 40-х гг.: Белинский от «примирения с действительностью» пришел к мысли, что он «в мире боец», а «политик» Герцен стал изучать Гегеля, в философии которого увидел «алгебру революции».

В кружке Грановского, в сообществе людей, объединенных прежде всего отрицанием николаевского деспотизма, вырабатывались новые общественные воззрения, шли поиски путей социального обновления страны.

Много лет спустя Герцен напишет: «Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых, я не встречал потом нигде, ни на высших вершинах политического мира, ни на последних маковках литературного и артистического. А я много ездил, везде жил и со всеми жил; революцией меня прибило к тем краям развития, далее которых ничего нет, и я по совести должен повторить то же самое»[17].

Трудно сколько-нибудь точно датировать знакомство будущего издателя с членами кружка Грановского. Можно, однако, предположить, что оно относится к середине или концу 40-х гг. Так, Рахманов в письме от 11 августа 1845 г. просил Солдатенкова передать поклон «почтенному Николаю Яковлевичу». Вполне вероятно, что здесь речь идет о Кетчере, отчество которого по официальным документам было не «Христофорович» (как называли его друзья и как перешло это в позднейшую литературу), а «Яковлевич»[18]. Солдатенкова и Кетчера, который, кстати, в 40-х гг. жил «под Сокольниками», неподалеку от дачи Солдатенковых, могла познакомить жена Кетчера, Серафима Николаевна, которая в детстве воспитывалась в старообрядческом скиту (см. о ней в «Былом и думах» Герцена) и, несомненно, знала многих московских старообрядцев, тем более таких известных и влиятельных, как Солдатенков.

Т. Н. Грановский

В печатной литературе первые известные упоминания о Солдатенкове в связи с московским кружком относятся к 1852 г., когда Солдатенков впервые отправился за границу вместе с Николаем Петровичем Боткиным (1813—1869), братом В. П. Боткина, автора «Писем об Испании», близкого знакомого Белинского, Тургенева, Некрасова. Это было не позже февраля 1852 г. Основной целью путешествия был Рим, где Боткин хотел познакомить Солдатенкова, страстно в то время мечтавшего собрать галерею русского изобразительного искусства, с колонией русских художников, и прежде всего с А. А. Ивановым.

Из Рима Солдатенков и Боткин отправились в Неаполь, где встретились с А. В. Станкевичем и его женой, двоюродной сестрой Грановского, и вместе побывали в Сорренто.

В конце мая — начале июня 1852 г. в Женеве Солдатенкова настигла весть о скоропостижной кончине его

старшего брата. Это заставило его прервать путешествие и вернуться в Москву.

18 сентября 1852 г. Грановский писал А. Е. и Н. Г. Фроловым о Солдатенкове как об общем знакомом: «Солдатенков выкупил в память брата из тюрьмы содержавшихся за неуплату податей, более чем на 30 тыс. сер<ебром> в один раз. Сверх того он сделал много действительно добрых дел» [19]. С этого времени в письмах Грановского нередки упоминания о Солдатенкове. В 1853 г. он деятельно участвует в коллективной покупке московским кружком дома для Кетчера, внеся один из самых больших паев — 1000 руб. Осенью 1853 г. Грановский по просьбе Солдатенкова наблюдал за воспитанием его восьмилетнего племянника. Зимой 1853—1854 гг. Грановский прочел краткий курс древней истории К. Т. Солдатенкову и И. Е. Забелину, в будущем известному историку. О короткой близости Солдатенкова с членами московского кружка свидетельствует и его участие в их товарищеских обедах [20].

Еще в 1845 г. Грановский писал Н. Г. Фролову: «Говорят, что в России не для всякого возможна деятельность. Это оправдание людей, которые не хотят ничего делать. Герцен, Кетчер, Корш много делают, каждый в своей сфере. А богатый человек у нас может сделать бесконечно много пользы. Сотни молодых людей отходят от университета потому только, что у них не достает 300 или 400 руб. на первый год. У нас нельзя еще напечатать книги без стороннего пособия. Не говорю о том, что Белинский умирает с голоду и работает из куска хлеба. Доктора советуют отдохнуть — но где средства, чем жить? У Герцена нет денег, у меня, кроме долгов, нет ничего, следовательно, мы не в состоянии ему помочь» [21].

В качестве богатого и влиятельного человека [22], который может сделать «бесконечно много пользы», и вошел Солдатенков в московский кружок. Вошел органически, так как с остальными членами кружка его объединяла глубокая внутренняя потребность «служить Добру».

Пожалуй, самым близким Солдатенкову человеком в московском кружке, ставшим его другом, был Николай Христофорович (Яковлевич) Кетчер (1806—1886) [23]. С молодости он был широко известен в литературных кругах как переводчик Шиллера, Гофмана, Шекспира. Кетчер был близким другом Герцена, Огарева, Н. Станкевича, впоследствии Белинского. Друг и доверенный человек Н. И. Надеждина, он принимал участие в редак-

тировании «Телескопа», в частности, за ним закрепилась слава переводчика знаменитого первого «Философического письма» Чаадаева [24], за публикацию которого издание журнала было прекращено, а автор, редактор журнала и цензор сурово наказаны. В московском кружке Кетчер был одной из главных фигур, разделяя, в известной мере, руководство им вместе с Грановским.

Кроме Кетчера, особенно близки Солдатенкову были доктор П. Л. Пикулин, историк И. Е. Забелин (ему Солдатенков подарил весь доход от издания «Стихотворений» Некрасова в 1856 г.), журналист и переводчик, друг Белинского и Герцена Е. Ф. Корш. Дружбу с этими яркими, талантливыми людьми Солдатенков пронес через десятилетия, и трое из них (Кетчер, Забелин и Корш) стали основными его советчиками и помощниками в издательской деятельности.

Именно от московского кружка, от «наших», как он их называл, Герцен ждал первой помощи, первого движения в присылке материалов из России.

Летом 1855 г. к Герцену приезжает П. Л. Пикулин. Он привез тетрадь со списками запрещенных стихотворений Пушкина, Лермонтова и Полежаева и письмо от Грановского и Кетчера. В письме, которое Пикулин привез в Москву, Герцен писал: «Ну, спасибо... спасибо вам. Это первый теплый, светлый луч после долгой, тяжелой ночи с кошмаром» [25]. Связь с Герценом становится регулярной. Осенью 1856 г. в заграничное путешествие отправляется Н. М. Щепкин, член московского кружка, товарищ Солдатенкова по издательству. Одной из целей его путешествия была встреча с Герценом. В начале 1857 г. Щепкин часто встречался с ним в Риме, 17 (29) июня 1857 г. он приехал к Герцену в Путней. От московского кружка до Лондона доходили, по выражению Герцена, «слова горячей симпатии, живого участия, дружеского одобрения». Именно московский кружок стал главным поставщиком тайной корреспонденции для «Полярной звезды».

Солдатенков и Герцен

Сближение Солдатенкова с Грановским и Кетчером, друзьями Герцена, способствовало знакомству издателя с деятельностью Герцена, интересу и симпатии к его замечательной личности.

Вполне вероятно, что уже в 40-е гг. Солдатенков был

знаком с Герценом. Во всяком случае, имя Герцена в это время ему было хорошо известно. В письме к Рахманову от 6 июля 1848 г. Солдатенков вспоминал, «...как известный тебе (боюсь личности) журналист напал на г. Погодина за его „Год в чужих краях", где более всего попадается, что он везде был голоден и порядочно редко удавалось ему покушать» [26]. Здесь явно речь идет о фельетоне А. И. Герцена «Путевые заметки г. Ведрина» («Отечественные записки», 1843, № 11), написанном по поводу дневника М. П. Погодина «Год в чужих краях», заполненного описанием различных бытовых обстоятельств. Замечание Солдатенкова: «боюсь личности», возможно, связано с тем, что ему были известны обстоятельства отъезда Герцена за границу и он не хотел называть в письме его имя.

С именем Герцена была связана и репутация Солдатенкова как «социально опасного» человека, которой он пользовался у властей. Так, в «Списке подозрительных лиц в Москве», приложенном к донесению московского генерал-губернатора гр. А. А. Закревского шефу жандармов и начальнику III отделения кн. В. А. Долгорукову от 8 августа 1858 г., о Солдатенкове было написано: «Раскольник, западник, приятель Кокорева (богатого купца и либерального деятеля.— *А. Т.*), желающий беспорядков и возмущений». Компаньон Солдатенкова Н. М. Щепкин подозревался Закревским в распространении изданий Герцена и другой запрещенной литературы: «В прошедшем году, во время ярмарки в Нижнем Новгороде, и в продолжение зимы один из сыновей Щепкина уезжал несколько раз из Москвы, и, как говорят, развозил несколько тысяч экземпляров запрещенных сочинений на русском языке» [27].

19 декабря 1860 г. управляющий III отделением генерал-адъютант А. Е. Тимашев в отношении на имя штаб-офицера корпуса жандармов в Москве подполковника Воейкова 3-го предлагал «совершенно негласным образом» узнать о составе и целях кружка К. Т. Солдатенкова, так как, по сведениям генерал-адъютанта Долгорукова, Солдатенков и Н. Щепкин «пересылают к Герцену статьи для напечатания в „Колоколе"» [28]. Спустя два с половиной месяца Воейков сообщал: «Что же касается до Солдатенкова и Щепкина в имеющихся сообщениях с Герценом, того отвергать никак нельзя, а вместе с тем и нет фактических доказательств в прямых с ним сношениях» [29].

Солдатенков имел возможность встретиться с Герце-

ном еще в 1852 г. во время своей первой поездки за границу вместе с Н. П. Боткиным. Известно, что Боткин навестил Герцена в Ницце. Солдатенков же явно испугался встретиться с политическим эмигрантом. Герцен писал: «Товарищ его (Н. П. Боткина.— *А. Т.*) не нашел сил и храбрости явиться» [30].

Однако сохранились достаточно веские свидетельства того, что Солдатенков впоследствии встречался с Герценом.

В феврале 1858 г. Солдатенков поехал за границу вместе с В. Ф. Коршем (которого пригласил «в качестве товарища и переводчика»). Они побывали в Германии, Италии, Франции. Из Парижа В. Ф. Корш поехал в мае 1858 г. в Лондон, чтобы встретиться с Герценом. В Лондоне с Коршем был и Солдатенков [31]. А. Н. Пыпин, двоюродный брат Чернышевского, писал Е. Ф. Коршу 8 июня 1858 г.: «В Лондоне я был в одно время с Валентином Федоровичем (Коршем.— *А. Т.*), но мне не удалось видеться с ним. С утра до вечера он осматривал город *с своим спутником* (курсив мой.— *А. Т.*)» [32].

Вряд ли Солдатенков упустил возможность увидеться с Герценом, который был в это время, пожалуй, самой притягательной фигурой для русского культурного человека. Солдатенков проявлял большой интерес к Герцену и его деятельности. В его альбоме среди фотографий родственников и знакомых были фотографии Герцена [33], в библиотеке московского издателя имелись номера «Колокола» за 1857—1867 гг. [34]

Любопытно, что Герцену были известны даже детали совместного путешествия В. Корша и Солдатенкова. Свое письмо к В. Коршу от 10 июня 1858 г. он заканчивал словами: «Кланяюсь вашему товарищу (Солдатенкову.— *А. Т.*) и вам жму руку. Не забудьте картину Иванова» [35]. Последняя фраза имеет также отношение к Солдатенкову. В Риме он получил от А. А. Иванова эскиз «Явления Христа народу» [36], деньги за который были уплачены Солдатенковым художнику ранее. Эту довольно большую картину он возил с собой во время всего дальнейшего путешествия, что и вызвало явно шутливое замечание Герцена, чтобы в дорожной спешке Солдатенков и Корш не забыли картину.

Предположение, что Солдатенков вместе с Коршем побывал у Герцена, подкрепляется и тем, что Герцен впоследствии смотрел на Солдатенкова как на «своего человека», на материальную поддержку которого можно рассчитывать. Так, стараясь организовать постоянную

помощь бежавшему из сибирской ссылки и приехавшему в Лондон М. А. Бакунину, Герцен писал И. С. Тургеневу в начале января 1862 г.: «Кажется, Солдатенков будет в Париже — с него непременно возьми денег для Бакунина — наконец, стыд и срам, если вся партия не вышлет ему по 1500 руб. сер<ебром> в год» [37].

Важное свидетельство, подтверждающее факт встречи Солдатенкова с Герценом, содержится в письме известного знатока русского раскола писателя П. И. Мельникова-Печерского к министру внутренних дел П. А. Валуеву. В апреле 1866 г. министерство внутренних дел командировало Мельникова в Москву с поручением «собрать совершенно негласным образом» сведения о современном состоянии русского раскола и о крупнейших представителях его. В девятом пункте задания указывалось — выяснить «степень значения в расколе лиц, стоящих вне иерархических его интересов, Солдатенкова, Хлудова, Рахманиновой и других...» [38]. Хотя Мельников выступает в письме-донесении Валуеву сторонником снисхождения и терпимости к старообрядцам, особенно к тем, которые прервали отношения с белокриницкой («австрийской») иерархией, но о Солдатенкове он пишет со злобой: «Разумею не тех quasi-образованных старообрядцев, которые зовутся „раскольниками в палевых перчатках“, не того, который, отстояв уставную службу с лестовкою и по рогожскому закону „с поясом ниже пупа“, совещевается с московскими литераторами о переводе Шекспира, в котором не понимает ни уха, ни рыла, или *всласть наговаривается о судьбах Европы и России с самопервейшим умником мира сего, самим Александром Ивановичем* (курсив мой.— *А. Т.*)» [39]. Мельников не называет прямо имени Солдатенкова, зная, очевидно, что Валуеву и без того известно, о ком идет речь. Человек чрезвычайно осведомленный даже в конкретных делах, связанных с расколом и старообрядцами, Мельников о Солдатенкове мог узнать очень многое, по крайней мере, от двух лиц. Мельников встречался и даже записал разговор с перешедшим в единоверие бывшим раскольничьим «владыкой» Пафнутием, который в 1861—1862 гг. пробыл несколько месяцев в Лондоне, где обсуждал с Герценом, Огаревым, Бакуниным и Кельсиевым возможность учреждения в английской столице старообрядческой церкви и архиерейской кафедры, высшего училища, типографии, журнала и дома для пристанища раскольников. Пафнутий прекрасно знал Солдатенкова и был тесно связан с ним. Другим источником сведения о Солда-

тенкове могли стать и разговоры Мельникова с его учеником и другом, историком К. Н. Бестужевым-Рюминым, служившим в конце 50-х гг. учителем в доме Солдатенкова и часто бывавшим в его доме. Свидетельство Мельникова о встрече Солдатенкова с Герценом и характер их разговоров представляется весьма достоверным.

В конце 1861 г. Солдатенков снова уехал за границу. Побывав во Франции, Италии, Египте, он приехал в Лондон на всемирную промышленную выставку.

В это время в Лондоне по инициативе В. И. Кельсиева и Н. П. Огарева решено было издавать новое приложение к «Колоколу» — газету «Общее вече», причем основной расчет строился на том, что деньги на издание этой газеты будут получены от Солдатенкова. «Ни денег нет, ни К. Т. не едет,— писал Кельсиев 1 июня (21 мая) 1862 г. Н. Ф. Петровскому.— А Поморских ответов уже 300 экз. заказано; нечего делать — отдаю их Трюбнеру — пускай хоть как-нибудь напечатаются» [40]. На помощь Солдатенкова уповал и А. И. Герцен, шутивший в письме к Н. П. Огареву: «...если Солдатенков дает денег — скажи Кельсиеву, чтоб он переименовал его в Прапорщенковы» [41].

Солдатенков встретился с Кельсиевым у Владимира Суздальцева, близкого знакомого Герцена. Впоследствии Кельсиев, переживший глубокий душевный надлом и добровольно вернувшийся в Россию, писал в своей «Исповеди», предназначенной для царских властей, об этой встрече: «Узнал я, что Кузьма Терентьевич Солдатенков в Лондоне,— он приезжал на всемирную выставку, и я решил познакомиться с ним. Мне казалось, что такой меценат, издатель, человек, во всяком случае, понятливый более прочих своих единоверцев, не может уклониться от такого выгодного для них дела, как печатание их книг. Трудно было свидеться с ним, но я настоял и свидание наше устроилось.

— Да какая же польза будет от этого печатания? — спросил он меня, когда я изложил ему дело и рассказал о Пафнутии и о моей поездке в Москву.

— Поставит вас в самостоятельное положение, привлечет к вам сочувствие образованных людей, нас поддержит...— развивал я ему.

— Ах, какой этот Пафнутий с Шебаевым горячий и неосторожный! — отозвался Солдатенков.— Я боюсь, чтобы такое дело не поссорило нас хуже с правительством.

Я опять начал толковать ему в том смысле, как тогда

было принято говорить о правительстве и как на него тогда смотрели.

— Я так боюсь,— говорил как-то беспокойно Солдатенков.— Вы знаете, что я под строгим надзором. За мной всюду следят. Ведь вы это знаете?

— Знаю,— отвечал я, чтобы не уронить в глазах его нашего пресловутого лондонского всеведения, о котором тогда говорили столько чудес.

— Ну вот видите, вот и вы сами знаете, ведь у вас все известно! Следят! Даже в Париж отправлены за мной агенты; куда ни выеду, уж так и знаю, кто-нибудь стоит из них и смотрит на меня, и смотрит, так и смотрит! Меня даже знакомые предупреждают все, чтоб я осторожней был.

Он, кажется, несколько (зачеркнуто: помешан) тронут на этом пункте; по крайней мере, когда он мне толковал, что за ним следят, он мне показался мономаном. Кончили мы на том, что он поговорит в Москве, посоветуется, надо подумать; короче говоря, я понял, что с его стороны ждать нечего без энергического содействия Пафнутия и его кружка.

Нужно было писать им» [42].

Очевидно, только одно обещание Солдатенкова дать деньги и стало основанием для версии об участии его в финансировании «Общего веча». «В 1862—64 гг. давал деньги на издание „Общего веча"...»,— утверждается в справке о Солдатенкове в словаре «Деятели революционного движения в России» [43]. Это утверждение стало общепринятым [44]. Однако найти сколько-нибудь веские доказательства в пользу его не удалось, к сожалению, даже в источниках, приводимых составителями словаря — А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой. Более того, все известные факты противоречат этому утверждению.

«К. Т. был здесь,— писал Кельсиев Н. Ф. Петровскому 5 июня (23 мая) 1862 г.,— не сказал ни „да" ни „нет", говорит, что подумает и вышлет деньги в августе и т. п. Я сел, как рак на мели. Против моих правил положился на него, как на каменную гору — и вот теперь свищу в кулак. Но тем не менее, все-таки, работаю, сколько можно. Шрифт начнут лить на этой неделе» [45]. В письме Ив. Ив. (Шебаеву или, точнее, Шибаеву — видному старообрядческому деятелю.— *А. Т.*) от 5 июля (28 июня) 1862 г. Кельсиев более подробно писал о разговоре с Солдатенковым: «Две недели тому назад был здесь К. Т. Он отозвался мне, что знать ничего не знает, но что, впрочем, не прочь помочь 6000 руб<лями> сер<ебром>,

только прежде посоветуется с вами, т. е. не раньше августа. Я спросил у него не 3000, а 6000 руб<лей> сер<ебром>, потому что теперь придется печатать на более широких размерах, так как с меня требуют Поморских ответов и так как Славский хочет что-то прислать. Ужасно жаль, что время оттягивается и оттягивается». «Впрочем,— продолжал Кельсиев,— не смущайтесь, если К. Т. и ничего не даст, дело все-таки пойдет — из-под земли отрою средства, а не сложу руки»[46]. Из «Исповеди» Кельсиева понятно, что Солдатенков денег на «Общее вече» ни в этот свой приезд, ни потом не дал. На страницах ее, рисующих жизнь автора в Константинополе в 1863 г., встречаем слова: «...из России вестей от Солдатенкова и от шебаевского кружка не было...»[47].

Нельзя не принять во внимание и такой важный факт, как заявление самого Герцена в открытом письме «В редакцию „Инвалида"» (1865) о том, что «с московского раскольника С.» он «денег не брал», «и кричи об этом все Третье отделение и оба брата Милютины, ни один умный человек, ни один честный человек этому не поверит»[48].

Одной из причин, по которым Солдатенков отказался дать деньги на одно из изданий вольной печати, могла быть, вероятнее всего, боязнь полицейских преследований. Когда Солдатенков говорил в Лондоне о постоянной слежке за ним, он не преувеличивал и не выдумывал, как это показалось Кельсиеву. За ним, действительно, велся негласный полицейский надзор[49]. Дело усугубилось арестом чиновника П. А. Ветошникова, взявшегося доставить в Россию письма лондонских эмигрантов, в том числе и письма Кельсиева.

«Высочайше» учрежденной следственной комиссии было приказано произвести дознание о лицах, упоминаемых в изъятых у Ветошникова письмах. Поскольку среди них были и жители Москвы, туда был командирован начальник 1-го округа корпуса жандармов, генерал-майор А. М. Дренякин.

Одним из первых был арестован живший под Москвой отставной штабс-капитан Н. Ф. Петровский, которому было адресовано несколько писем Кельсиева. Затем жандармы отыскали также упоминаемого в лондонских письмах близкого знакомого Петровского — А. А. Котляревского, преподавателя русского языка в Александринском сиротском кадетском корпусе. На допросе Котляревскому показали письма Кельсиева и он расшифровал инициалы упоминаемых в них лиц: К. Т. — К. Т. Солдатенков, Ив. Ив.— И. И. Шибаев и т. д.[50] Шибаева тут

же арестовали. Вернувшийся из-за границы в Москву Солдатенков был вызван к Дренякину «ласковым письмом». (Так как командировка в Москву Дренякина закончилась 19 июля[51], а допрос Котляревского состоялся 15 июля[52], Солдатенков, вызванный на допрос «на другой день после приезда», возвратился от 14 до 18 июля.)

Солдатенков сказал, что он действительно встретился в Лондоне в квартире Владимира Суздальцева с Кельсиевым, с которым он не был знаком до поездки за границу, и что Кельсиев просил у него 3000 руб., но он не дал. Очевидно, полицию удовлетворили показания Солдатенкова. Жандармский полковник Дурново доносил, что Солдатенков и другие старообрядцы, замешанные в деле о сношениях с лондонскими эмигрантами, «подозрений не внушают»[53].

Таким образом, документальных подтверждений версии о том, что Солдатенков финансировал «Общее вече», в распоряжении исследователей не имеется. Вряд ли Солдатенков, знавший, что он находится под пристальным полицейским надзором[54], решился, вернувшись в Россию, передать деньги на герценовскую пропаганду. Это грозило бы ему слишком большими неприятностями.

Была и другая, может быть, более глубокая причина, по которой Солдатенков не мог дать деньги лондонским эмигрантам в 1862 г. и чуть позже.

В 1861—1862 гг. произошел окончательный раскол московского кружка, так как его члены заняли различные позиции по отношению к сложившейся в России революционной ситуации и к принимаемым царским правительством мерам для ее ликвидации. И если левая часть кружка (видный деятель революционной демократии В. И. Касаткин, сын декабриста Е. И. Якушкин, Н. М. Щепкин, фольклорист А. Н. Афанасьев) представляла «партию Герцена», то другая, численно бóльшая (в том числе и Кетчер), заняла умеренно-либеральную позицию, связывая надежды на прогресс в стране с реформами правительства.

В силу обстоятельств (прежде всего, из-за близкой дружбы с Кетчером, братьями Корш и другими членами «старой» части московского кружка) Солдатенков во время раскола кружка оказался на их стороне. Логическим завершением этого было издание Солдатенковым в конце 1862 г. сборника статей Б. Н. Чичерина «Несколько современных вопросов». Первым в книге было помещено «открытое письмо» к Герцену, осуждавшее его революционную деятельность, написанное Чичериным в 1858 г.

и напечатанное в «Колоколе». «Кетчер, Е. Корш и Бабст,— возмущенно писал Герцен Тургеневу,—уговорили кретина Солдатенкова издать сборник чичер<инских> статей, поставив во главе письмо его ко мне.— Не напечатать ли мне протест Кавел<ина> и вас всех?» [55].

Герцену стал, очевидно, известен факт допроса Солдатенкова жандармами. На основании присланного ему из Парижа письма-предупреждения Герцен заключил, что русским властям о встрече Солдатенкова с Кельсиевым сообщил сопровождавший Солдатенкова в этой заграничной поездке московский врач А. Я. Тугендхольд (кстати, он неоднократно ездил за границу и с генерал-губернатором Москвы А. А. Закревским). «Вчера совершенно случайно,— писал Герцен Огареву 1 мая (19 апреля) 1863 г.,— я нашел имя шпиона, который донес на Солдатенкова,— Dr. Tugendhold» [56].

Если это подозрение Герцена справедливо, то Солдатенков так о нем и не узнал: еще в 1878 г. Тугендхольд оставался близким к нему человеком, одним из лечивших его врачей [57]. Впрочем, может, А. Я. Тугендхольд подозревался Герценом необоснованно: ведь о встрече Солдатенкова с Кельсиевым властям стало известно и из писем Кельсиева, отобранных при аресте Ветошникова.

Издание книги Чичерина завершало переход «старой» части московского кружка (Кетчера, Е. и В. Корши, Бабста, Соловьева и др.) на антигерценовские позиции, в лагерь либералов, поддерживающих правительство Александра II, в лагерь врагов революционной демократии, представитель которой, В. И. Касаткин, писал Н. П. Огареву в письме от 7 января (нового стиля) 1863 г.: «Книга чичеринской наглости выше. Первой статьей в ней письмо к А. И. [Герцену]. Хороши родители, нечего сказать. Теперь уже ни их, ни их адъютантов, чай, не своротишь с колеи, в которой они увязли. Остается желать, чтобы они завязли в ней с головой» [58].

Натура недюжинная, яркая, самобытная, Солдатенков, хотя и был тесно связан со «старой» частью московского кружка, сумел высвободиться из-под сильного идейного влияния Кетчера и некоторых других, переступить через кружковую узость. Выпуск книг писателей революционно-народнического направления — Ф. М. Решетникова, А. И. Левитова, помощь, оказанная Солдатенковым в издании работ А. Н. Афанасьева (представителя «партии Герцена» в московском кружке), Н. Г. Чернышевского, русского публициста-демократа Г. З.Ели-

сеева, первого пропагандиста экономического учения Маркса в России Н. И. Зибера, свидетельствовали о том, что Солдатенков и в 60—90-е гг. оставался верен прогрессивно-демократической направленности своей издательской деятельности.

Конечно, общественное лицо издателя — это прежде всего выпущенные им книги. И книги, изданные Солдатенковым, точно характеризуют его личность, его общественную позицию.

Солдатенков и представители революционного движения

Утрата значительной части архива издателя и других материалов, важных для его социальной характеристики, лишает возможности прокомментировать целый ряд известных исследователям сведений, фактов, имеющих отношение к Солдатенкову. Однако даже на основании немногих сохранившихся документов можно констатировать довольно тесные и постоянные связи Солдатенкова с деятелями оппозиционного и даже революционного движения. Эти связи осуществлялись в разных формах на протяжении многих десятилетий.

Среди знакомых Солдатенкова, часто очень близких, целая фаланга революционеров, представителей разных этапов русского революционного движения.

Жандармский подполковник Воейков 3-й сообщал в III отделение 4 марта 1861 г., что у Солдатенкова бывают часто отец и сын Щепкины, Н. Х. Кетчер, П. Л. Пикулин, братья Боткины, братья Корш, бывший студент Московского университета Алексей Козлов, состоящий под надзором полиции, и отставной губернский секретарь Матвей Свириденко[59]. Наряду с членами московского кружка и старыми знакомыми издателя в этом списке два новых имени: Козлов и Свириденко. Это видные деятели одного из первых революционных кружков в Москве, так называемого кружка «вертепников», разгромленного правительством в 1858 г.[60]

Матвей Яковлевич Свириденко был идейным руководителем этого кружка, после разгрома которого он переехал в Петербург и стал крупным деятелем революционного подполья, близким к Чернышевскому.

Другой «вертепник» Алексей Александрович Козлов в начале 60-х гг. был связан с революционным кружком Ишутина. Впоследствии он отошел от революционной

деятельности и посвятил себя науке, сохранив прогрессивные взгляды. Профессор философии Киевского университета, оригинальный русский философ, он поддерживал дружеские связи с Солдатенковым до конца своих дней. Известно, что он перевел две книги для издательства Солдатенкова, в том числе книгу представителя немецкой политической экономии Карла Родбертуса «Выбранные места» (М., 1897), уничтоженную цензурой.

Кроме Свириденко и Козлова известны еще два члена кружка «вертепников», связанные с Солдатенковым. Александр Александрович Котляревский, в будущем ученый-славист с мировым именем, в 1862 г. был обвинен в связях с Герценом, арестован и почти полгода провел в заключении в Петропавловской крепости. Он часто бывал у Солдатенкова, находился с ним в переписке [61]. Иван Павлович Рассадин перевел для издательства Солдатенкова несколько книг, в том числе «Гамбургскую драматургию» Лессинга (М., 1883) и книгу о Лессинге Куно Фишера (М., 1882).

В близких отношениях находился Солдатенков с активным деятелем русского революционно-демократического движения Виктором Ивановичем Касаткиным. Летом 1869 г. в кунцевском доме у Солдатенкова жил Иван Гаврилович Прыжов, выдающийся этнограф и один из членов кружка С. Г. Нечаева.

Через художника В. И. Якоби Солдатенков сблизился с его братом Павлом Ивановичем Якоби, видным деятелем «молодой» эмиграции, сражавшимся в 1863 г. на стороне польских повстанцев. Другом Солдатенкова стала и жена В. И. Якоби — Александра Николаевна Якоби (псевд. Толиверова), известная русская гарибальдийка, детская писательница.

Едва ли не самым деятельным переводчиком в издательстве Солдатенкова был один из членов кружка Ишутина — Петр Федорович Николаев, отбывший сибирскую каторгу, где познакомился и сдружился с Чернышевским.

По рекомендации видного деятеля русского общественного движения 70—90-х гг. Николая Константиновича Михайловского Солдатенков издает сочинения известного революционно-демократического публициста, Григория Захаровича Елисеева.

Любопытно, что именно у Солдатенкова предполагалось получить литературную работу для нелегально вернувшегося в Россию выдающегося революционера Германа Александровича Лопатина, друга Карла Маркса. Солдатенков издал самые значительные сочинения дру-

гого близкого знакомого Маркса и Энгельса — известного социолога и историка, профессора М. М. Ковалевского, с которым также был тесно связан. Ковалевский вел с Солдатенковым переговоры об издании «Опыта истории мысли»—самого значительного труда П. Л. Лаврова, одного из вождей революционного народничества.

В некрологах, опубликованных в связи с кончиной издателя, отмечалась его широкая помощь участникам студенческих волнений.

Вполне вероятно, что Солдатенков давал деньги также революционным организациям (об этом говорит Тургенев в романе «Новь», где он вывел Солдатенкова в образе купца Капитона Голушкина).

В этом плане интересен и такой факт. Лев Толстой писал 17 марта 1898 г. В. Г. Черткову в Англию: «...одно очень богатое лицо советовалось со мной (я не называю имени, п<отому> ч<то> лицо это боится, что прочтут письмо), как устроить за границей печатный орган, в кот<ором> печатались бы все дурные дела, совершаемые русск<им> правительством. Я сказал, что обличение зла есть одно из проявлений христианск<ой> деятельности и что если бы лицо это и не желало вполне служить своими средствами делу религиозному, люди наших верований могли бы вести такую обличительную газету, и я указал на вас. Что вы об этом думаете? Лицо это будет в конце марта в Ницце, если вы думаете, что вы можете взяться за такое дело, я дам вам адрес, и вы спишитесь или свидитесь»[62]. Комментатор тома, известный историк книги М. В. Муратов полагал, что здесь речь идет, вероятно, о К. Т. Солдатенкове. Основой для такого предположения, несомненно, послужило то, что именно Солдатенков впоследствии передал через Толстого деньги Черткову на издательство «Свободное слово».

Конечно, вряд ли можно выявить в общественной деятельности Солдатенкова четкую политическую линию, стройную систему общественно-политических взглядов. Важно одно — постоянная поддержка, оказываемая им явлениям прогрессивного, демократического характера. Об этом свидетельствует и общая направленность его издательской деятельности.

„Не покорился миллионам...“

Для характеристики личности и общественных позиций Солдатенкова показательна и его огромная филантропическая деятельность. Ведь одной из

целей его издательской работы, а также и коллекционирования им картин русской школы было желание помочь остро нуждавшимся писателям, ученым, переводчикам, художникам. А. А. Риццони говорил, что, если бы не собирательская деятельность Прянишникова, Третьякова и Солдатенкова, то русским художникам некому было и продать свои картины, «хоть в Неву их бросай».

Выше уже отмечалось, что громадную личную библиотеку и картинную галерею Солдатенков завещал Румянцевскому музею. Кроме того, начиная с 1862 г.— времени основания музея, Солдатенков ежегодно давал 1000 руб. на его нужды, выплатив таким образом 40 тыс. руб.

Практически он роздал все капиталы, пришедшие за годы промышленной деятельности на деньги, полученные в наследство от отца. Миллион рублей был им завещан на постройку городской больницы (теперь носит имя С. П. Боткина), с условием, чтобы лечение было бесплатным и в больницу принимались все, кто нуждается в лечении, а не только москвичи (москвичами тогда считались люди, прожившие в Москве не менее трех лет); другой миллион назначался им на организацию ремесленного училища, которое должно было готовить высококвалифицированных рабочих.

Все нераспроданные издания (оценивались в 150 тыс. руб.) Солдатенков подарил городу Москве. Он строил школы, больницы, дома для престарелых...

Поистине, как говорится в стихотворении, посвященном его памяти: «И миллионы покорив, не покорился миллионам» [63].

История издательства

Время, в которое Солдатенков сблизился с кружком Грановского, было ознаменовано разгулом реакции в России, вызванной волной западноевропейских революций 1848 г. В сравнении с поистине «мрачным семилетием» 1848—1855 гг. даже жесткий политический режим предшествующего периода казался гуманным. «Люди жили, словно притаившись»,— отмечал современник [64].

Это было тяжелое время для русской литературы и прогрессивной журналистики. Лишь в виде исключения разрешались новые периодические издания, свирепствовала цензура. Грановский имел все основания произнести

горькие слова: «Благо Белинскому, умершему вовремя». Безысходность наложила печать и на настроение самого Грановского. А. В. Щепкина, сестра Н. В. Станкевича, вспоминала, что Грановский «писал очень мало в последние годы жизни, когда сознал, как неудобны стеснения мысли, удручавшие его. Случалось, что его убеждали приняться за интересную для него работу, и он говорил, что не может писать, стесняя мысль и что писать, надеясь, что допустят в печать со временем,— также нет охоты. Помню его собственные слова: „Если меня прочтут, когда меня уже не будет на свете,— это не утешительно"» [65]. Попытки Грановского и его друзей основать свой журнал долгое время были безуспешны. Наконец Н. Г. Фролову разрешили издавать (с 1852 г.) сборник «Магазин землеведения и путешествий», но он выходил редко, к тому же был слишком специальным изданием.

Члены кружка предпринимают и несколько попыток книжных изданий. В 1851 г. Н. М. Щепкин издает «учено-литературный» альманах «Комета», в котором были помещены произведения А. Н. Афанасьева, Т. Н. Грановского, И. Е. Забелина, А. Н. Островского, С. М. Соловьева, А. В. Станкевича, Евг. Тур, И. С. Тургенева, М. С. Щепкина. В следующем году Кетчер выпускает первое издание «Записок охотника», подаренное ему Тургеневым (который в эти годы также входил в московский кружок). Грановский не оставлял надежды издать свои исторические сочинения.

В это же время в кружке Грановского и Кетчера возникла идея создания своего издательства.

В 1854 г. вдова Белинского отказалась от предложения Некрасова переиздать подготовленный критиком сборник стихотворений Кольцова. Этот отказ, наверно, был обговорен М. В. Белинской с Кетчером, у которого хранилась рукопись первого издания, подготовленная к набору (1846). Отказ от предложения Некрасова заставлял Кетчера или помочь найти другого издателя, или же самому взяться за издание этой книги. Но Кетчер в это время был беден. Даже дом ему друзья купили в складчину. «Записки охотника» Тургенева он взялся издавать потому, что автор подарил ему право на одно издание. Не в лучшем положении был и Грановский, которому никак не удавалось выпустить собственную книгу. Таким образом, в 1854 г. у московского кружка было, по меньшей мере, две книжки, которые ждали издания. Впрочем, дело было не в том, что́ издавать: у членов москов-

ского кружка было достаточно собственных неизданных произведений и еще больше планов литературных предприятий. Созданию регулярно действующего издательства мешали два обстоятельства: цензурные препоны периода «мрачного семилетия» (даже имя Белинского в эти годы было запрещено упоминать в печати, так что сборник Кольцова пришлось бы выпускать без статьи Белинского о поэте) и отсутствие достаточной финансовой базы.

Смерть Николая I (в феврале 1855 г.) повлекла за собой ослабление жесточайших цензурных притеснений. Создались относительно благоприятные общественные условия и для издательской деятельности московского кружка. Финансовые же затруднения решались согласием такого богатого человека, как Солдатенков, заняться изданием книг.

Компаньон Солдатенкова — Н. М. Щепкин

Товарищем Солдатенкова по издательству стал второй сын великого русского актера — Николай Михайлович Щепкин (1820—1886). Круг друзей отца — Кетчер, Грановский, Герцен, Белинский — был знаком ему с детства. Он успешно, со степенью кандидата, закончил естественный факультет Московского университета и хотел посвятить себя научной карьере, но силой обстоятельств был вовлечен в военную службу. Проходя ее в драгунском полку в Воронеже, он сблизился там с семьей Н. В. Станкевича, на сестре которого, Александре Владимировне, впоследствии женился. После выхода в отставку (в хлопотах о которой деятельно участвовал Белинский) Щепкин становится активным членом кружка Грановского.

Интерес к книгоизданию появился у Щепкина еще в юности. Так, известно, что именно он посоветовал Я. П. Полонскому издать первую книгу стихов по подписке: «Соберем человек сто подписчиков по рублю за экземпляр и издадим». Деньги были собраны — и осенью 1844 г. книга Полонского «Гаммы» вышла в свет[66]. В 1851 г. Щепкин выпускает альманах «Комета», который был признан удачным издательским начинанием московского кружка. Естественно, что Щепкин вошел в издательскую компанию с Солдатенковым как весьма компетентный в книжном деле человек.

Кто был инициатором создания издательской компании

В литературе можно встретить указание на то, что издательская фирма К. Солдатенкова и Н. Щепкина возникла по инициативе последнего [67]. Однако нет никаких документальных или мемуарных свидетельств, подтверждающих это. Еще в мае 1855 г. Грановский советует Некрасову обратиться с предложением издать сборник стихов к Солдатенкову. Конечно, мысль о создании издательства могла прийти любому из членов московского кружка, также и самому Солдатенкову. Н. Щепкин по своему положению в кружке вряд ли имел сколько-нибудь серьезное влияние на Солдатенкова. Скорее речь может идти о влиянии на него руководителей кружка — Грановского и Кетчера.

11 июня 1855 г. Солдатенков в качестве единоличного издателя заключил первое известное договорное условие с Некрасовым [68], что было сделано по рекомендации Грановского. В этом условии Щепкин вообще не упоминается.

Книгу Некрасова Солдатенков предполагал выпустить осенью 1855 г., однако поэт задерживал присылку оговоренных в условии дополнений (см. об этом далее).

В неопубликованных архивных материалах удалось найти имя действительного инициатора создания издательской компании. Им был Кетчер. «Стараниями Н. Хр. Кетчера,— указывала в 1891—1892 гг. А. В. Щепкина,— составлена была издательская компания...» [69]

О первой книге

А. А. Теремецкая в своей кандидатской диссертации (1953), а затем и другие исследователи в качестве первой книги, выпущенной издательской компанией, называют «Сочинения» Т. Н. Грановского (т. 1—2. М., 1856). Однако сравнение дат цензурных разрешений на всех изданиях компании этого года и печатных объявлений об их выходе показало, что первой книгой были «Стихотворения» А. В. Кольцова, выпущенные в феврале 1856 г. Это же подтверждается и свидетельством самого Солдатенкова [70]. «Сочинения» Грановского вышли на несколько месяцев позднее. К тому же нет никаких оснований причислять их к изданиям компании. Этот двухтомник Грановского был или коллектив-

ным изданием московского кружка, или же выпущен на средства А. В. Станкевича.

Н. Х. Кетчер

На книгах нового издательства стояло: «Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина». Под этой фирмой книги выходили более шести лет. В это время издательство действовало на кооперативных началах [71]. Характер этих «кооперативных начал» до сих пор не вполне ясен. Судя по найденным несколько лет назад двум договорным условиям, заключенным только Солдатенковым с Некрасовым и Григоровичем [72], их объединение до создания книжного магазина в конце 1857 г. не было паевым. Каждый из них финансировал ту или иную конкретную книгу, которая выходила как совместное издание [73]. Так, только на средства Солдатенкова были выпущены почти все книги компании первых двух лет ее существования: сборники Кольцова, Огарева (1-е изд.), Некрасова, Полежаева (1-е изд.). То, что на изданиях ставились две фамилии, подчеркивало лишь идейную общность соиздателей. И только после того, как был создан книжный магазин Н. Щепкина и К°, издание книг стало оплачиваться из доходов магазина, и, следовательно, книги, выпускаемые компанией, и в коммерческом плане стали общими изданиями [74]. Издательское содружество Солдатенкова и Щепкина скреплял Кетчер, который практически руководил издательством, т. е. во многом определял выбор книг для издания, составлял и редактировал некоторые из них, держал корректуру. Точно известно, что он принимал участие в издании сборников стихотворений Кольцова, Некрасова, Фета, «Отцов и детей» Тургенева, составил и отредактировал собрание сочинений Белинского, книгу стихотворений Полежаева, готовил к изданию и выпускал свои переводы Шекспира.

Выбор книг для издания согласовывался со всеми членами компании, и все они несли юридическую и моральную ответственность за выпуск каждой книги (Солдатенков и Щепкин как издатели, а Кетчер в качестве

редактора[75]). Их компанию в 1856—1862 гг. точнее было бы назвать идейным издательским содружеством.

Ободренные большим успехом первых изданий, Солдатенков, Щепкин, Кетчер вместе с некоторыми другими членами московского кружка поняли, что для укрепления начатого ими дела надо организовать собственный книжный магазин и приобрести типографию.

Книжный магазин Н. Щепкина и К°

Судя по сохранившимся архивным материалам, инициатором создания книжного магазина был Н. М. Щепкин. Братья Станкевичи, родственники Щепкина, дали ему 9 тыс. руб. (по 3 тыс. каждый), что было своеобразным займом, так как считаться официальными пайщиками они не хотели. Деньги эти составили основу пая Щепкина. В «компанию» с ним вошел К. Т. Солдатенков, который внес 10 тыс. руб. Третьим компаньоном — без пая, но с правом голоса — стал Н. Х. Кетчер.

Главным распорядителем в магазине был Щепкин. Он снял удобное помещение — дом Сисалина на Лубянке (ныне улица Дзержинского), близ Кузнецкого моста, и закупил книги у московских и петербургских книгопродавцев. Был отлитографирован и широко распространен циркуляр новой книжной лавки, которая устраивалась на европейский манер и была для Москвы, впрочем, и для Петербурга, делом совершенно новым. К всеобщему изумлению, новые книгопродавцы не преследовали обычной цели любой торговли — извлечения барышей. Они предполагали получать всего пять процентов годового дохода для поддержания дела. Главная же их цель при создании книжного магазина была другой.

Книжный магазин Н. М. Щепкина и К°, по словам Чернышевского, учреждался на широких началах, чтобы «дать правильность нашей книжной торговле, удешевить цену хороших книг, облегчить их издание, содействовать их распространению»[76]. При магазине была создана библиотека для чтения. Кроме того, магазин вызвался быть посредником между авторами и издательской фирмой Солдатенкова и Щепкина.

Магазин открылся 25 ноября 1857 г. Приехав в конце ноября на несколько дней в Москву, Чернышевский не преминул познакомиться с Щепкиным и его другом

В. И. Касаткиным. Очевидно, в новом магазине Чернышевский приобрел экземпляр своей книги «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (Спб., 1857) и подарил его Щепкину с надписью: «Николаю Михайловичу Щепкину в знак искреннего уважения к его прекрасному благородному предприятию. От автора»[77]. О впечатлении, произведенном на него Щепкиным и Касаткиным, Чернышевский писал Бабсту: «...это, сколько я теперь знаю их, прекрасные люди... Скажите, каким образом Москва производит столько хороших людей?»[78]. В том же письме Чернышевский сообщал, что для двенадцатого номера «Современника» он сочинил «нечто и о лавке Щепкина — предприятие в самом деле честное и полезное»[79].

Отмечая тесную связь, в какой «развитие литературы и даже национального просвещения» находится с «правильностью и добросовестностью книжной торговли», Чернышевский в своем обозрении отмечал, что положение русской книжной торговли мало соответствует «потребностям дела, служительницею которого она должна быть», и видел в книжном магазине Н. М. Щепкина и К° первую фирму, принявшую характер, «приличный делу». «Основатели новой фирмы,— писал вождь русской революционной демократии,— люди, по своему образованию принадлежащие к лучшему кругу нашего общества, в котором пользуются заслуженным вниманием; с тем вместе, это люди, имеющие доходы, совершенно независимые от нового своего предприятия, на которое они обращают часть своих капиталов вовсе не из надобности или желания искать особенной прибыльности в нем лично для себя, а по убеждению, что это дело нужное для облегчения успехов нашей литературы и просвещения». «От предприятия г. Щепкина и К°,— заканчивал Чернышевский,— надобно ожидать многого хорошего для публики»[80].

Представляющие левую часть московского кружка прогрессивной интеллигенции Виктор Касаткин, сын декабриста Евгений Якушкин, фольклорист Александр Афанасьев, Николай Щепкин входили в «партию Герцена» и, несомненно, отводили книжному магазину и издательству важную пропагандистскую и агитационную роль. Уже отмечалось, что Н. Щепкин подозревался властями в распространении запрещенных изданий.

Программу деятельности магазина Н. Щепкина и Солдатенкова одобряла, по сути, вся прогрессивная общественность России. Своими советами организаторам магазина помогали известные поборники народного про-

свещения профессора П. В. Павлов (организатор первых в России воскресных школ), М. Я. Китарры, Д. И. Каченовский.

Книжный магазин Щепкина и К° сразу же стал своим не только для прогрессивной профессуры, но и для студенческой радикально настроенной молодежи, для вернувшихся из Сибири декабристов.

Постоянным покупателем в магазине был друг Пушкина — Иван Пущин. М. И. Муравьев-Апостол писал Н. М. Щепкину 30 января 1863 г., вскоре после закрытия магазина: «Я прежде вашего письма знал о прекращении торговли. Очень о том сожалел. Когда я был в последний раз в Москве, я несколько раз заходил в магазин. С грустью вспомним то время, когда наперед можно было быть уверенным, что кого-нибудь встретишь из знакомых» [81].

Из окружения Щепкина и Солдатенкова вышли люди, создавшие и первый книжный магазин нового типа в Петербурге — магазин Д. Е. Кожанчикова. Устраивал его А. А. Котляревский, а главным приказчиком стал М. Я. Свириденко.

В 1862 г. известный революционный демократ Николай Серно-Соловьевич так формулировал программу своей книготорговой деятельности: «Книжную торговлю я избрал потому, что ее предмет — то *производство,* в умножении которого Россия наиболее нуждается, которое может сильно содействовать развитию народного образования. Книгопродавец, если им только двигают не одни личные, денежные расчеты, может много сделать для народного образования, содействуя изданию и распространению книг, полезных по содержанию и доступных по цене для массы читающих, и помогая талантливым писателям сбросить с себя гнетущее их иго капитала» [82]. По сути, именно этой программе следовал книжный магазин Щепкина и Солдатенкова.

Предполагалось, что весь доход от продажи собственных изданий будет тратиться на выпуск новых книг. Компания выпустила новые издания стихотворений Кольцова, Огарева, Полежаева, четыре выпуска «Народных русских сказок» Афанасьева, его же «Народные русские легенды», «Рассказы из народного русского быта» Марко Вовчок (М. А. Маркович), «Повести и рассказы» Григоровича, «Летопись» Тацита, том «Драматических сочинений» Шекспира, первый выпуск «Великорусских сказок» Ивана Худякова, вскоре ставшего одним из руководителей ишутинского кружка. Но самой большой заслу-

гой книжного магазина Щепкина и Солдатенкова перед обществом и русской культурой был выпуск первого собрания сочинений Белинского, вышедшего в 12-ти томах в 1859—1862 гг.

Собственная типография

Располагая собственным книжным магазином, московский кружок на товарищеских, паевых, началах приобретает в начале 1859 г. типографию. Очевидно, была куплена типография Э. Барфкнехта [83], в которой печатались некоторые издания Солдатенкова и Щепкина, а также журнал «Атеней». Основным пайщиком стал приятель Солдатенкова — Василий Егорович Грачев. Типографские паи имели также Солдатенков, Кетчер, Н. Щепкин, П. Анненков и др. Почти 30 лет в этой типографии печатались все книги Солдатенкова. Но в 1877 г. Грачев был вынужден продать типографию, так как изданий Солдатенкова было недостаточно, чтобы поддержать ее, а заказов со стороны в 1876—1877 гг. было очень мало. К тому же денежные дела самого Грачева были расстроены заграничным путешествием. П. И. Щукин писал в своих воспоминаниях: «Козьма Терентьевич взял однажды Грачева с собой за границу, но от этой поездки у Грачева ничего не осталось. Закрыв свою типографию, он переехал жить из Москвы в Пушкино, где поселился один в своем домике» [84]. Некоторое время после продажи типографии Грачев ведал финансовыми делами Солдатенкова, в том числе и расчетами с авторами и переводчиками. В 1888—1889 гг. Грачев по поручению московского издателя дважды заезжал к Чернышевскому в Саратов.

Распад книжной компании

Совместная книгоиздательская деятельность Солдатенкова, Кетчера и Щепкина продолжалась почти семь лет. В 1862 г. их содружество распалось.

Последним изданием с обозначением их общей фирмы стала книга Ф. А. Шиллинга «Естественное право или философия права» (вып. 1. М., 1862; цензурное разрешение датировано 21 марта 1862 г.) [85]. На последующих изданиях Солдатенков указывает только свою фамилию.

В неопубликованных воспоминаниях о Н. М. Щепкине А. В. Щепкина пишет, что поводом для закрытия совместной книжной лавки послужило требование М. В. Белинской выплатить ей оставшиеся 15 тыс. руб. за издание сочинений Белинского. Кетчер и Солдатенков поддержали это требование. По их желанию лавка была закрыта [86], что означало и ликвидацию издательской компании. Деньги Белинской должен был уплатить Щепкин, отвечавший за ведение дел как по книжной торговле, так и по совместно осуществляемым изданиям. Кроме того, по настоянию Солдатенкова его пай — 10 тыс. руб.— Щепкин должен был передать Кетчеру для продолжения второго издания сочинений Белинского. После раздела изданий Щепкин оставался должен компаньонам 3279 руб. 46 коп., из которых 3 тыс. руб. он обязывался уплатить тремя паями, вложенными им в типографию В. Грачева и К°, передав их Кетчеру или Солдатенкову, а остальное — книгами. Таким образом, Щепкин выводился и из числа пайщиков общей типографии [87].

Главным «виновником» распада книжной компании был Кетчер. «Кетчера,— вспоминала А. В. Щепкина,— приятели его извиняли его пристрастием к семье Белинского и различными страхами за издания лавки,— он руководил Солдатенковым, других лиц, которые прежде руководили им, уже не было на свете (Щепкина имела в виду Т. Н. Грановского, чье имя упоминалось в этом предложении: «при жизни Грановского», но затем было вычеркнуто.— *А. Т.*) [88]. Она называет и еще одну причину размолвки Н. Х. Кетчера с Н. М. Щепкиным: «Кетчер разошелся во мнениях с Н. М. по поводу некоторых происшествий в университете» [89].

Касаткин, Щепкин и их друзья отводили книжному магазину и издательству важную, в герценовском духе, пропагандистскую и агитационную роль, связывали с ними «планы доброго дела» [90], что, конечно, пугало Кетчера. Недовольство направлением, в котором Щепкин хотел вести книжное дело, подкреплялось и стычками между ними чисто личного характера. Так, В. И. Касаткин в письме к Е. И. Якушкину от 11 января 1862 г. упоминал и о своей распре с Кетчером из-за денег, собранных на памятник Белинскому. Кетчер разделял желание петербуржцев поставить общий памятник Белинскому и похороненному рядом с ним Добролюбову. Однако победила группа, которую представлял Касаткин и которая полагала, что памятник Белинскому должен быть установлен отдельно, только на его могиле. Вероятно, в этом вопро-

се Щепкин поддержал Касаткина [91], что не могло не обидеть самолюбивого и капризного Кетчера.

Не удовлетворяла компаньонов Щепкина и его «непрактичность» в хозяйственных делах. По свидетельству современников: художника А. А. Иванова, поэта И. С. Никитина и других, сам Щепкин крайне редко бывал в книжной лавке, перепоручая дела приказчикам и родственникам. Лавка не приносила даже предполагаемого пятипроцентного годового дохода. В конце 1862 г. долги Щепкина по магазину составляли более 27 тыс. руб. Именно «непрактичностью» Щепкина объясняли его разрыв с Солдатенковым и Кетчером даже близкие к нему люди: Ив. В. Станкевич, В. И. Касаткин.

В этой размолвке Кетчера и Щепкина Солдатенков принял сторону первого [92].

С осени 1862 г. в течение почти 40 лет Солдатенков выпускает книги только под своим именем. И если в первом периоде, когда существовала книжная компания, преобладал выпуск книг русских авторов (из 22 названий книг только 4 названия переводных книг), то во втором — переводные издания занимают не менее 60% общей книжной продукции. Большинство изданий как русских, так и зарубежных авторов — научные труды, прежде всего исторического и экономического характера. Таким образом, если ведущим принципом в первый период было издание русской художественной литературы, то во второй — выпуск переводов научных трудов гуманитарного профиля.

Изменения в репертуаре происходили постепенно: многие годы Солдатенков выпускал примерно поровну и оригинальных, и переводных книг. Так же постепенно менялось соотношение в пользу научных трудов. В первые же годы самостоятельной издательской деятельности Солдатенков переиздавал некоторые книги, выпущенные ранее: «Стихотворения» Огарева, «Стихотворения» Кольцова. Продолжалось издание «Драматических сочинений» Шекспира в переводе Кетчера. Издание «Отцов и детей» Тургенева и «Стихотворений» Фета также отвечало прежнему направлению. Даже выпуск книг Чичерина был (формально) данью преемственности, так как в первый период компанией были изданы две книги этого автора.

Сотрудники

Ближайшим сотрудником в издательских предприятиях Солдатенкова оставался Кетчер. Именно «в память общих трудов по издательской деятельности» Кетчер завещал позднее Солдатенкову право на издание стихотворений Кольцова и всех своих переводов [93]. Из документов видно, что Кетчер был фактическим издателем ряда книг, выпущенных под именем Солдатенкова, но по каким-то причинам не хотел или не мог ставить свое имя на них [94].

Близкими друзьями и советчиками Солдатенкова были Евгений Федорович Корш (1810—1897), друг Грановского, Белинского и Герцена, талантливый журналист и знаток книжного дела, а также владелец паевой типографии Василий Егорович Грачев (ум. не ранее 1911 г.). С 1862 по 1892 г. Е. Ф. Корш служил библиотекарем Румянцевского музея и, наряду с основной службой, активно помогал в издательских делах Солдатенкову: сам переводил книги (например, «Микрокозм» Г. Лотце, «Гражданскую общину античного мира» Н. Д. Фюстеля де Куланжа, «Руководство к истории искусств» Ф. Куглера и др.), выбирал книги для перевода, редактировал и корректировал ряд солдатенковских изданий, вел переписку с авторами по просьбе издателя.

Известное влияние на подбор авторов и выбор изданий имел и старый друг Солдатенкова — историк Иван Егорович Забелин (1820—1908).

Именно эти люди помогали Солдатенкову в издательской работе до конца 70-х — середины 80-х гг., но при всем их большом влиянии и на выбор книг для издания, и на подбор авторов или переводчиков они оставались только помощниками. Последнее слово всегда оставалось за самим издателем. Современники рисуют его человеком чрезвычайно умным, необыкновенно начитанным (так, узнав однажды о выходе переводной книги по философии, он сам приехал к издателю за ней, в тот же день прочитал ее и вечером, вновь встретив издателя, хвалил его за выпуск хорошей книги). Конечно, Солдатенков чаще всего соглашался с тем, что предлагали к изданию его друзья, люди, чья жизнь была освящена дружбой с Белинским, Герценом, Грановским, люди замечательной эрудиции и вкуса. Но при этом Солдатенков далеко не походил на хрестоматийный образ «купца-миллионщика» и в обществе Кетчера, Корша, Забелина он вовсе не был белой вороной.

С конца 70-х — середины 80-х гг. главным помощником Солдатенкова в издательском деле стал его сын — Иван Ильич Барышев (1854—1911). Незаконнорожденный, носивший придуманную фамилию и отчество, Барышев для всех был приказчиком Солдатенкова, и их истинные отношения были тайной для многих. Барышев окончил коммерческое училище и был крупным московским финансистом-биржевиком, немало сделавшим для приумножения состояния Солдатенкова. В то же время он был литературно одаренным человеком, писал под псевдонимом «Мясницкий» юмористические рассказы и пьесы и считался «московским Лейкиным», хотя, по мнению некоторых, его дарование было выше лейкинского. Были изданы десятки его книг, но к своему литературному призванию он относился не очень серьезно, скорее как к развлечению, считая настоящим делом лишь финансовые операции, которыми занимался с блеском.

Барышев был дружен с И. З. Суриковым, А. П. Чеховым, переписывался с Н. Г. Чернышевским, в частности писал и о своих литературных произведениях.

Однако и Барышев был только посредником, исполнителем, советчиком. Распоряжался издательскими делами по-прежнему сам Солдатенков.

Издания Солдатенкова и царская цензура

Свидетельством прогрессивности издательства Солдатенкова являются преследования, которым нередко подвергались выпускаемые им книги. К началу 70-х гг. за Солдатенковым настолько упрочилась репутация «неблагонадежного» издателя, что в последние 30 лет его издательской деятельности многие его книги натыкались на цензурные рогатки.

Да и благополучное прохождение через Сциллу и Харибду цензуры многих ранних изданий Солдатенкова объясняется не только общей «либеральной» обстановкой 1856—1861 гг. (этот период, как признает исследователь, «был одним из самых „терпимых“ в истории русской книги»[95]), но и часто просто «счастливым случаем».

Так, первые два издания Солдатенкова — «Стихотворения» Кольцова и «Стихотворения» Огарева — пропустил цензор Московского цензурного комитета Н. Ф. фон-Крузе, чрезвычайно близкий к московскому кружку. Цензором он стал случайно, и его служебные действия резко

противоречили обычным правилам русской цензуры. Он пропускал все представляемые книги, соблюдая лишь небольшие формальные условия. Так, подписывая в печать «Стихотворения» Кольцова, он, например, сохранил все незначительные поправки прежнего цензора книги А. В. Никитенко. Это был, несомненно, тактический прием, облегчавший прохождение книги, в которой впервые после долгого перерыва была напечатана статья Белинского, открыто подписанная его фамилией! В 1858 г. по личному распоряжению царя Н. Ф. фон-Крузе был уволен из цензурного комитета. С тех пор до конца своей жизни (он умер в 1901 г.) Крузе никогда не состоял на государственной службе, занимаясь публицистикой и работая в земских учреждениях.

Третья книга, выпущенная Солдатенковым,— «Стихотворения» Некрасова. Власти были так напуганы обличительным пафосом некрасовского сборника, что второе его издание было запрещено. Товарищ министра народного просвещения, князь П. А. Вяземский признал разрешение на выпуск книги Некрасова «ошибкой». С большим трудом удалось поэту добиться только через пять лет — в 1861 г.— второго издания этого сборника, причем с значительными купюрами и изменениями.

В справочнике Л. М. Добровольского «Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиографические разыскания» (М., 1962) имя Солдатенкова как издателя указано на пяти книгах, запрещенных и уничтоженных властями.

Этот печальный синодик открывает второе издание «Народных русских легенд» А. Н. Афанасьева (М., 1860). Цензор Д. М. Наумов за одобрение первого издания «Легенд» был уволен 23 декабря 1859 г. по личному распоряжению царя [96].

5 марта 1860 г. на обсуждение Главного управления цензуры был предложен вопрос о запрещении «Легенд». Учитывая бо́льшой успех книги, собиратель и издатели готовили ее новое издание в 5000 экз. Книгу набрали и стали печатать. Успели отпечатать пять листов в количестве 5000 экз., а шестой, последний,— в количестве 3640 экз. В это время гонения на книгу начало высшее духовенство. Петербургский митрополит Григорий напечатал в «Духовной беседе» разбор книги Афанасьева, где утверждал, между прочим, что легенды собраны человеком, забывшим о совести, а изданы раскольником, не ведающим бога. Московский митрополит Филарет в письме к обер-прокурору синода, графу А. П. Толстому ссылался

на то, что в «Народных русских легендах» часто говорится о Христе и святых, и потому светская цензура должна была бы посоветоваться с духовною, но сего не сделала, что к имени Христа и святых в книге «прибавлены» сказки, оскорбляющие благочестивое чувство, нравственность и приличие, и что необходимо изыскать средство к охранению религии и нравственности от печатного кощунства и поругания. А. П. Толстой направил 19 апреля 1860 г. письмо министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому. Изымать книгу уже не было возможности: она давно разошлась. Но было запрещено перепечатывать ее новым изданием, а также печатать выписки из книги [97]. Экземпляры второго издания были уничтожены.

Запрещению подверглась и книга французского социолога и этнографа Шарля Летурно. «Эволюция морали» (М., 1890; на обложке — 1889), переведенная Б. А. Марковичем, одобренная и отредактированная Н. Г. Чернышевским. Отсылая рукопись в Москву, Чернышевский прибавлял в письме И. И. Барышеву: «Все, могущее возбудить цензурные затруднения, выброшено из книги г. Марковичем и мною, так что книга в его переводе стала совершенно невинной» [98]. В последнем он ошибся. Книга Летурно была запрещена постановлением Комитета министров 21 ноября 1889 г. «вследствие материалистических тенденций, порицания взгляда на брак, как таинство, и возбуждения рабочих классов к борьбе против существующего экономического порядка» [99]. Почти весь тираж книги (1174 экз.) был сожжен.

15 февраля 1891 г. был наложен арест на изданную Солдатенковым книгу известного американского социолога Лестора Франка Уорда «Динамическая социология или прикладная социальная наука, основанная на статистической социологии и менее сложных науках» (ч. 1). В представлении Комитету министров министр внутренних дел И. Н. Дурново писал: «...Все верования, утверждает автор, должны быть заменены одной верой — наукою прогресса. В основу гражданского строя человеческого общества он не кладет никаких идеальных принципов; нравственность, добро и зло понятия относительные; если частная собственность может быть нередко оправдываема, то вообще она является злом и проклятием; способы приобретения ее были в течение веков различны, но каждый из них, даже грабежи, воровство, автор считает в известные эпохи и при низком уровне культуры естественным и законным. Стр. 374—378, на которых автор поместил свои рассуждения об этом, а также о пра-

вительстве и духовной иерархии, таковы, что ничего подобного не появлялось доселе в нашей литературе»[100].

Запрещен был первый том сочинений известного публициста революционно-демократического лагеря, сотрудника «Современника», «Искры», «Отечественных записок» Г. З. Елисеева, изданный Солдатенковым в 1894 г. Издание подготовил к печати и снабдил большой вступительной статьей-очерком один из видных деятелей народничества Н. К. Михайловский. Эта статья и обратила на себя особое внимание. Выпуск книги был приостановлен. Министр внутренних дел И. Н. Дурново в представлении Комитету министров писал: «Сборнику сочинений Елисеева предпослано обширное предисловие, автор коего Михайловский, нисколько не стесняясь, изобразил в настоящем свете его деятельность. В течение долгого времени этот публицист состоял одним из главных сотрудников „Современника", которым руководил, по выражению Михайловского, „блестящий штаб с Чернышевским во главе" (стр. 25), и крайне вредное направление этого журнала было в значительной степени обязано ему своим успехом... В настоящее время возникает попытка возобновить проповедь доктрин, которые уже прежде, в период крайней разнузданности нашей печати, вызвали против себя строгие меры, нередко в периодических изданиях высказывается мысль о необходимости поддерживать воспоминание о публицистах шестидесятых и семидесятых годов, имеющих вредное влияние на общество. Очевидно, именно с этой целью и предпринято издание сочинений Елисеева. Биограф его говорит (стр. 43): „Точка зрения Елисеева на наши внутренние дела далеко не износилась, напротив, теперь, может быть, получает она важное значение". Если бы попытка удалась, то, конечно, не замедлила бы вызвать подражание». Постановлением Комитета министров 11 октября 1894 г. книга была запрещена[101].

Среди запрещенных изданий Солдатенкова была и книга немецкого экономиста Карла Родбертуса «Выбранные места». «...Во всех его исторических исследованиях,— говорилось в предисловии к книге,— красною нитью проходит идея, „что изменения в земледельческой технике, т. е. в области производства, приводят к изменениям в землевладении и изменяют таким образом всю конструкцию общества",— идея, значительно сближающая Родбертуса, несмотря на его теоретический идеализм, с историко-философскими взглядами Карла Маркса»[102].

Судьба этой книги была предопределена еще до изда-

ния: критико-биографический очерк о Родбертусе, составленный переводчиком [103], помечен мартом 1897 г., а еще 28 января один из переводчиков серии М. О. Гершензон писал: «На днях М. П. Щепкин показал мне цензорский экземпляр предисловия Б. О. Эфруси к его переводу Сисмонди: десятки страниц пошли под красный карандаш, ничтожнейшая фраза вычеркнута, раз в ней встречается имя Маркса или Родбертуса» [104].

Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин в представлении Комитету министров отмечал: «Хотя многие из положений Родбертуса в настоящее время признаются гадательными и недосказанными, некоторые же опровергаются, тем не менее, как систематическое и философское оправдание коммунизма, они имеют важное значение и высоко ценились Лассалем, Марксом и нашими социалистами. Популяризация учений Родбертуса уже в руках Лассаля была одним из орудий для возбуждения рабочих классов против существующего общественного строя и при всей безобидности намерений Родбертуса, даже против его желания, может послужить на пользу партиям революционным, как систематическое оправдание коммунизма, преимущественно же в качестве критики существующего общественного строя» [105].

К пяти запрещенным солдатенковским изданиям, названным Л. М. Добровольским, «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» прибавил шестое — книгу Георга Финлея «История Византийской и Греческой империи с 176 по 1453» (ч. 1. М., 1878) [106]. В каталоге издание книги Финлея приписано Солдатенкову без каких-либо обоснований, однако есть данные в пользу этой атрибуции.

Из лиц, причастных к выпуску этой книги, указан только ее редактор — Е. Ф. Корш. Известно также, что в эти годы Корш, друг Солдатенкова, переводил и редактировал книги только для его издательства. За год до выхода рассматриваемой книги, в 1877 г., Солдатенков выпустил также книгу Финлея — «Греция под римским владычеством со времен завоевания римлянами до падения империи их на Востоке. 146 г. до Р. Х. — 717 г. по Р. Х.», которую также редактировал Е. Ф. Корш. Тематика этих книг Финлея одинакова, хронологически они непосредственно продолжают одна другую. Переводчицей книги, изданной Солдатенковым в 1877 г., была Софья Александровна Никитенко — дочь профессора Петербургского университета, цензора и автора воспоминаний.

14 марта 1875 г. С. А. Никитенко писала Е. Ф. Коршу: «Еще в ноябре прошлого года Николай Дмитриевич Ахшарумов передал мне от Вашего имени чрезвычайно лестное для меня поручение заняться переводом сочинений Финлея о Греции» [107]. Далее она сообщает, с каким трудом ей удалось достать английский оригинал многотомного труда Финлея, принимает пожелания Корша, высказанные им в качестве редактора будущего издания. Из этого письма, а также из письма Н. Д. Ахшарумова к Коршу [108] явствует, что Никитенко должна была переводить весь труд Финлея, точнее те части его, «которые особенно интересны для русского читателя».

Один из немногих уцелевших экземпляров книги Финлея «История Византийской и Греческой империи с 176 по 1453» хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (шифр — МК $\frac{\text{П1}}{\text{Ф60}}$). В этом экземпляре полностью сохранилась обложка. На первой ее странице и на титульном листе указано, что книга печаталась в «тип. Мартынова и К° (бывш. Грачева и К°)», в той самой, где в это время печатались все издания Солдатенкова. В книге есть и другие интересные сведения — всю четвертую страницу обложки занимает список находящихся в продаже изданий Солдатенкова! А ведь, как правило, на обложке частного издания можно встретить только список сочинений автора данной книги или перечень книг, выпущенных ее издателем. Совокупность всех названных сведений вполне достаточна для того, чтобы назвать имена издателя и переводчицы этой части сочинения Финлея. Царская цензура прервала издание перевода. Управляющий Министерством внутренних дел Л. С. Маков нашел, что книга «заключает в себе мысли, направленные против некоторых учений православной церкви, и, сверх того, против неприкосновенности верховной власти и ее атрибутов...» [109]. Представление Макова о запрещении книги было поддержано самим царем — Александром II.

Этот перечень уничтоженных изданий можно дополнить еще одним — второй книгой третьего тома «Истории всеобщей литературы XVIII века» немецкого литературоведа Германа Геттнера. Ни на самой книге, ни в известных официальных документах имя издателя не указано, однако есть доказательства в пользу того, что им был Солдатенков.

8 ноября 1874 г. Московский цензурный комитет наложил арест на вторую книгу третьего тома «Истории все-

общей литературы XVIII века» Геттнера. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев писал: «...несмотря на ученый характер сочинения Геттнера и сдержанную форму изложения, самое содержание книги, заключающее, между прочим, перечень мнений рационалистов, без серьезного опровержения их парадоксальности, а также приведенное в книге множество цитат, заключающих дерзкие нападки на основы христианской религии и нравственности, могут иметь на русского читателя весьма вредное влияние» [110]. Постановлением Комитета министров 26 марта 1875 г. книга была запрещена.

Первые два тома сочинений Геттнера в переводе известного историка литературы, двоюродного брата Чернышевского А. Н. Пыпина, были выпущены издателями Н. Л. Тибленом (1-й том, 1863) и О. И. Бакстом (2-й том, 1866). Затем право на это издание перешло к Н. П. Полякову. 15 января 1871 г. Пыпин как переводчик первых томов Геттнера обратился к Полякову с просьбой передать право на издание последующих томов Солдатенкову.

Сделано это было с целью помочь поэту-петрашевцу А. Н. Плещееву, который, как сообщал Пыпин, «находится в настоящую минуту в грустных обстоятельствах», т. е. очень нуждался. Поляков охотно согласился: «Разумеется,— отвечал он Пыпину,— я тоже ничего не имею против того, чтобы Геттнер был издан Солдатенковым, а не мною» [111].

В 1872 г. Солдатенков издал первую книгу третьего тома сочинения Геттнера в переводе А. Н. Пыпина и А. Н. Плещеева. Известно, что и третью книгу третьего тома издал в 1875 г. Солдатенков, но уже в переводе Павла Барсова. На третьей книге, как и на второй, издатель не обозначен. Однако третья книга вместе с первой указывалась в списках солдатенковских изданий. Вторая же книга, как запрещенная, естественно, ни в каких списках значиться не могла.

Теперь сравним все три книги третьего тома «Истории» Геттнера между собой. Все они напечатаны в Москве в типографии В. Е. Грачева и К° и оформлены совершенно одинаково. Переводчиком второй и третьей книги был Павел Петрович Барсов, воспитанник и зять актера М. С. Щепкина, близкий знакомый Солдатенкова. Издание могло продолжаться другим издателем, но не известны случаи, чтобы издатель передавал другому промежуточные тома или книги своего издания. Практически невозможно допустить, чтобы Солдатенков, выпу-

стив в 1872 г. первую книгу тома, а в 1875 г.— третью, в 1874 г. почему-то не согласился издать вторую и передал право на нее другому издателю.

Книги русских писателей

Около 60 названий насчитывают изданные Солдатенковым книги отечественных авторов — писателей и ученых. Это примерно треть всего солдатенковского репертуара. Причем книги русских писателей составляют немногим больше 40% от этого числа названий.

Если эти 24 названия разделить по родам литературы, то 13 из них — проза, 9 — стихотворные сборники и 2 — критика и публицистика. Конечно, любой статистический разрез мало что скажет об истинной ценности и значимости того или иного конкретного издания. Так, одно из двух названий, относящихся к критике и публицистике,— 12-томное собрание сочинений Белинского, едва ли не самое выдающееся среди солдатенковских изданий произведений русской литературы!

И теперь, когда издания Солдатенкова можно поверять уже столетьем, восхищает столь великолепное созвездие авторских имен. Белинский, Огарев, Некрасов, Чернышевский — выдающиеся представители революционной демократии. Один из лучших романов Тургенева, десять изданий стихотворений Кольцова, два — Полежаева. Да и те, кому судьба не отвела первых мест в русской классической литературе, тем не менее видные представители ее «золотого века»: Фет, Полонский, Суриков, Надсон, Григорович, Решетников, Левитов, Каронин-Петропавловский...

Конечно, рамки настоящей работы не позволяют достаточно полно раскрыть отношения Солдатенкова с русскими писателями, дать обзор их произведений, выпущенных издателем. Однако даже краткое изложение истории издания только некоторых, наиболее значительных книг русских писателей показывает зримо, на «живом материале» характер этих отношений. И речь идет не только о роли московского издателя в выпуске книг. Глубоко прав был известный московский букинист А. Г. Миронов, когда писал, что «изучение деловых и личных отношений писателя с издателем его произведений представляет интерес не только со стороны истории литературного быта, но и для более полного и правиль-

ного *понимания биографии писателя* (курсив мой.— *А. Т.*)[112].

„Стихотворения" Кольцова

«Стихотворения» Кольцова были выпущены Солдатенковым в феврале 1856 г.

«Книжка в 10 печатных листов,— писал Чернышевский в рецензии,— первое издание которой очень давно было распродано все до последнего экземпляра, так что трудно было достать хотя бы старый, избитый экземпляр ее за 10, за 15 рублей серебром,— эта книжка, столь требуемая публикою, выходит наконец вторым изданием — что тут удивительного? И между тем, это, неоспоримо,— одно из важных и самых отрадных событий в нашей литературной жизни за настоящий год»[113].

«Стихотворения» Кольцова печатались по наборной рукописи первого посмертного издания, подготовленного В. Г. Белинским. Составив и отредактировав сборник, Белинский написал к нему обстоятельную статью о жизни и творчестве Кольцова. Книгу в 1846 г. выпустили Н. А. Некрасов и Н. Я. Прокопович. Белинский уступил им право лишь на одно издание, и рукопись, по которой был набран сборник 1846 г., находилась у него, а затем в его семье[114].

Очевидно, Белинская продала Кетчеру право на издание «Стихотворений» Кольцова (вместе со вступительной статьей Белинского и письмами Кольцова к критику), так как позднее Кетчер завещал их Солдатенкову как свою собственность[115]. До этого же Солдатенков получал от Кетчера право на каждое очередное издание стихотворений Кольцова. В 1886 г. по завещанию Кетчера это право перешло окончательно к издателю (до истечения 50-летнего после смерти поэта срока действия права наследования).

С 1856 по 1889 г. Солдатенков выпустил десять изданий «Стихотворений» Кольцова[116].

Сличение текстов десяти изданий 1856—1889 гг. и издания 1846 г., подготовленного Белинским, позволило восстановить истинную историю текста стихотворений Кольцова и статьи Белинского о поэте в изданиях Солдатенкова.

В издании 1846 г. было помещено всего 124 стихотворения (61 — в разделе «Стихотворения», 16 — в разделе «Думы», 47 — в разделе «Приложения»).

Издание 1856 г. по своему содержанию полностью повторяло издание 1846 г. Книга стала событием. Еще бы! Читатели десять лет ждали новое издание стихотворений замечательного русского народного поэта. Важно и другое: впервые, после нескольких лет запрета, открыто было названо имя Белинского, опубликована его работа.

Второе солдатенковское издание (1857) было перепечаткой первого. А в третьем издании (1859) впервые были восстановлены три четверостишия в стихотворении «Удалец»:

Оберу купца,
Убью встречного,
Мужика-глупца,
За железный грош.
Но не грех ли мне
Будет от бога
Обижать людей
За их доброе?
В церкви поп Иван
Миру говорит,
Что душой за кровь
Злодей платится...

Эти строфы — единственные, не пропущенные Никитенко в собрании стихотворений Кольцова, подготовленном Белинским. Не был восстановлен только доцензурный текст статьи Белинского. Это удалось сделать при публикации статьи в первом издании «Сочинений» Белинского, подготовленном Кетчером и выпущенном Солдатенковым (ч. 12. М., 1862, с. 81—147). В этом издании Кетчер восстановил практически все пропуски, сделанные А. В. Никитенко в статье Белинского и связанные в основном с характеристикой семьи Кольцова.

Прежде всего, статья Белинского стала открываться, как и было в ее автографе, эпиграфом из А. Григорьева:

— Русский быт —
Увы! — совсем не так глядит,
Хоть о семейности его
Славянофилы нам твердят
Уже давно,— но виноват,
Я в нем не вижу ничего
Семейного... и т. д.

В тексте статьи Белинского были восстановлены несколько купюр (вставки, которыми Никитенко заменил снятый им текст, приводятся в квадратных скобках, восстановленные строки выделены курсивом):

«Для восстановления его здоровья нужно было прежде всего спокойствие, [а он его не имел] *а между тем его ежедневно, ежеминутно оскорбляли, мучили, драз-*

нили как дикого зверя в клетке. Иногда ему не на что было купить лекарства: иногда у него не было ни чаю, ни сахару, ни свечей, а иногда [ему недоставало обеда и ужина] *мать его только украдкою от отца могла доставать ему обед и ужин. Отец требовал, чтобы он жил вместе с ними, где ему не было бы покою ни на минуту. Он перешел на мезонин, который целую зиму не топился,— ему отказано было в дровах, и он добывал их по ночам, как вор. Узнавши об этом, ему обещали выгнать его по шеи из дому... Делать было нечего, и он перешел вниз. Раз в соседней комнате, у сестры его много было гостей, и они затеяли игру: поставили на середину стол, положили на него девушку, накрыли ее простынею и начали хором петь вечную память рабу божию Алексею... Это была невинная шутка...»*

«[Между людьми, ему близкими] *Возвращаясь домой,* он встречает не ласку, не привет, а грубое невежество, которое никак не может простить ему того, что он хочет быть человеком *и, в этом отношении, уже резко отличился от невежественных животных в человеческом образе».*

В последнем отрывке не было восстановлено только слово «дикое» в словосочетании «грубое, дикое невежество». Это, кажется, единственное из зачеркнутых Никитенко слово, не восстановленное в этом издании. Вероятно, это случайный пропуск. Кетчер не отменил только несколько мелких поправок, сделанных в корректуре первого издания 1846 г., очевидно, А. А. Краевским (корректура не сохранилась). Он мог не обратить на них внимания, увлеченный борьбой с цензурными искажениями.

Статья Белинского в четвертом издании «Стихотворений» Кольцова (1863) печаталась по тексту «Сочинений» с восстановлением практически всех купюр. Это издание является лучшим, наиболее полным из всех десяти солдатенковских изданий.

Кетчер и Солдатенков достигли главного, восстановив в издании 1863 г. полный текст рукописи, подготовленной к набору Белинским. Начиная с пятого издания (1868) книжку стихотворений Кольцова стала открывать не полная статья Белинского, а только обширный отрывок из нее. Очевидно, сокращения в статье были произведены Кетчером, чтобы удешевить издания для нового читателя из народа (экземпляр пятого и последующих изданий „Стихотворений“ Кольцова стоил 20 коп. серебром, а не 50, как раньше).

На протяжении тридцати пяти лет «Стихотворения»

Кольцова, выпущенные Солдатенковым, были основными изданиями произведений поэта.

Текст 124 стихотворений, подготовленный Белинским для издания 1846 г. и полностью воспроизводимый в изданиях Солдатенкова, был принят как академический и перепечатывался без изменений во всех последующих изданиях вплоть до 1927 г.

По приблизительному подсчету А. И. Лященко, с 1835 по 1891 г. вышло немногим более 20 изданий Кольцова общим тиражом не свыше 100 тыс. экз.[117] Значительная доля этого тиража приходится на десять солдатенковских изданий, немало содействовавших росту популярности русского национального поэта.

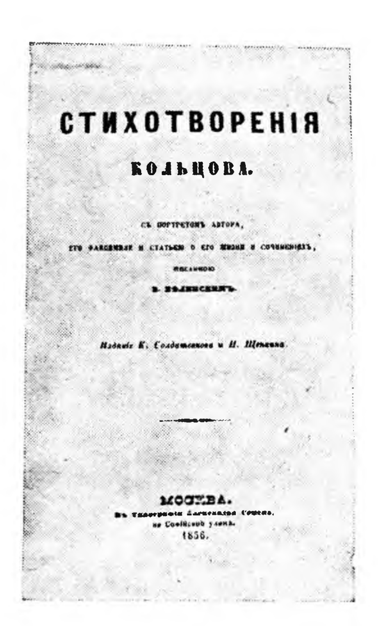
Как уже упоминалось выше, по завещанию Кетчера к Солдатенкову перешли также оригиналы писем Кольцова к Белинскому. Частично эти письма цитировались во вступительной статье Белинского к «Стихотворениям» Кольцова, частично, с разрешения Кетчера, были опубликованы А. Н. Пыпиным[118], но многие письма оставались неизвестными читателю. Солдатенков задумал издать их полностью вместе с другими известными в то время письмами Кольцова[119]. Однако это издание почему-то не было осуществлено.

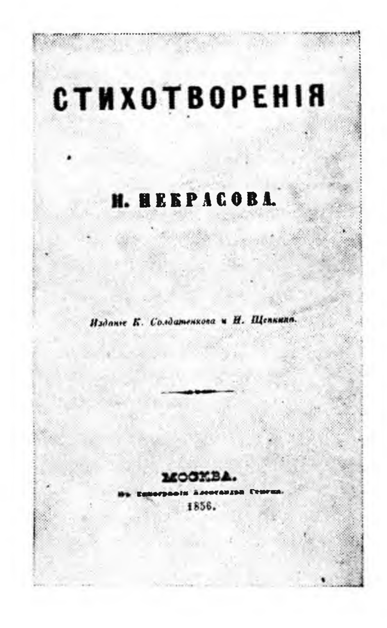
Сборник Некрасова

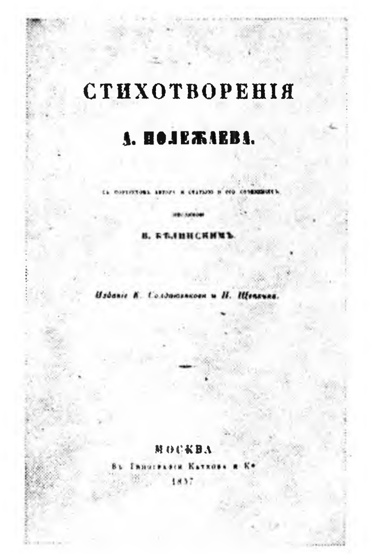
Издание Солдатенковым сборника стихотворений Некрасова в 1856 г.— факт, широко известный в литературе. Книга, принесшая поэту громкую славу, всегда приковывала внимание историков литературы.

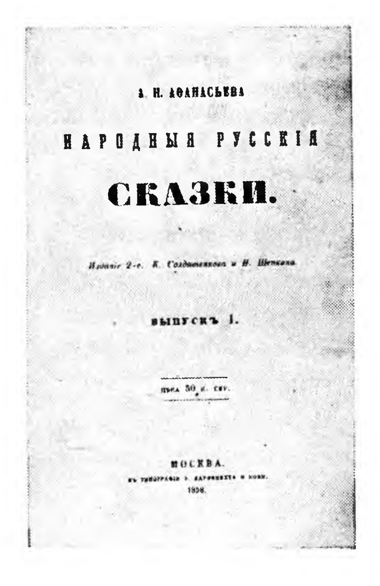
Подробно изучался ее состав, история создания[120]. Однако история отношений поэта с издателем до последнего времени интерпретировалась весьма произвольно, с фактическими неточностями и комментаторскими натяжками. Пожалуй, только недавно найденный текст издательского условия, заключенного между Солдатенковым и Некрасовым[121], в известной мере подсказывает верное направление в восстановлении подлинной истории их отношений.

В мае 1855 г. Некрасов приехал из своей ярославской деревни в Москву для лечения и отдыха. Он хотел также реализовать в Москве планы издания сборника своих стихотворений. Тяжелая болезнь горла (одно время и сам Некрасов, и его близкие были уверены, что эта бо-

СТИХОТВОРЕНІЯ
КОЛЬЦОВА.
Съ портретомъ автора,
его факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ,
писанною
В. Бѣлинскимъ.
Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.
МОСКВА.
Въ типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

СТИХОТВОРЕНІЯ
Н. НЕКРАСОВА.
Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.
МОСКВА.
Въ типографіи Александра Семена.
1856.

СТИХОТВОРЕНІЯ
А. ПОЛЕЖАЕВА.
Съ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ,
писанною
В. Бѣлинскимъ.
Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.
МОСКВА
Въ Типографіи Каткова и К°
1857

А. Н. АФАНАСЬЕВА
НАРОДНЫЯ РУССКІЯ
СКАЗКИ.
Изданіе 2-е. К. Солдатенкова и Н. Щепкина.
ВЫПУСКЪ 1.
Цѣна 50 к. сер.
МОСКВА.
Въ типографіи [illegible] и Комп.
1858.

Издания К. Т. Солдатенкова

лезнь смертельная) заставляла его подумать о первой своей настоящей книге и даже отнестись к ней как к своеобразному творческому итогу. К тому же это издание должно было материально поддержать «Современник», которому буквально грозил финансовый крах.

Своими планами Некрасов поделился с Т. Н. Грановским, и тот порекомендовал ему Солдатенкова как возможного издателя. Некрасов занялся подготовкой сборника, переписывая вместе с Панаевой в особую тетрадь, названную советскими исследователями «солдатенковской», стихи, которые должны были войти в сборник.

11 июня 1855 г. Солдатенков и Некрасов заключили условие, по которому поэт уступал право издания своего сборника на два года за 1,5 тыс. руб. серебром.

Передав рукопись издателю, Некрасов обязался по условию «сделать прибавления до тысячи строк к сентябрю».

Сообщая Грановскому, что «Современник» был на краю гибели, Некрасов писал ему 9 сентября 1855 г.: «Из этого положения вывел нас Ваш благородный друг Козьма Терентьич; Ваше прекрасное мнение об этом человеке, которое высказали Вы мне нынче весной и на основании которого я решился прибегнуть к нему, вполне справедливо, и да пошлет ему судьба всевозможные блага! Скажите ему, как увидите, мое глубокое спасибо и прибавьте к этому, что деньги его никак не пропадут — *ручаюсь в этом головой,* если только буду жив эти два года» [122].

Однако Некрасов затягивал передачу «прибавлений»: в 1855—1856 гг. он написал несколько десятков замечательных стихотворений — подлинных шедевров его лирики, таких, как «Забытая деревня», «Внимая ужасам войны...», «Поэт и гражданин», «Саша», «На родине», «В больнице».

И, конечно, состав рукописи, переданной им Солдатенкову, уже не удовлетворял поэта. В письме от 24 декабря 1855 г. Некрасов успокаивал издателя: «Не думайте, чтоб я дремал касательно издания моих стихов,— все они переписаны начисто в особую тетрадь, и если б какой-нибудь московский цензор пропустил Вам мою тетрадку с теми дополнениями, которые я вышлю к ней,— то это было бы всего короче и проще. Не вздумаете ли попробовать это?» [123].

18 января 1856 г. Солдатенков просит прислать дополнения, чтобы отдать их с прежней тетрадкой в московскую цензуру [124]. Однако обстоятельства резко изме-

нились. К Некрасову в Петербург приехал В. П. Боткин, с которым поэт сдружился за время совместного пребывания на даче в московском Петровском парке летом 1855 г. Как и Солдатенков, Боткин ссудил Некрасову 2 тыс. руб. и, очевидно, предложил поэту выкупить право на издание сборника стихотворений у Солдатенкова и передать ему. Некрасов довольно долго колебался, прежде чем пойти на разрыв отношений с Солдатенковым. И только, когда Солдатенков в письме от 20 марта предупредил Некрасова, что он отдает рукопись в печать, Некрасов написал Солдатенкову письмо с отказом от печатания стихотворений у него и с обещанием возвратить деньги тотчас после получения ответа. «Что бы ни было и как бы ни было, книги моей видеть в печати теперь я не могу и не хочу»,— писал поэт Солдатенкову 26 марта 1856 г. [125]

Это письмо Некрасова и объяснения вернувшегося в Москву Боткина вызвали бурю в московском кружке. Все дружно порицали Некрасова и Боткина, обвиняя их в низком поступке по отношению к Солдатенкову. Боясь скандала, Боткин посоветовал Некрасову написать оправдательное письмо Солдатенкову и оставить за ним права издания. Некрасов составил такое письмо 27 марта [126], но, очевидно, не отослал Солдатенкову. Скорее всего, он считал неловким отсылать его до получения ответа на предыдущее письмо о расторжении договора.

Наконец, 9 апреля Некрасов получил ответ от издателя. «Я никогда не искал приобретения права на издания Ваших стихотворений,— писал Солдатенков,— я купил его у Вас только по Вашей же усиленной просьбе». Далее он приводил содержание писем Некрасова, подтверждающих полное согласие на выпуск Солдатенковым сборника, недоумевал по поводу непоследовательности поведения Некрасова и выражал готовность расторгнуть договор с ним [127].

Дальнейшая переписка Некрасова с Солдатенковым неизвестна. Ее отголоски сохранились только в письмах поэта В. П. Боткину. Так, 17 апреля 1856 г. он сообщал ему, что одновременно пишет Солдатенкову «коротко и сухо: берите рукопись и делайте с нею что хотите» [128].

В мае было получено цензурное разрешение. «Чудеса! — писал Некрасов Тургеневу 24 мая 1856 г.— Генерал Пушкин на прощанье мои стихи без помарок сплошь велел племяннику [цензору В. Н. Бекетову, женатому на племяннице председателя Петербургского цензурного

комитета *М. Н.* Мусина-Пушкина.— *А. Т.*] подмахнуть. И тот подмахнул»[129]. Наконец книжку можно было печатать, но Некрасов почему-то медлил. 16 июня он писал Боткину: «Книгу моих стихов пропустили великолепно. Я пишу Солдатенкову, чтоб он позволил мне самому печатать ее здесь, а я ему вышлю все до единого экземпляра и счет, что будет стоить издание»[130]. Это письмо Солдатенкову также не найдено. Книга была отпечатана в превосходной московской типографии Александра Семена (преемника знаменитого Августа Семена) и вышла в октябре 1856 г., когда Некрасов был за границей.

По словам Чернышевского, сборник стихотворений Некрасова 1856 г. оказался такой «книгой, какой не бывало еще в русской литературе»[131]. «...Это поэт,— писал Герцен о Некрасове,— весьма примечательный — своей демократической и социалистической ненавистью...»[132]. «А Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, жгутся»,— говорил Тургенев[133].

Трехтысячный тираж сборника разошелся в несколько дней. Книгу, цена которой была полтора рубля, через месяц после выхода приобретали за шесть. Александр Дюма-отец, приехавший в Россию, купил эту книгу в 1858 г. за 16 руб.[134] В. Я. Адарюков свидетельствовал, что цена ее доходила до 40 руб.[135] Солдатенков, очевидно, собирался выпускать второе издание.

Успеху книги способствовало и то, что Чернышевский в ноябрьском номере «Современника» перепечатал из сборника три наиболее сильных стихотворения: «Поэт и гражданин», «Забытая деревня» и «Отрывки из путевых записок графа Гаранского». Но эта публикация обратила внимание на книгу не только широкого круга читателей, но и, увы, властей. По словам «Колокола», «аристократическая сволочь» усмотрела в стихах Некрасова «революционные возгласы»[136]. Шли разговоры, что стихи Некрасова, напечатанные Чернышевским в «Современнике», прочитал царь — Александр II — и сам указал на упущение цензуры. Книга Некрасова была запрещена к переизданию, запрещены были перепечатки из нее стихотворений, было запрещено и писать о книге. «При случае скажи Солдатенкову,— писал В. П. Боткин своему младшему брату Д. П. Боткину 17 декабря 1856 г.,— что второе издание стихотворений Некрасова запрещено»[137].

Новое издание сборника, с большими купюрами и заменами, вышло в России только в 1861 г.

Сборник 1856 г. был перепечатан в 1859 г. в Лейпциге. Возможно, это было сделано с разрешения К. Т. Солда-

тенкова — на этом издании, как и на московском сборнике, стояли фамилии издателей — Солдатенкова и Щепкина [138]. Давая объяснения в цензуру в связи с появлением лейпцигского издания, Некрасов писал, что он не имеет к нему никакого отношения. Однако у Некрасова был экземпляр этого издания. Спустя много лет этот экземпляр попал в библиотеку известного собирателя проф. И. Н. Розанова. «В тексте,— писал Розанов,— имеются пометки, сделанные рукой Некрасова. Он восстанавливает выпущенные цензурой строки. На форзаце — автограф (карандашом), четыре строчки из известного стихотворения:

Жизни вольной впечатленьям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремленьям
В ней проснуться не мешай

Н. Некрасов [139].

Очевидно, не только сам факт издания сборника 1856 г., но и отношения с Солдатенковым навсегда запечатлелись в памяти поэта. Набрасывая незадолго до смерти план автобиографических записок, Некрасов первым пунктом восьмой главы поставил: «Письмо к Солдат<енкову>» [140]. Вероятнее всего, он имел в виду письмо от 26 марта 1856 г. и намеревался разъяснить причины, приведшие поэта к острому конфликту с членами московского кружка.

Некоторое осложнение отношений между Некрасовым и Солдатенковым со временем сгладилось. Известно, что в 1867 г. они встретились в Риме, и Солдатенков по просьбе Некрасова рекомендовал его известной русской гарибальдийке А. Н. Якоби.

Первое издание „Стихотворений“ Огарева

В 1856 г. Солдатенков выпустил первое издание стихотворений Огарева [141].

Уезжая в Лондон, к Герцену, Огарев поручил издание своей книги близкому другу Н. М. Сатину. В это время Сатин был очень дружен с Солдатенковым [142], и книга Огарева, естественно, была передана московскому издателю.

Состав сборника был подготовлен самим Огаревым. Конечно, по цензурным условиям многого из написанного к этому времени он не сумел включить в это издание. Из поэм, кроме «Зимнего пути», в книге были напечатаны лишь ранний опыт поэта — «Неаполь» и неболь-

шой отрывок «Африка». В сборник 1856 г. не вошли такие значительные стихотворения Огарева, как «Совершеннолетие», «Упование», «1849 год», послания к Искандеру, «Арестант» и др. Хотя история издания неизвестна, но можно предположить, что какие-то купюры и искажения текста были сделаны цензором Н. фон-Крузе, например, сокращения в поэме «Зимний путь», обозначенные точками (с. 153, 157, 166 в издании 1856 г.).

Кроме того, не ограничившись стихотворениями, отобранными самим поэтом, Сатин включил в сборник еще несколько стихотворений Огарева, которые были в его распоряжении. Очевидно, стихотворения, которыми Сатин дополнил книгу, Огарев находил слабыми и был недоволен действиями своего друга: «Мои стихи я получил недавно,— писал он Сатину 13 (25) октября 1856 г. из Лондона,— издание очень мило, но зачем же поместили пьесы, кроме тех, которые я дал. Я выбросил то, чего не хотел ввести в собрание. Беда не велика, хотя я не вижу причины распоряжаться без согласия автора его стихами» [143]. Так как в лондонское издание стихотворений Огарева 1858 г., подготовленное самим поэтом, не вошло лишь шесть стихотворений из сборника 1856 г., исследователи полагают, что Сатин включил в солдатенковское издание по собственному почину именно эти стихотворения: «пасхальное» стихотворение 1844 г., «Праздник», «Прощание с Италией», «Отъезд» и два перевода — из Гете и Уланда.

Сборник, в котором было напечатано 83 стихотворения, был первой книгой поэта. В ней отразились его творческие искания последних 15 лет — от первых публикаций на страницах «Отечественных записок» до поэмы «Зимний путь», вызвавшей живой отклик.

Книга вышла в свет в июле 1856 г. Откликаясь на это событие, Чернышевский писал в девятом номере «Современника», что Огарев «имеет право занимать одну из самых блестящих и чистых страниц в истории нашей литературы» [144]. В письме Ж. Мишле от 24 ноября 1858 г. Герцен назвал Огарева «первым из современных русских поэтов» [145].

Тираж книги быстро разошелся. Солдатенков еще дважды переиздавал ее (без изменения) в 1859 и 1863 гг. Вскоре называть имя Огарева как «государственного преступника» в печати стало невозможно, и более сорока лет, до 1904 г., сборник его стихотворений, трижды выпущенный Солдатенковым, оставался единственной книгой поэта, изданной в России.

„Стихотворения“ Полежаева

Большой заслугой перед русской литературой, русским обществом был выпуск издательской компанией Солдатенкова и Щепкина в 1857 г. книги стихотворений А. И. Полежаева. «Мы не знаем больше трагической жизни и больше рокового конца,— писал Огарев о Полежаеве.— Все соединилось против юноши, страстно полюбившего волю и рифму,— происхождение и царь, воспитание и Николай Павлович, наконец, крысы обкусали ноги его трупа, заброшенного в казарменных подвалах. И поневоле у живого человека вырывается проклятье и этой недостойной среде, и этой недостойной власти» [146].

Последний раз перед изданием 1857 г. книга поэта выходила в 1842 г. Как и большинство других, прижизненных и вышедших вскоре после трагической кончины Полежаева его сборников, она была сделана крайне неряшливо и вызвала возмущение Белинского случайным подбором стихотворений, их беспорядочным размещением, безвкусным оформлением [147]. Сборник 1857 г. не только напоминал после 15 лет забвения о гонимом поэте, но и был исполнением завета великого критика, желавшего, чтобы стихотворения Полежаева — талантливого, яркого русского поэта — были изданы достойным образом.

Подготовка нового издания была осуществлена Кетчером. Ближайшие его друзья в кружке 30-х гг.— Герцен, Огарев, Сатин — были знакомы с Полежаевым. Несколько своих стихотворений поэт поместил в «Телескопе», одним из сотрудников которого был Кетчер. Поэтому вполне вероятно, что у него была возможность лично познакомиться с Полежаевым. Во время подготовки изданий «Стихотворений» Полежаева Кетчер располагал большим собранием рукописей поэта. Так, от А. П. Лозовского, самого близкого друга Полежаева и издателя почти всех его сборников 30-х — начала 40-х гг., он получил автографы Полежаева, по которым готовил издание 1857 г. Судьба литературного наследства Полежаева была столь же трагична, как и его личная судьба. «Вследствие различных основательных и неосновательных страхов — писал В. К. Вульферт, племянник Н. В. Станкевича, П. А. Ефремову 26 июня 1887 г.,— в ту эпоху сожжена масса писем и заветных тетрадей Полежаева». Вульферт при этом вспомнил об одном таком «аутодафе», о котором ему рассказал Кетчер [148].

11 августа 1861 г. В. И. Касаткин писал П. А. Ефремову, уже тогда собиравшему материалы для возможно полного издания опального поэта: «Кетчер, у которого *все подлинники* Полежаева, уже 2 раза обещал мне отыскать их (вишь, завалились куда-то); но и до сих пор не отыскал. Вчера я поцаловал у него пробой, да так и пошел домой; а он куда-то с дочерью Белинского поехал жуировать, забыв об обещании. На этой неделе выручу; но пришлю их со след<ующей> оказиею, а не с Т<рубецким> (курсив мой.— *А. Т.*)»[149]. Однако Кетчер на этот раз не дал полежаевские автографы Касаткину, сославшись на то, что он не может их найти, и Касаткин 24 декабря 1861 г. сообщал Ефремову: «Дело плоховато: Кетчер говорит, что затерял Полежаева. Досадно это тем более, что полные экземпляры его отыскать невозможно. Вы знаете, вероятно, что наша разладица с Кетчером все идет дальше и дальше; а потому ни посещать его теперь, ни заставлять рыться как-то не приходится»[150].

К сожалению, многие автографы Полежаева, которые были у Кетчера, также не сохранились. Они не были известны даже П. А. Ефремову, подготовившему в 1880-х гг. более полное собрание стихотворений Полежаева.

В качестве предисловия к книге Полежаева Кетчер поместил сокращенный вариант статьи Белинского из «Отечественных записок». В отборе стихотворений для издания он оказался даже более строгим, чем Белинский. В первом, основном, отделе было помещено всего 54 стихотворения поэта, кроме того, в приложениях Кетчер напечатал 3 эпических отрывка и 4 перевода. В конце книги редактор дал список прежде напечатанных, но не вошедших в его издание (как «слишком уже плохих») произведений с указанием, где их можно найти. В этом списке оказались две поэмы — «Эрпели» и «Чир-Юрт» — и 51 стихотворение.

Несколько из вошедших в издание стихотворений было напечатано впервые: «Осужденный», «Чахотка» (сейчас печатается под названием «<Отрывок из письма к А. П. Лозовскому>»), «Тоска», начало неоконченной поэмы «Марий» (сейчас печатается под названием «Карфаген»), два отрывка из перевода драматической поэмы Э. Легуве «Гибель Помпеи» — под названием «Последний день Помпеи», а также стихотворение Легуве «Фалерий». Кроме того, целый ряд стихотворений был опубликован в дополненной и уточненной редакции. Так, стихотворение «Табак» было дополнено стихами:

Злой рок лишил меня всего —
И чести и свободы,
Но все курю, назло его,
Табак, как в прежни годы...

(позднее выяснилось, что «злой рок» это замена по цензурным соображениям слова «тиран»). В более совершенной редакции появились у Кетчера стихотворения «Ожидание», «Негодование», «К моему гению», перевод стихотворения Вольтера «Прощание с жизнью».

Издание 1857 г. отличалось прекрасным типографским исполнением. К книге был приложен литографированный портрет Полежаева и факсимиле его почерка.

«Стихотворения» Полежаева быстро разошлись и в 1859 г. были переизданы. Второе издание по содержанию полностью повторяло первое. Верные демократической направленности своего издательства, Солдатенков, Кетчер и Щепкин увеличили тираж и значительно удешевили книгу — с 1 руб. до 50 коп. серебром за экземпляр. Очевидно, именно довольно большой тираж второго издания заставил отказаться от литографского исполнения портрета Полежаева. При гравировании он был значительно искажен.

Впоследствии Кетчер предоставил в распоряжение Ефремова лишь небольшую часть рукописей Полежаева. Ефремов писал, что полежаевскими автографами он «тогда мог воспользоваться только в очень незначительной мере» [151].

До выхода в свет подготовленного П. А. Ефремовым сборника 1889 г. издания Солдатенкова и Щепкина оставались лучшими. В известной степени они не потеряли своей научной ценности и поныне. Так как большинство полежаевских рукописей не дошло до позднейших исследователей, эти издания сохраняют за собой значение первоисточника при публикации некоторых стихотворений поэта.

Первое издание сочинений Белинского

В апрельском номере «Современника» за 1859 г. Добролюбов с радостью извещал читателей: «В литературе нашей не может быть новости отраднее той, которая теперь только что явилась к нам из Москвы. Наконец сочинения Белинского издаются! ...Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гор-

достью, ее славой, ее украшением. До сих пор его влияние чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного; до сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознается, что значительной частью своего развития обязан, непосредственно или посредственно, Белинскому...» [152].

Речь шла о самом первом, 12-томном, собрании сочинений великого критика, издаваемом Солдатенковым и Щепкиным. Первый том «Сочинений В. Белинского» поступил в продажу 3 апреля 1859 г.

История издания началась задолго до этого. После смерти Белинского его друзья решили издать собрание его сочинений. Составление и редактирование собрания взял на себя Н. Х. Кетчер, которому вдова покойного критика передала все оставшиеся после него бумаги и письма.

Издание Солдатенковым сборников стихотворений Кольцова и Полежаева с вступительными статьями Белинского делало реальной и мысль о выпуске собрания сочинений критика. Инициатива этого издания исходила от Кетчера и была поддержана Солдатенковым и Щепкиным. По словам А. В. Щепкиной, «Кетчер взял на себя переговоры с семьей Белинского, и право на издание было куплено за 20 т<ысяч> рублей» [153].

Составление первого собрания сочинений Белинского и подготовка текстов велись Н. Х. Кетчером. «...Кетчер,— вспоминал А. В. Станкевич,— много трудился над редакцией и изданием двенадцати томов сочинений Белинского. Если современным читателям легко доступна и известна литературная деятельность последнего, то этим они обязаны труду Кетчера. Последний не хотел и слышать о каком бы то ни было вознаграждении за свою немалую работу и изданием сочинений Белинского обеспечил материальное положение семьи покойного автора и бывшего друга своего, что составляло его молчаливую радость» [154].

Подготавливая собрание сочинений Белинского, Кетчер совсем не предполагал, чтобы оно было «полным». Прежде всего, это было невозможно по цензурным обстоятельствам. Так, нельзя было включить в «Сочинения» Белинского знаменитое письмо к Гоголю. Кетчер хотел сделать первое издание сочинений критика достаточно полным и в то же время общедоступным. Он включил в издание все основные произведения Белинского, рассеянные до этого в редких даже для читателя 60-х гг. прошлого столетия журналах. Вошли в «Сочинения» и

статьи, «не бывшие в печати»: «Идея искусства», «Общее значение слова литература», «Общий взгляд на народную поэзию и ее значение», «Воспоминания Фаддея Булгарина (1846)», «Труды имп. Российской Академии (1841)». Но в то же время Кетчер сознательно решил не помещать в «Сочинениях» все то, что ему казалось незначительным или не характерным, случайным для Белинского. В издание не вошли грамматика, составленная Белинским, его переводы и свыше 400 небольших отзывов и рецензий — «по незначительности». Однако А. Д. Галахов, один из друзей Белинского, составил списки этих рецензий, прилагавшиеся в хронологическом порядке их публикаций к каждому тому «Сочинений» [155], и любознательный читатель всегда мог сам разыскать в старых журналах опущенные в издании произведения. Не были включены и письма [156]. Однако хуже было то, что Кетчер многие публикуемые статьи печатал с большими купюрами. «В особенности,— замечал С. А. Венгеров,— он был безжалостен к цитатам, которые ему, очевидно, казались лишним балластом, хотя на самом деле ничто так не содействует усвоению мыслей критика, как удачно подобранные выдержки» [157].

Однако, несмотря на серьезные недостатки, собрание сочинений Белинского, подготовленное Кетчером, многие десятки лет, вплоть до «Полного собрания сочинений» (выходившего под редакцией С. А. Венгерова с 1900 г. и завершенного уже под редакцией В. С. Спиридонова в 1948 г.), было самым полным (в 12 томах было примерно 220 печ. л.) и редакторски совершенным. «...Все издания 1898 г. (вышедшие после прекращения прав литературной собственности.— *А. Т.*) и позднейшие,— писал С. А. Венгеров,— не выдерживают никакого сравнения с изданием К. Т. Солдатенкова» [158].

Тома «Сочинений» Белинского выходили один за другим [159]. Живо реагировала на их выход журналистика. Восторженно встретил их появление «Современник», сочувственно откликнулись «Отечественные записки» (1859, № 5), «Библиотека для чтения» (1859, № 4, 11), «Московский вестник» (1859, № 9, 49). Реакционная же пресса встретила «Сочинения» Белинского резко отрицательно. Ксенофонт Полевой утверждал, что Белинский «не сделал ничего, кроме зла, нашей литературе» и требовал «не навязывать» его сочинений публике и прекратить их издание [160]. «Первым, кто так дерзко и кощунственно отозвался об учении православия,— возмущалась „Домашняя беседа“ Аскоченского,— был Виссарион

Белинский, издание сочинений которого так восторженно встречено людьми его духа и направления. См. „Современник“ 1859 г.»[161].

Двенадцатитысячный тираж «Сочинений» Белинского быстро расходился. Предсказания Добролюбова об успехе издания полностью оправдались. Еще не было завершено первое издание, как компания в 1861 г. начинает выпускать второе, идентичное первому, но уже тиражом 40 тыс. экз. Это издание вскоре было передано А. И. Глазунову и завершено в 1874 г.

Всего до истечения в 1898 г. срока права литературной собственности на сочинения Белинского вышло еще четыре законченных 12-томных изданий, повторяющих первое (в 1895 г. была выпущена первая часть 7-го издания). Однако, Солдатенков не был их издателем. Скорее всего, выпускала их семья Белинского — жена и дочь (имя издателя на 3—7-м изданиях не указано). Родственники Белинского не были довольны гонораром, полученным ими за первые два издания. Так, свояченица Белинского А. В. Орлова писала: «От издания Солдатенкова и Щепкина, когда разошлось пятьдесят две тысячи экземпляров, на долю сестры причли только 14 тысяч, которые она потом дала дочери в приданое»[162].

Известно, что деньги, полученные М. В. Белинской от компании, существенно улучшили ее материальное положение, и их хватило не только на приданое дочери. Близкий друг Белинского Н. Н. Тютчев свидетельствовал 19 февраля 1874 г.: «...благодаря стараниям Н. Х. Кетчера, взявшего на себя весь труд редакции и корректуры, и материальному содействию К. Т. Солдатенкова и Н. М. Щепкина — полное собрание сочинений Белинского было издано в 12-ти томах, и успешная продажа их окончательно обеспечила безбедное существование семейства этого даровитого, честного, неутомимого труженика, всю жизнь свою посвятившего служению истине и общественному благу»[163].

Издание сочинений Белинского настолько поправило материальное положение его вдовы, что в июле 1865 г. она обратилась в Литфонд с заявлением, в котором отказывалась от половины назначенной ей пенсии (и даже готова была отказаться от всей пенсии, если бы это счел нужным Литфонд). Литфонд оставил за ней половину пенсии — 300 руб., которые она получала до конца своих дней. В 1866 г. Белинская вообще оставила работу в Александровском институте и уехала с дочерью и сестрой жить за границу. В июне этого же года по ее заказу

был поставлен на могиле Белинского дорогостоящий памятник из черного мрамора (крест на пьедестале). Было бы странным, получая всего 145 руб. годового жалованья, отказываться от пенсии Литфонда, а потом решиться жить за границей втроем на трехсотрублевую пенсию. Скорее всего, серьезную помощь оказали денежные средства, вырученные за первые два издания.

Утверждение А. В. Орловой вызвало возмущение А. В. Щепкиной [164]. По ее словам, деньги (20 тыс. руб.) были выплачены М. В. Белинской полностью (что подтверждал и Солдатенков, ссылаясь на хранившиеся у него расписки). В то же время вполне вероятно, что вдова критика сочла, что выпускать новые издания собрания сочинений Белинского (практически перепечатки первого, подготовленного Кетчером) выгоднее ей самой, чем передавать издателям.

Первое издание „Отцов и детей" Тургенева

Первой книгой, выпущенной Солдатенковым в 1862 г. только своей фирмой, были «Отцы и дети» — первое издание тургеневского романа.

Известно, что по просьбе Тургенева за печатанием первого издания «Отцов и детей» наблюдал Кетчер, с которым Тургенева связывала старая дружба. Литературным мнением Кетчера писатель дорожил и даже уничтожил одну из своих повестей, не понравившуюся тому.

Кетчер был и в числе первых читателей «Отцов и детей». Прося его ознакомиться с рукописью романа, Тургенев писал, что если она не выдержит суровой критики Кетчера, то он и ее уничтожит, как поступил некогда с неудавшейся повестью. Несколько позднее писатель обратился к своему другу с просьбой помочь в напечатании романа отдельной книгой. «Любезнейший Кетчер,— писал Тургенев 13 июня 1862 г. из Спасского в Москву,— обращаюсь к тебе с просьбой: хочешь ты взяться напечатать в вашей типографии (имелась в виду типография В. Е. Грачева и К°. — *А. Т.*) „Отцы и дети" — и сказать мне, что это будет приблизительно стоить? Оказывается, что деревня в нынешнем году даст доход весьма посредственный, и надобно промышлять другими способами. Я бы выслал тебе тщательно исправленный экземпляр „О<тцов> и д<етей>" — и столько денег вперед, сколько ты мне напишешь. Надо будет бумагу поставить хо-

рошую и шрифт чтобы не был мелок. Хорошо бы также было, чтобы издание было готово к концу июля — потому что я в самом начале августа поеду через Москву и можно будет продать тогда же весь завод Базунову или другому книгопродавцу. Я полагаю, что эдак будет выгоднее, чем продать право издания теперь же. Но ты это лучше моего рассудишь — также насчет числа экземпляров — я полагаюсь на тебя. Кажется, предисловия никакого не нужно — только бы мне хотелось посвятить эту вещь памяти Белинского — и, может быть, прибавить несколько строк от себя. Сделай одолжение, отвечай мне несколько слов, не медля...»[165]

Еще не получив ответа, Тургенев, очевидно, не сомневаясь в согласии своего старого и верного друга, посылает ему 18 июня подготовленный для отдельного издания оттиск романа из «Русского вестника»[166]. Кетчер сразу берется за дело. Вероятно, именно он и получил разрешение на отдельное издание в московской цензуре, датированное 27 июня 1862 г. Благодаря Кетчера за помощь, Тургенев в письме от 28 июня высказывает пожелание, чтобы было напечатано 2400 экз. романа[167].

В начале сентября 1862 г. книга вышла в свет. Тургенев в это время был за границей.

Причастность Солдатенкова к выпуску первого издания тургеневского романа нередко забывается. Так, в комментариях к последнему наиболее полному и авторитетному изданию сочинений и писем Тургенева о Солдатенкове как издателе «Отцов и детей» не говорится ни слова. Этот факт был забыт, вероятно, по двум причинам. Во-первых, в письмах Тургенева к Кетчеру и другим адресатам по поводу этого издания имя Солдатенкова не упоминается (ответные письма Кетчера не известны); во-вторых, на титульном листе имя издателя не было указано, а обложка редко сохранялась при переплете книги (экземпляр первого издания «Отцов и детей» с уцелевшей обложкой хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина).

На каком же этапе печатания книги Солдатенков приобрел право на ее издание?

В письме от 28 июня 1862 г. Тургенев спрашивал Кетчера: «Но что же ты ничего не пишешь о деньгах? Или не нужно?»[168]. Вероятно, уже тогда Кетчеру пришла мысль, что если Тургеневу срочно нужны деньги, то не попробовать ли продать не готовый тираж (тогда писателю пришлось бы не только затратить деньги на печатание, но и ждать распродажи издания, чтобы получить

с него доход), а право на одно издание, и конечно, Солдатенкову, с которым Кетчер был в не менее близких отношениях, чем с Тургеневым. Однако без согласия издателя, бывшего в заграничном путешествии, Кетчер ничего конкретного не мог сообщить Тургеневу. Еще 22 июля, предупреждая Кетчера о своем скором приезде в Москву, Тургенев писал, что если издание будет к этому времени напечатано, то он сможет его продать какому-нибудь книгопродавцу, чтобы «таким способом взять с собою несколько денег за границу — так как в нынешнем году с деревень взятки плохи»[169]. Следовательно, Тургенев тогда еще не знал о решении Кетчера.

Солдатенков вернулся в Москву между 14 и 18 июля 1862 г. Тургенев был в Москве проездом из Спасского в Петербург 1—2 августа. К приезду Тургенева книгу напечатать еще не успели, но Кетчер при личной встрече, несомненно, получил от него принципиальное согласие на продажу права на издание. Намек на такой разговор содержится в письме Тургенева И. И. Маслову от 4 августа 1862 г. из Петербурга: «Здесь Кожанчиков и Вольф (книгопродавцы и издатели.—*А. Т.*) оба предлагали мне купить издание «Отцов и детей»; сообщи это к сведению Кетчеру — и пусть он по мере возможности достанет и вышлет мне денег — в Баден-Баден, poste restante»[170]. Солдатенков же, очевидно, был чрезвычайно занят и объяснениями с полицией по поводу своей встречи с Кельсиевым в Лондоне, и приведением в порядок служебных и коммерческих дел после долгого отсутствия, так что можно предположить, что его согласие на издание «Отцов и детей» было получено тогда, когда книжка была напечатана полностью, за исключением обложки. Вероятно, этим и объясняется отсутствие имени издателя на титульном листе. И только на обложке появилось указание, что Солдатенков — издатель тургеневского романа.

Неизвестно, был ли знаком Тургенев с Солдатенковым до издания «Отцов и детей», хотя они неоднократно имели возможность встретиться (например, на похоронах Грановского в октябре 1855 г.). Однако, имея многих общих знакомых, они, несомненно, знали друг о друге. К сожалению, Тургенев, вероятно, основывался на недоброжелательной характеристике, данной Солдатенкову своим близким приятелем — В. П. Боткиным, и имел об издателе предвзятое мнение[171].

Издание Солдатенковым «Отцов и детей» несколько изменило мнение о нем Тургенева. В конце 1862 г. — начале 1863 г. Тургенев в письмах к Кетчеру просит его

уговорить Солдатенкова поскорее издать русские сочинения Марко Вовчок (М. А. Маркович), хорошей знакомой писателя. Сохранился дружеский шарж Тургенева, датированный 12 октября 1868 г. и изображавший, по мнению А. Мазона, Солдатенкова, с шутливой подписью: «Крупный русский землевладелец дворянского рода, грустный, флегматичный, порой нетерпеливый, очень честен, неглуп, образован. Любит картины, театр, общество, говорит мало и больше слушает с ленивым вниманием. Очень консервативен»[172].

А. Н. Дубовиков считает «спорным и недостаточно убедительным» предположение А. Мазона о возможном портретном сходстве некоторых профилей, нарисованных Тургеневым во время «Игры в портреты», с знакомыми писателя[173]. Следует сказать, что если этот рисунок действительно изображает Солдатенкова, то его надо воспринимать лишь как веселую шутку, ибо Солдатенков не был ни «крупным русским землевладельцем», тем более «дворянского рода», ни «консервативным».

Известно также, что 9 (21) февраля 1873 г. Тургенев послал из Парижа письмо Солдатенкову с просьбой издать перевод какой-то немецкой книги[174]. Из воспоминаний В. П. Зилоти, дочери основателя Третьяковской галереи стало известно, что в 70-е гг. Тургенев гостил в кунцевском имении Солдатенкова. «Каким-то летом, в Петров день,— писала она,—к чаю днем пришли к нам (на дачу П. М. Третьякова.— *А. Т.*) Косьма Терентьевич с Иваном Сергеевичем Тургеневым, который это лето проводил в России и проездом из-за границы в свое имение гостил у Солдатенкова. <...> Мы все пили с ними чай на открытой террасе, <...> велись разговоры очень веселые. Иван Сергеевич все время рассказывал и, очевидно, острил, так как Косьма Терентьевич смеялся, не переставая, громко и раскатисто, а Павел Михайлович заливался до „всхлипывания“ и до слез»[175]. По всей вероятности, эта встреча состоялась в 70-е гг., но вряд ли позднее 1876 г.— года выхода тургеневского романа «Новь», где Тургенев использовал, сатирически заострив, некоторые черты характера и факты биографии Солдатенкова при создании образа купца Капитона Голушкина. Вопрос о соотношении этого образа с одним из реальных его прототипов — Солдатенковым — сложен и нуждается еще в тщательном изучении. Однако и сейчас имеется достаточно оснований, чтобы утверждать, что исторический Солдатенков имеет мало общего с Голушкиным.

Солдатенков и Чернышевский

Одной из самых славных страниц в истории издательской деятельности Солдатенкова было его сотрудничество с Н. Г. Чернышевским.

«Я хотел бы перевести на русский язык „Всеобщую историю“ Вебера,— писал Чернышевский в 1884 г. своему знакомому А. В. Захарьину (участнику революционного движения 1860-х гг.),— <...> это 15 или 16 толстых томов. (Краткое извлечение было переведено на русский [176], но это совсем не то.) Книга имела бы очень солидный успех» [177].

Выполняя просьбу Чернышевского переговорить «с солидными издательскими фирмами», А. В. Захарьин обратился к Е. Ф. Коршу, который одобрительно отнесся к предложению Чернышевского и познакомил Захарьина с Солдатенковым. Издатель охотно согласился выпустить труд Вебера в переводе Чернышевского.

«О К. Т. Солдатенкове я давно знаю, по знакомству с его издательскою деятельностью, как о человеке совершенно таком, каким нашли Вы его,— писал Чернышевский Захарьину.— Те условия, которые определили Вы с ним для меня по делу о переводе Вебера, были бы очень хороши, если бы были даже и гораздо менее щедры. Когда будете писать ему, передайте ему глубокую мою благодарность. Это большое пожертвование с его стороны, предоставление таких выгод мне от издания, которые, как я сам вижу теперь, едва ли окупятся; я знаю, он человек богатый, но и для него такая затрата денег не может быть легка. Я очень благодарен ему» [178].

По просьбе Чернышевского Захарьин предварительно выяснил в цензуре, возможно ли издание «Всеобщей истории» немецкого историка Георга Вебера (1808—1888), да еще в переводе политического ссыльного.

Цензура не возражала. «...Кроме тех мест, которые изображают не совсем приличную картину русской истории в эпоху прошлого столетия,— сообщал Захарьин Чернышевскому 7 апреля 1885 г.,— препятствий к изданию остальной части нет никаких...» [179] Однако перевод свой Чернышевский должен был подписать псевдонимом «Андреев»: царские власти не разрешали издавать произведения Чернышевского под его собственной фамилией даже долгое время после его смерти.

Перевод «Всеобщей истории» Вебера стал основной работой Чернышевского в последние пять лет его жизни. Он успел перевести более 11 объемистых томов. Солда-

тенков без промедления выпускал том за томом. Эта работа полностью обеспечила Чернышевского материально. Так, советуясь с московским врачом П. И. Боковым о лечении О. С. Чернышевской, Чернышевский писал 8 мая 1888 г.: «Мой доход до сих пор состоял исключительно из платы от К. Т. Солдатенкова за перевод Вебера. Мне приходилось получать от 4500 до 5000 р. в год. При таком доходе издержка в несколько сот или хоть и в тысячу рублей на надобность леченья — например, на поездку для пользования минеральными водами — не может быть тяжелым обременением <...> Если понадобятся деньги, превышающие наличный запас их у меня, то непозволительно мне иметь сомнение в том, что К. Т. Солдатенков без досады, напротив, с добрым чувством исполнит мою просьбу о присылке мне денег в счет будущей работы» [180].

Чисто переводческая работа угнетала Чернышевского, тем более, что труд Вебера его разочаровал. «Хотел ли бы я употреблять мое время на перевод вообще какой бы то ни было книги? — писал он своему старшему сыну А. Н. Чернышевскому 11 мая 1885 г.— Нет, я лучше хотел бы заниматься учеными трудами, план которых у меня в голове.— В частности, не предпочел ли бы я переводить какую-нибудь другую книгу, более нравящуюся мне, чем „Всеобщая история" Вебера? Да, предпочел бы. Но как быть! — пришлось выбирать вовсе не такую работу, которая нравилась бы мне» [181].

Уже в предисловии к первому тому Чернышевский отмечал основные недостатки труда Вебера: «Без философских рассуждений в трансцендентальном тоне и без рассуждений о превосходстве немецкой нации над итальянскою, французскою и английскою, книга Вебера была бы несравненно лучше. Но и при этих своих дурных примесях, она в сущности все-таки книга честная: автор, если и говорит много противонаучного, то лишь потому, что ошибается; он всегда добросовестен» [182].

Если вначале переводчик сокращает лишь некоторые страницы «по предположению о несообразности их с русскими условиями печати» [183] (например, очерк исследований о происхождении Пятикнижия не был бы пропущен духовной цензурой), то со временем Чернышевский приходит к мысли о невозможности издавать перевод без существенных сокращений, поправок и дополнений. «У Вебера множество пустой болтовни,— пишет он И. И. Барышеву 3 июня 1887 г.,— ее надобно было бы выбросить, как балласт, понапрасну увеличивающий цену книги (и уменьшающий продажу ее); у Вебера мно-

жество пробелов, которые надобно дополнить»[184]. С досадой писал он 8 мая 1888 г. П. И. Бокову: «Книга для перевода выбрана мной. Я не знал ее тогда. Судил о ней по отзывам немецких историков. Они обманули меня. Книга несравненно хуже своей репутации. Я стыжусь своей ошибки»[185]. И наконец, 28 апреля 1889 г. Чернышевский пишет И. И. Барышеву: «Книга Вебера пользуется хорошей репутациею. Но она хороша лишь по недостатку более дельной книги подобного размера <...> с ученой точки зрения, на которую мало кто становится при оценке больших трактатов о всеобщей истории,— книга Вебера дрянь...»[186].

«Я с самого начала перевода Вебера имел намерение делать пополнения к нему,— писал Чернышевский И. И. Барышеву 26 июля 1887 г.— До сих пор я опасался делать их. Но когда вышло уж шесть томов, не возбуждавших сомнений в цели издания, то, по моему мнению, возможно стало приняться за исполнение моего плана»[187].

Получив согласие от Солдатенкова, Чернышевский начинает осуществлять свой план. Прежде всего он очищает текст от «дурных примесей» — пустословия и антинаучных положений. В одиннадцати с половиной томах он снял более 700 страниц. Взамен изъятой «чепухи» Чернышевский прилагал к каждому тому свою статью, освещающую тот или иной вопрос с позиций новейших научных теорий. В 7-м томе «Всеобщей истории» Вебера была помещена статья Чернышевского «О расах», в 8-м — «О классификации людей по языку», в 9-м — «О различиях между народами по национальному характеру», в 10-м — «Общий характер элементов, производящих прогресс», в 11-м — «Климаты. Астрономический закон распределения солнечной теплоты». Все эти статьи имели одинаковый заголовок — «Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории». Кроме того, 1, 6, 7, 10, 11-й тома Чернышевский снабдил своими предисловиями.

Однако и дополнительные статьи, и прочие поправки, вносимые Чернышевским в «Всеобщую историю» Вебера, лишь частично воплощали тот замысел, который возник у него в самом начале работы. Чернышевский откровенно делился с Солдатенковым своими сомнениями: «Я не имею права выставлять на моих книгах мою фамилию. Имя Вебера должно было служить только прикрытием для трактата о всеобщей истории, истинным автором которого был бы я. Зная размер своих ученых сил, я рас-

считывал, что мой трактат будет переведен на немецкий, французский и английский языки и займет почетное место в каждой из литератур передовых наций... Вместо того — вышло что? Я перевожу книгу, положительно не нравящуюся мне; я теряю время на переводческую работу, неприличную для человека моей учености и моих — скажу без ложной скромности — моих умственных сил...»[188].

В апреле 1889 г. Чернышевский получил от Солдатенкова предложение срочно переработать первый том «Всеобщей истории» Вебера для нового издания. Открывалась возможность осуществить намерение Чернышевского — воспользовавшись трудом Вебера как отправной точкой, материалом для критики, создать оригинальный трактат, посвященный актуальнейшим проблемам всеобщей истории. Но этому замыслу не суждено было сбыться. Из-за болезни Чернышевский успел только частично удалить веберовское «пустословие», не внеся каких-либо кардинальных изменений в этот том. В октябре 1889 г. он умер, не закончив работы над 1-м томом второго издания и над 12-м томом первого издания[189], перевод которого был завершен В. Н. Неведомским. 13-й том был переведен Э. Р. Циммерманом, 14-й и 15-й — В. Н. Неведомским.

Конечно, как ни справедлива критика Чернышевского, многотомный труд Вебера обладал немалыми достоинствами, прежде всего ценным и богатым фактическим материалом, и издание его в России стало событием серьезного культурного значения. Ведь за исключением устаревшей к тому времени (по словам Чернышевского) «Всемирной истории» Шлоссера подобных изданий не было.

Русские читатели с большим интересом встретили новое издание знаменитого труда. В печати появились многочисленные рецензии, одобрительно отмечавшие не только научные достоинства труда Вебера, но и высокое качество его нового перевода, сделанного в основном Чернышевским[190].

Так, рецензент «Исторического вестника» писал, что «труд г. Вебера — лучший свод, какой только можно придумать, свод, незаменимый даже для многоученой и слишком богатой пособиями Германии; одинаково важный и для истории культуры, и для истории литературы, одинаково полезный и для студентов, и для учителя, и для всякого интересующегося историей образованного человека»[191].

Издание «Всеобщей истории» Вебера сблизило изда-

теля и переводчика. Они так никогда и не встретились, не познакомились лично, но их отношения носили самый дружеский характер. Письма Чернышевского к Солдатенкову предельно откровенны, в них много биографических штрихов, живо рисующих, в частности, отношения Чернышевского с Некрасовым. Чернышевский ценил Солдатенкова как идейного издателя и необыкновенной доброты человека. «Я с самого начала Вашей издательской деятельности знал,— писал он Солдатенкову 1 февраля 1886 г.,— что Вы сделались издателем единственно по желанию быть „полезным для других", и постоянно видел это по фактам Вашей деятельности, что она имеет характер пожертвования для „пользы других". Теперь Вы делаете пожертвование для пользы мне. Я с признательностью принимаю его»[192]. Солдатенков, в свою очередь, хорошо помнил заслуги Чернышевского перед русским общественным движением и относился к нему с большим уважением. Он не только обеспечил Чернышевского материально («Он делает для меня больше, нежели мог бы я сам желать»,— отмечал Чернышевский), но и безоговорочно соглашался удовлетворить любые его просьбы и претензии. Достаточно сказать, что когда Чернышевский заметил, что, корректируя его перевод, Е. Ф. Корш позволяет себе вносить в него изменения, Солдатенков тотчас же отстранил своего старого друга и сотрудника от участия в подготовке к печати труда Вебера. С тех пор Чернышевский посылал свой перевод непосредственно в типографию, печатавшую книгу.

В июне 1888 г. в Астрахань к Чернышевскому приехал один из ближайших к Солдатенкову людей — В. Е. Грачев. «Кроме любезностей от Солдатенкова,— писал Чернышевский жене Ольге Сократовне,— он передал мне, что Кузьма Терентьевич просит меня, когда кончу перевод Вебера, выбирать работы для издательства ему, какие мне самому вздумается: он будет издавать все, что найду полезным»[193].

Отныне Чернышевский все планы своих литературных работ связывает с издательством Солдатенкова. «У меня есть план огромного издания, которое даст большой доход,— писал он жене 27 июня 1888 г.,— я хочу заняться переделкою Conversations-Lexicon'а Брокгауза для русской публики: это те 15 больших томов, которые стоят у меня на этажерке. Солдатенков, без сомнения, примет на себя издержки, предоставив мне весь доход, какой будет оставаться по покрытии их. Это было бы дело, которое доставило бы ему в десять раз больше благодарности

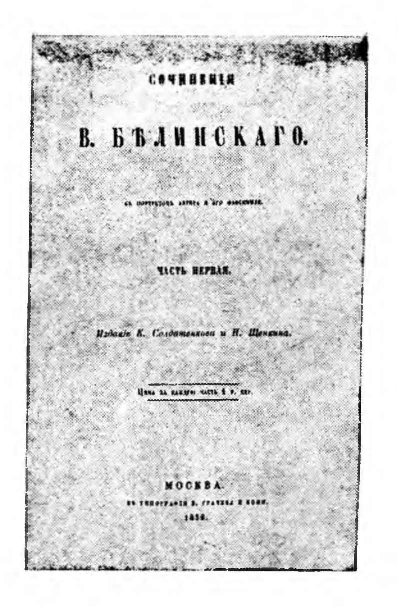
русской публики, чем все прежние его издания, взятые вместе. А он хлопочет только о том, чтобы заслужить признательность русских образованных людей. Мне стал бы помогать Сашенька (А. Н. Пыпин.— *А. Т.*). В моей переделке словарь Брокгауза стал бы таков, что следующие (непрерывно выходящие одно за другим) издания немецкого подлинника были бы переделываемы по моему русскому изданию. Имя Солдатенкова стало бы громким во всемирной литературе, потому что французские и английские (или, что то же самое, американские) энциклопедии составляются по „Словарю“ Брокгауза». «Есть у меня,— прибавлял Чернышевский,— и планы других изданий» [194].

Особое место среди них заняли «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». Собирать их Чернышевский начал в 1861 г., сразу после безвременной кончины своего ближайшего друга и соратника. Уже в № 1 «Современника» за 1862 г. появилась первая публикация этих материалов (с. 259—319). Арест Чернышевского в 1862 г. на долгие годы прервал его работу над документальной биографией Добролюбова. Собранные им материалы сохранили сотрудники «Современника» — А. Н. Пыпин и М. А. Антонович [195].

Чернышевский писал Солдатенкову 28 марта 1889 г.: «Материалы составят 2 тома листов по 30 журнального формата каждый <...> Книга будет состоять из трех главных отделов: переписка, обзор рукописей, оставшихся после Добролюбова, и записки о жизни Добролюбова, написанные его родными и друзьями (по моей просьбе). <...> Моего имени на обертке не будет; напишу на заглавном листе: „приведены в порядок по поручению сестер и братьев Добролюбова“. <...> Не будет мое имя встречаться и в тексте книги. Где буду излагать свои воспоминания, буду называть их «воспоминаниями одного из знакомых Н. А. Добролюбова» [196].

Чернышевский успел только закончить первый том «Материалов» и наметить состав второго. Еще при жизни автора первый том был полностью подготовлен, начал набираться и печататься. Вскоре после смерти Чернышевского Солдатенков уполномочил своего сотрудника В. Н. Неведомского, поехавшего в Петербург, переговорить с А. Н. Пыпиным об условиях издания второго тома [197].

Пыпин взялся прочитать корректуру первого тома «Материалов» и написать к нему предисловие. Прося прислать ему отпечатанные листы и корректуру этого

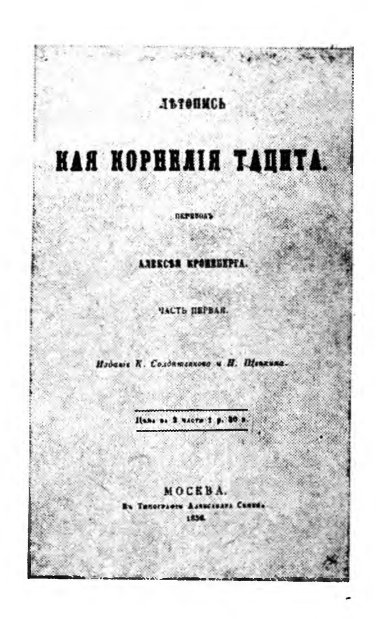
СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.

КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

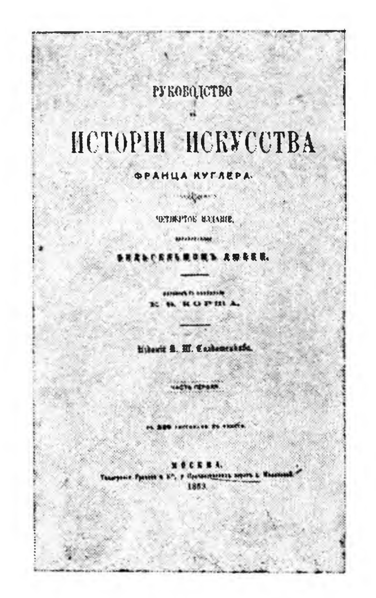
ПЕРЕВОДЪ

АЛЕКСѢЯ КРОНЕБЕРГА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.

РУКОВОДСТВО

КЪ

ИСТОРІИ ИСКУССТВА

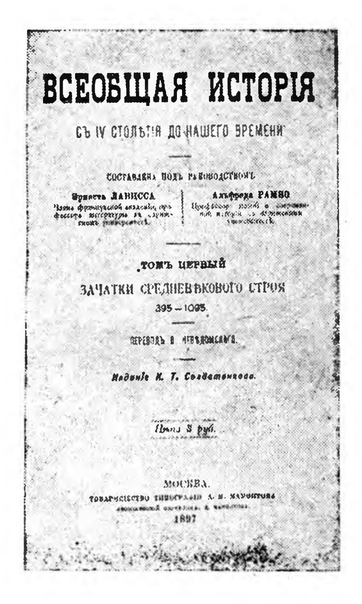
ФРАНЦА КУГЛЕРА.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ,

Ф. Ф. КОРША.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

СЪ IV СТОЛѢТІЯ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

СОСТАВЛЕНА ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ

Эрнеста ЛАВИССА	Альфреда РАМБО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ЗАЧАТКИ СРЕДНЕВѢКОВОГО СТРОЯ

395—1095.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 3 руб.

МОСКВА.

1897

Издания К. Т. Солдатенкова

тома, Пыпин 3 ноября 1889 г. писал Солдатенкову: «Только по окончании 1-го тома я буду в состоянии приняться за 2-й; необходимо прежде всего выделить из бумаг то, что вошло в 1-й том, и затем уже распределить остальное во 2-й том. Нынешним летом Н. Г. Ч<ернышевск>ий писал мне свои предположения о том, что должно войти в этот 2-й том. Бумаги Добролюбова уже находятся у меня. К тому, что собрано Ч<ернышевски>м, я прибавил бы еще 7 его собственных воспоминаний о Д<обролюбо>ве, какие — по моей просьбе — он некогда написал мне в длинном письме, когда еще не было речи о настоящем издании» [198].

20 апреля 1890 г. первый том «Материалов» вышел в свет. «Наконец после многих затруднений и препятствий со стороны цензуры,— писал Солдатенков Пыпину 21 апреля 1890 г.,— первый том „Материалов для биографии Добролюбова" выпущен в свет вчерашний день, но со следующими непременными условиями: 1-е, на обертке не только имя г. Чернышевского вычеркнуто, но и не позволено заменить его „одним из друзей покойного"; 2-е, в вашем предисловии вычеркнута фраза: „он, т. е. Ч<ернышевский>, возлагал на Доброл<юбова> самые широкие надежды". Верно это вы сами увидите из книги, десять экземпляров которой я посылаю вам нынешний день почтою. Очень жалею, что вышло не совсем так, как хотелось вам» [199]. В этом же письме Солдатенков просил Пыпина «приступить ко второму тому». Однако этот том в свет не вышел [200].

С именем Чернышевского связано еще одно издание Солдатенкова — книга французского социолога-этнографа Шарля Летурно «Эволюция морали» в переводе Б. А. Марковича — сына известной писательницы Марко Вовчок. Один из руководителей первой в России рабочей демонстрации, организованной в Петербурге на площади перед Казанским собором в 1876 г., Маркович был сослан в Астраханскую губернию. Когда Чернышевскому разрешили поселиться в Астрахани, они познакомились, чему немало способствовало то, что Чернышевский чрезвычайно высоко ставил художественный талант Марко Вовчок. Нуждаясь в заработке, Б. А. Маркович попросил Чернышевского найти для него любую переводную работу и от себя предложил перевести книги Летурно «Эволюция морали» и «Эволюция брака».

Чернышевский ознакомился с этими книгами и в целом одобрил выбор своего молодого знакомого. Хотя он нашел Летурно «не особенно великим ученым», но пола-

гал, что «книги его покажутся русской публике занимательны, сообщат ей много сведений, потому будут полезны ей»[201]. Чернышевский наметил и тот способ перевода книг, который ему казался «хорошим». Менее чем за полгода Маркович перевел книгу «Эволюция морали». Просмотрев перевод, Чернышевский отправил его в Москву, написав И. И. Барышеву: «Ныне я послал на Ваше имя перевод книги Летурно, сделанный г. Марковичем по моему уверению, что К. Т. Солдатенков согласился принять на себя издание этой книги в русском переводе. Перевод г. Марковича очень хорош, так что я, прочитывая его и сличая с подлинником, почти вовсе не находил случаев делать поправки»[202]. Отпечатанная в 1200 экз. книга Летурно была запрещена цензурой.

Смерть Чернышевского помешала выходу еще одного рекомендованного им фирме Солдатенкова издания — собрания сочинений Марко Вовчок.

Солдатенков и Лев Толстой

Солдатенкову не довелось выпустить ни одной книги Льва Толстого, однако между ними существовали достаточно близкие отношения, рассмотрение которых, безусловно, важно для характеристики издателя.

Первое известное упоминание Солдатенкова о Толстом относится к 1856 г. Благодаря Некрасова за присылку номера «Современника», в котором был напечатан и рассказ Толстого «Севастополь в августе 1855 года», Солдатенков писал, что журнал «много доставил наслаждения статьями — Вашей, Толстого, Тургенева и Боткина, за что Вам глубокая благодарность»[203].

В комментарии к полному собранию сочинений писателя указывается, что Солдатенков «был знаком с Толстым с середины 1880-х годов»[204]. К сожалению, это указание не подкреплено ссылкой на источник. Ныне эту датировку следует признать неверной.

Уже в 50-е гг. у Толстого и Солдатенкова было много общих знакомых: П. Л. Пикулин, Е. Ф. Корш, В. П. Боткин, Н. А. Рамазанов и другие, и вполне допустимо, что их знакомство состоялось уже тогда, 23 декабря 1862 г. Л. Н. Толстой приехал со своей молодой женой в Москву. «Они часто ездили в концерты, театры и музеи,—вспоминает Т. А. Кузминская.— <...> Лев Николаевич, кроме выездов, посещал библиотеки, отыскивая разные мемуа-

ры и романы, где бы говорилось о декабристах»[205]. С. А. Толстая писала: «Посетили мы и галерею Солдатенкова, у которого была замечательная молельня»[206]. Картинная галерея и тем более молельня осматривались только с разрешения и в присутствии хозяина дома (дом сохранился, его современный адрес: ул. Кирова, 37). Толстые уехали в Ясную Поляну около 8 февраля 1863 г. Так что возможная встреча Толстого и Солдатенкова могла состояться в конце 1862 г.— начале 1863 г.

Концом 80-х — началом 90-х гг. исследователи датируют следующее письмо Льва Толстого Солдатенкову:

«Очень жалею, что вы не зашли. Мне очень легко было не иметь против вас никакого дурного чувства, потому что я как-то понял вполне вас и ваше душевное состояние. Пожалуйста, не нарушайте любовного общения между мною и вами и всеми людьми, насколько можете. В этом одном разрешение всего.

Любящий вас Л. Толстой»[207].

Это письмо свидетельствует о близких отношениях между Толстым и Солдатенковым, о каком-то инциденте, происшедшем между ними, в чем, вероятно, был виноват Солдатенков, который переживал происшедшее и потому не решился зайти к Толстому. Судя по всему, он написал Толстому об этом, что и вызвало ответ писателя.

Письмо Толстого датировано предположительно, по почерку. Если эта датировка верна, то следует отметить, что затем наступило охлаждение отношений, они утратили душевность и стали более официальными. Так, первое точно датированное письмо Толстого к Солдатенкову (от 15 августа 1897 г.) начинается с обращения: «Многоуважаемый Кузьма Терентьевич!» и кончается трафаретно: «С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам Лев Толстой»[208]. Конечно, точность даты, установленной по почерку, весьма относительна, и вполне допустимо, что это письмо написано в более позднее время.

В письме от 15 августа 1897 г. Толстой просил Солдатенкова помочь кавказским духоборам, находящимся «в страшно бедственном положении», и согласиться на участие «в исторических изданиях „Посредника“».

Письмо это не было передано Солдатенкову, так как он в это время был за границей. Вторично Толстой обратился к нему спустя год. «Вы,— писал он издателю 5 августа 1898 г.,— употребляете большую часть своего богатства на добрые дела. Я не знаю более несомненно доброго и важного дела, как это, как то, чтобы помочь

тем людям, которые в своей жизни осуществили те высшие идеалы, к которым стремятся лучшие люди человечества, и страдают за это, и потому надеюсь, что Вы не откажетесь принять участие в этом добром деле в той мере, в которой Вам подскажет это ваше чувство. О вашем решении будьте добры меня уведомить»[209].

30 января 1899 г. Солдатенков сам привез Толстому 5 тыс. руб. Неизвестно, что помешало ему раньше исполнить просьбу Толстого. Может, отсутствие столь больших денег в наличии (все капиталы Солдатенкова были в процентных бумагах) или потрясший его здоровье удар, о котором упоминал М. Щепкин в некрологе? Вполне возможно, что именно к этому периоду — с августа 1898 г. по январь 1899 г.— и относится письмо Толстого с условной датой.

В 1894 г. Солдатенков по просьбе Толстого издал «Крестьянские рассказы» С. Т. Семенова (1868—1922). Это был народный писатель, знакомый Л. Толстого и его последователь.

3 февраля 1894 г. Семенов сообщил Толстому о своем намерении составить книжку из своих лучших рассказов и просил предложить ее кому-нибудь из издателей[210]. Толстой полагал, что «книжечка может выйти хорошая», и просил автора самого указать, у какого издателя он хотел бы напечатать книгу. Семенов в письме к Толстому от 5 марта назвал Солдатенкова, надеясь, что московский издатель, выпустивший книги «народных писателей Сурикова, Кольцова, Левитова», издаст и его «Крестьянские рассказы». Как видно из письма И. И. Горбунова-Посадова к Семенову от 21 марта, Солдатенков согласился. Письмо Толстого Солдатенкову с просьбой напечатать книгу Семенова неизвестно, однако то, что именно Толстой ходатайствовал перед издателем по делам своего литературного протеже, удостоверяется письмом Семенова от 3 апреля, в котором он «сердечно» благодарил писателя за «пристройство» его книги. Толстой написал предисловие к первой книге Семенова.

Наборная рукопись была подготовлена 23 марта, а в мае 1894 г. «Крестьянские рассказы» вышли в свет.

Выше уже цитировались строки из письма Толстого к В. Г. Черткову от 17 марта 1898 г., в котором писатель сообщал, что один очень богатый человек советовался с ним, «как устроить за границей печатный орган, в котором печатались бы все дурные дела, совершаемые русским правительством»[211]. Предположение М. В. Муратова, что с Толстым советовался не кто иной, как Солда-

тенков, достаточно правдоподобно. Среди московских «очень богатых» людей, пожалуй, только очень немногие (такие, как Солдатенков, Савва Морозов) были оппозиционно настроены по отношению к царскому правительству. Однако в письме Толстого допускается, что упомянутое лицо может и не желать «вполне служить своими средствами делу религиозному». Возможно, этим замечанием Толстой подчеркнул существенную разницу в религиозных воззрениях толстовцев и старообрядцев.

Очевидно, этого же человека, который хотел финансировать оппозиционный правительству орган, имел в виду Толстой, когда писал Черткову 12 января 1899 г.: «На то же, чтобы найти богатого человека, к<оторый> помог бы делу (издательству Черткова.— *А. Т.*), имею большую надежду. Завтра же буду говорить с тем лицом, к<оторое> хотело помочь» [212]. Любопытно, что 30 января 1899 г. Солдатенков привез Толстому деньги для оказания помощи духоборам. Возможно, что этому предшествовал визит Толстого Солдатенкову — та самая встреча, о которой писатель сообщает Черткову, а деньги, которые Солдатенков передал Толстому, предназначались не только духоборам, но и на издания Черткова.

В 1900 г. Солдатенков прислал Толстому 1000 руб. на издания Черткова. В апреле 1900 г. Толстой извещал Черткова: «Хотел все написать вам с случаем о том, кто прислал тысячу, к<оторую> я послал вам. Это Солдатенков. Он б<ыл> у меня и говорил, что очень сочувствует вашим изданиям и не даст им погибнуть от недостатка средств. Я поддержал его в этих добрых намерениях...» [213].

Вероятно, и впоследствии Солдатенков оказывал материальную поддержку издательству А. К. и В. Г. Чертковых «Свободное слово». Скорее всего, об этом просил Толстой Солдатенкова в письме от 1 октября 1900 г.: «Мой друг Павел Александрович Буланже,— писал Толстой,— передаст вам это письмо. Он только что вернулся из Англии и подробно расскажет вам об интересующем нас деле. Уверен, что вы не дадите заглохнуть этому делу, и вперед сердечно благодарю вас за вашу помощь» [214]. Это только одно из предположений, поскольку точно неизвестно, о чем идет речь в письме Толстого. Возможно, письмо имеет отношение не к издательству Чертковых, а к задуманному толстовцами — П. А. Буланже и А. Н. Коншиным — еженедельному журналу «Утро», который должен был выпускаться под эгидой Толстого, однако в декабре 1900 г. его издание не было разрешено.

В начале февраля 1901 г. у Толстого побывал известный историк и писатель П. В. Безобразов, сын академика В. П. Безобразова, знакомого Толстого с молодости. Он предложил Толстому организовать издание другого журнала, обещая, что там «не будут появляться произведения, им (Толстым.— *А. Т.*) не одобряемые и совершенно чуждые его направлению»[215]. Толстой «воспламенился мыслью, что можно опять поднять вопрос о журнале и обещал давать статью ежемесячно». К участию в журнале Толстой хотел привлечь Чехова и Горького, решено было «совсем не помещать стихов», серьезная же часть журнала должна была иметь «религиозно-философский характер, причем не допускались материалисты и экономисты». Горячо одобрив проект журнала, Толстой на другой день после встречи с Безобразовым пошел к Солдатенкову договориться о материальной поддержке издания. Не застав Солдатенкова дома, Толстой оставил ему записку, в которой были строки: «Верьте Безобразову, как мне самому»[216]. Очевидно, Безобразов посетил Солдатенкова и получил его согласие. Позднее и сам Толстой встретился с Солдатенковым и говорил с ним о совместных планах выпуска книг, исполнению которых помешала кончина издателя. 21 мая 1901 г. Толстой писал Черткову: «Умер Солдатенков, с к<оторым> я только что говорил о нашем деле, и другие были с ним дела»[217]. Среди других дел было и издание альбома репродукций картин художника Н. Н. Ге. «Смерть Солдатенкова,— писал Толстой А. С. Суворину 22 июня 1901 г.— затормозила издание полного собрания произведений Ге, уже начатого»[218]. Неизвестно, какое участие принимал Солдатенков в этом деле. «Альбом художественных произведений Николая Николаевича Ге» был издан сыном художника в 1903 г.

* * *

Превосходный репертуар солдатенковских изданий объясняется рядом причин. Московский кружок Грановского — Кетчера был одним из средоточий литературных сил, и близкие отношения Солдатенкова с друзьями Белинского, Герцена, Тургенева во многом влияли на подбор авторов в первые годы существования издательства. Обычно это были писатели, так или иначе связанные с московским кружком.

Выпуск замечательных книг, принадлежавших выдающимся русским писателям, капитальность издания, тща-

тельность их эдиционной подготовки — все это значительно подняло престиж издательства Солдатенкова.

К сожалению, по неизвестным причинам остались нереализованными намерения некоторых выдающихся русских писателей напечатать свои сочинения в издательстве Солдатенкова.

Выражал желание напечатать свое первое собрание сочинений у Солдатенкова и Щепкина Ф. М. Достоевский. В начале 80-х гг. Гл. Успенский хотел, чтобы его собрание сочинений было издано именно Солдатенковым. Тогда же и М. Е. Салтыков-Щедрин предполагал выпустить многотомное собрание своих сочинений в этом издательстве. И хотя эти планы и не были исполнены, они свидетельствуют о том высоком авторитете, которым пользовалось издательство Солдатенкова у лучших русских писателей.

Труды русских ученых

Более 30 оригинальных трудов русских ученых было издано Солдатенковым во имя служения русской науке и культуре. Следует заметить, что издание научной литературы в то время было почти всегда не рентабельным, ученые чаще всего издавали свои работы на собственные средства.

Первой научной книгой, изданной Солдатенковым и Щепкиным в 1857 г., стала речь профессора Казанского университета И. К. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала». До переезда в Казань Бабст учился в Московском университете, жил в доме М. С. Щепкина и находился в тесном контакте с самыми видными деятелями кружка Грановского.

В речи, прочитанной в Казанском университете 3 июня 1856 г., он говорил об отсталости России, подчеркивал необходимость экономических и политических реформ. Речь сразу же была издана небольшим тиражом в Казани. Брошюру Бабста чрезвычайно высоко оценил Чернышевский. «Это произведение,— писал он,— можно сказать, образцовое по дельности и благородству мысли, по живости изложения, по обилию интересных и поучительных фактов. Рекомендуем эту прекрасную „Речь" вниманию каждого образованного читателя»[219]. Чернышевский обильно цитировал в рецензии, опубликованной в «Современнике» (1856, № 8), отрывки из речи, называя их «прекрасными примерами благородного применения

науки к жизни» и высказывая пожелание, «чтобы подобные произведения чаще и чаще являлись в нашей литературе»[220].

Второе издание речи Бабста, выпущенное Солдатенковым и Щепкиным, красноречиво поддержало репутацию их прогрессивного издательства. Чернышевский, относивший выступление Бабста к выдающимся литературным и общественным явлениям того времени, счел необходимым откликнуться в «Современнике» (1857, № 10) также и на второе ее издание[221].

Одним из самых примечательных среди изданий русской экономической литературы, выпущенных Солдатенковым, был труд первого пропагандиста экономического учения Маркса в России Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» (М., 1883), в котором освещаются вопросы, связанные с общинной собственностью, с проблемой возникновения частной собственности, крупного и мелкого производства в земледелии. «Через все работы,— отмечается в „Истории русской экономической мысли", — Зибер проводит идею прогрессивности крупного производства и неизбежности его победы над мелким производством. По мнению Зибера, эта победа создает условия для торжества социалистического строя»[222].

«Очерки первобытной экономической культуры», как и другие работы Зибера, сыграли крупную роль в идейной борьбе 80-х гг., в становлении марксизма в России.

Солдатенковым были изданы и самые значительные труды одного из видных представителей русской прогрессивной историко-экономической науки второй половины XIX и начала XX в. М. М. Ковалевского, которого К. Маркс относил к числу своих научных друзей и высоко ценил как ученого,— «Происхождение современной демократии» (т. 2—4. М., 1895—1897; т. 1. М., 1899—1901) и «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического общества» (т. 1—2. М., 1898—1900).

Немало выпустил Солдатенков трудов и русских историков.

Сохранился текст шутливого соглашения (1854 г.) между Солдатенковым и П. Л. Пикулиным по поводу издания сборника работ Грановского[223].

Книгу при жизни Грановского выпустить не удалось. Вскоре после его кончины по плану друзей и последователей ученого — П. Н. Кудрявцева и С. М. Соловьева — был составлен двухтомник его сочинений, вышедший в свет в 1856 г. Выше уже говорилось, что книга была или

выпущена на средства А. В. Станкевича, или являлась коллективным изданием московского кружка. Через десять лет, в 1866 г., Солдатенков переиздал сочинения Грановского, дополнив его лишь одной статьей, вернее, запиской «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены».

«Сочинения Грановского давно уже были раскуплены и сделались библиографическою редкостью,— отмечалось в рецензии „Вестника Европы",— потому новое издание явилось кстати» [224]. На деньги, вырученные от продажи издания, предполагалось учредить в Московском университете стипендию имени Грановского.

В 1869—1870 гг. Солдатенков издал «Сочинения» известного русского историка, ученика Грановского — С. В. Ешевского (в трех томах), подготовленные К. Н. Бестужевым-Рюминым и А. С. Трачевским. До сих пор это издание является основным, наиболее полным собранием произведений ученого [225].

В 1859—1860 гг. издательство Солдатенкова и Щепкина выпустило два издания «Учебной книги русской истории» С. М. Соловьева. В рецензии на книгу Н. А. Добролюбов писал: «Подробности внутренней жизни народа, введенные в „Учебную книгу" г. Соловьева, дают ей большое значение и ставят ее решительно выше всех доселе бывших у нас учебников русской истории» [226]. И хотя критик нашел в книге Соловьева недостаток, заключавшийся, по его мнению, в том, что она представляет смесь гимназического учебника с конспектом лекций для студентов, однако добавил, что «хороший преподаватель может воспользоваться ею как учебником гимназическим несравненно лучше, чем всеми нашими прежними учебниками» [227].

Спустя несколько лет Солдатенков издал составленный И. И. Шиловым «Ключ или алфавитный указатель к „Истории России с древнейших времен"» С. М. Соловьева (М., 1864) — путеводитель к первым 12-ти выпускам монументального труда выдающегося историка.

Событием в русской исторической науке стала изданная Солдатенковым в 1871 г. работа В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник». Более пяти лет упорной работы посвятил Ключевский подготовке своего первого большого труда. Он тщательно исследовал материалы государственных и ведомственных архивов Москвы, Петербурга, Казани, Троице-Сергиевой лавры, частных собраний Барсова, Буслаева, Уварова, Тихонравова, просмотрел громадное количество

рукописей — до 5 тыс. списков житий. Однако у молодого историка не было средств на издание фундаментальной монографии, и книгу согласился выпустить Солдатенков. Она была издана огромным для научной литературы того времени тиражом — 3 тыс. экз. Выручив затраченные на издание деньги, Солдатенков передал все оставшиеся экземпляры автору, который еще несколько лет продавал свою книгу. В одной из рецензий, напечатанной спустя три года после выхода «Древнерусских житий», можно встретить сетование на удивительное равнодушие общества, не оценившего труд Ключевского [228]. Конечно, книга была достаточно специальна и не предназначалась широкому читателю, к тому же имя автора пока еще было мало известно публике,— славу Ключевскому позже принесли лекции в Московском университете. Нужда в повторном издании этой книги почувствовалась только в последние годы жизни ученого.

В 1872 г. Ключевский защитил «Древнерусские жития» в качестве своей магистерской диссертации. Эта работа не потеряла своего научного значения и в настоящее время, оставаясь «самым надежным и полным руководством по русской агиографии» [229]. «Древнерусские жития» — единственная книга Ключевского, изданная Солдатенковым [230].

Имя Солдатенкова как издателя стоит на трех книгах известного историка и археолога Москвы И. Е. Забелина. Познакомились они в начале 50-х гг. [231] Позднее Забелин участвует в регулярных дружеских встречах у Пикулина, Кетчера, Солдатенкова. Вместе с Кетчером, Грачевым и Е. Коршем он входил в число самых близких Солдатенкову друзей, с которыми тот советовался по издательским делам. Судя по письму Солдатенкова Забелину от 28 октября 1886 г. [232], фактическим издателем книг Забелина «Опыты изучения русских древностей и истории» (ч. 1—2. М., 1872—1873) и «Минин и Пожарский» (М., 1883) был не Солдатенков, а Кетчер. Однако Солдатенков имел непосредственное отношение не только к изданию, но и к созданию исторического исследования Забелина «Кунцево и древний Сетунский стан» (М., 1873). В 1865 г. Солдатенков приобрел в Кунцеве красивое, большое, с огромным парком имение Нарышкиных (одним из первых его владельцев был родной дядя Петра I Л. К. Нарышкин). Здесь у издателя часто гостили друзья, в их числе и Забелин. По просьбе Солдатенкова он собрал материалы по истории имения и окрестных поселений. Эта книга была издана на средства Солдатенкова.

В ней есть также сведения и из биографии Солдатенкова, например, говорится, что дед издателя, Егор Васильевич Солдатенков, пожертвовал летом 1812 г. 20 тыс. руб. на защиту отечества (с. 82), что сам Солдатенков, купивший имение, построил рядом со своим домом начальное народное училище, в котором учится 60 крестьянских детей и т. д.

Одной из интересных страниц издательской деятельности Солдатенкова является выпуск им трудов знаменитого русского фольклориста Александра Николаевича Афанасьева. В биографической и критической литературе, посвященной А. Н. Афанасьеву, имя Солдатенкова редко встречается, а между тем его роль в судьбе Афанасьева значительна, особенно в последние 8—9 лет жизни собирателя сказок.

Издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, служивший вместе с Афанасьевым в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, писал: «В 1861 году Афанасьев позволил политическому преступнику Кельсиеву переночевать у него на казенной его квартире и за это был немедленно уволен от службы. К. Т. Солдатенков благодетельно поддержал Афанасьева, которому иначе жить было нечем» [233].

Первое издание четырех выпусков «Народных русских сказок» было выпущено самим Афанасьевым в 1855—1858 гг. Сказки Афанасьева вызвали дружеское одобрение у ученых не только России, но и Западной Европы. Они стали любимым чтением русских детей. Так, фольклорист Н. Елагин сообщал в 1856—1857 гг. Афанасьеву: «Книжки ваши надобно прятать, чтобы их не затаскивали в избы, а дети слушают их охотнее всех нравственных рассказов и повестей» [234]. Сказки быстро расходились. Афанасьеву с разных сторон советовали немедленно приняться за новое издание избранных сказок для детей и дешевое издание для народа.

В 1858 г. вышел первый выпуск второго издания «Народных русских сказок», изданный Солдатенковым, с которым Афанасьева, вероятно, познакомил Н. М. Щепкин не позднее начала 50-х гг. Неизвестно, почему Афанасьев не на свои средства предпринял новое издание сказок, а воспользовался помощью Солдатенкова. Именно в это время Афанасьев стал издавать журнал «Библиографические записки». Издателем журнала формально числился Н. М. Щепкин, а Афанасьев был назван только редактором. Однако журнал выпускался в 1858—1859 гг. на средства Афанасьева [235], который, следова-

тельно, был не только редактором, но и фактическим издателем «Библиографических записок». Возможно, именно издание журнала, требовавшее больших затрат, и побудило Афанасьева искать у Солдатенкова материальной поддержки для нового издания сказок. В 1858—1860 гг. Солдатенков переиздал первые четыре выпуска сказок, которые стоили в общей сложности 2 руб. 40 коп. в то время, как цена четырех выпусков первого издания, выпущенных самим Афанасьевым, составляла 4 руб.

Для издательства Солдатенкова и Щепкина Афанасьев подготовил сборник «Народные русские легенды», в основу которого легли материалы, собранные В. И. Далем. Цензурное разрешение на выпуск книги было получено 4 декабря 1859 г. Этот год указан и как год издания книги на ее титульном листе и обложке, однако фактически книга вышла в свет в начале 1860 г.

Казалось бы, книга предназначалась в основном для ученых, но 1200 экз. ее были раскуплены в три недели. За книгу платили втрое, впятеро дороже. Книга возбудила много толков. С озлоблением отзывалось о ней духовенство. По этому поводу Афанасьев замечал: «Никак не могут понять, что в этих народных рассказах в миллион раз больше нравственности, чем в проповедях, преисполненных школьной риторики» [236].

Второе издание книги было запрещено цензурой.

В 1861—1862 гг. вышли еще пятый и шестой выпуски первого издания «Народных русских сказок». Ни на титульном листе, ни на обложке издатель не был обозначен, однако на последней обложке и того и другого выпуска были объявлены только издания, подготовленные самим Афанасьевым и продающиеся в книжном магазине Н. М. Щепкина и К°. На обложках же изданий Солдатенкова и Н. Щепкина обычно указывались все их нераспроданные издания. Это дает основание считать, что пятый и шестой выпуски «Сказок» были изданы на средства Афанасьева.

Лишившись осенью 1862 г. службы, Афанасьев стал испытывать острые материальные затруднения. В это тяжелое для Афанасьева время к нему на помощь вновь пришел Солдатенков. В 1863 г. он издает седьмой и восьмой выпуски «Народных русских сказок» [237] и, очевидно, покупает у Афанасьева все нераспроданные экземпляры пятого и шестого выпусков [238].

В этом же году Солдатенков выпускает третье, дополненное издание первых двух выпусков «Народных русских сказок». Цена на эту книгу была назначена не-

большая — 1 руб. за оба выпуска (первые два выпуска первого издания стоили 2 руб., второго — 1 руб. 20 коп.).

В 1865—1869 гг. Солдатенков издает крупнейший труд Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» (три тома, всего около 150 печ. л.). Здесь Афанасьев объединил и привел в систему все, сказанное им в прежних «мифологических» работах, обобщил наиболее важные факты и привел концепции западноевропейских ученых — Я. Гримма, А. Куна, М. Мюллера и др. Этот огромный свод широко сопоставленных фактических данных сохраняет свое значение и в настоящее время. Недаром А. М. Горький советовал одному из начинающих писателей в 1911 г.: «Если попадется вам в руки книга Афанасьева „Поэтические воззрения славян на природу" — хватайте и читайте внимательно» [239].

Незадолго до кончины Афанасьев успевает подготовить новое, переработанное издание «Народных русских сказок». Это полное, ставшее основным, издание было выпущено в четырех выпусках Солдатенковым в 1873 г. [240] Наблюдал за его печатанием родственник и душеприказчик Афанасьева И. Ф. Аммон.

Как мы видим, материальная поддержка Солдатенкова дала возможность Афанасьеву не только безбедно прожить последние годы жизни [241], но и завершить и выпустить главные труды.

Кроме капитальных трудов Афанасьева, Солдатенков и Щепкин издали работу еще одного русского фольклориста. Это был первый выпуск «Великорусских сказок» И. А. Худякова. 19-летнему студенту Московского университета вряд ли кто-нибудь тогда мог бы предсказать, что в недалеком будущем его имя станет известно всей России как имя революционера, руководителя петербургского отделения тайного общества «ишутинцев», в котором состоял стрелявший в царя Каракозов. Однако Худяков уже проявил себя как незаурядный человек, и академик И. И. Срезневский пророчил ему блестящее будущее в русской фольклористике. Составив томик сказок, Худяков предложил его выпустить издательству Солдатенкова и Щепкина. В конце октября 1860 г. книжка вышла в свет. От издателей Худяков получил 150 руб., как он сам писал, «деньги очень большие для такого умеренного человека, каким я был в то время» [242].

Почти все основные периодические издания откликну-

лись на издание труда молодого фольклориста сразу после выхода в свет. В одном только 1861 г. появилось не менее семи рецензий на первые два выпуска [243].

«Великорусские сказки» Худякова имели самостоятельную ценность даже в сравнении с выходившими в это же время «Народными русскими сказками» Афанасьева. Во всех трех выпусках было 122 текста сказок, не вошедших в афанасьевские издания.

Заслугой Худякова как фольклориста было чрезвычайно бережное отношение к собранным им материалам: он не подвергал свои записи редакционной обработке, не вносил в них собственных изменений, не объединял варианты в сводный текст. Он строго придерживался географической паспортизации сказок, указывал место их записи, а в отдельных случаях и имена самих рассказчиков. В свои выпуски Худяков включил и сказки книжного, литературного происхождения, однако переработанные по-своему народом,— сказки о Бове-королевиче, царе Соломоне, Золушке и др. [244].

Переводная литература

Русская культура обязана Солдатенкову изданием переводов многих фундаментальных классических трудов прежде всего в области гуманитарных наук: истории, политической экономии и социологии, истории литературы, истории искусства.

Среди книг, выпущенных Солдатенковым, переводная литература составляет более 60% названий. На ее долю приходится и значительная часть общего объема в печатных листах. Примерно четвертую часть всех переводных изданий Солдатенкова занимают труды по истории стран, государств, народов. Этот раздел увенчивается капитальными «всеобщими историями» — 15-томным трудом немецкого ученого Георга Вебера и 8-томным сводом, написанным 70 французскими историками (под редакцией Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо).

Первое солдатенковское издание «Всеобщей истории» Вебера (в 15-ти томах) вышло в 1885—1893 гг.

Еще не было завершено первое издание «Всеобщей истории» Вебера, а Солдатенков с 1890 г. начал выпускать ее второе издание. Подготовить его издатель поручил В. Н. Неведомскому, который решил дать полный перевод труда Вебера. Он не только восстановил все купюры, сделанные Чернышевским в тексте, но и снял его

дополнения (статьи и предисловия), за исключением предисловия и введения в первом томе («Очерк научных понятий о возникновении человеческой жизни и о ходе развития человечества в доисторические времена»).

Оба издания «Всеобщей истории» Вебера пользовались большим успехом у читателей. Достаточно сказать, что их тираж был полностью распродан к январю 1901 г.[245]

«Всеобщую историю с IV столетия до нашего времени» (под ред. Э. Лависса и А. Рамбо) Солдатенков начал выпускать с 1896 г. Это — выдающееся произведение французской историографии, получившее широкую известность не только во Франции, но и за ее пределами. Для издательства Солдатенкова «Всеобщую историю» Лависса и Рамбо переводили В. Н. Неведомский (т. 1, 3—6) и М. О. Гершензон (т. 2, 7 и 8). Восьмой том, посвященный французской революции 1789 г., вышел в 1903 г., уже после смерти издателя.

Труд французских ученых получил высокую оценку и у советских историков: в 1938—1939 гг. Соцэкгиз выпустил под редакцией Е. В. Тарле 8-томную «Историю XIX века» Лависса и Рамбо, непосредственно продолжавшую солдатенковское издание.

От Тацита до Моммзена

Солидное место среди изданий Солдатенкова занимают труды по истории Древней Греции, Древнего Рима, Византии, в чем, несомненно, проявился большой интерес самого издателя к истории античного мира и раннего христианства.

Одним из самых первых переводных изданий Солдатенкова и Щепкина (1858) была «Летопись» крупнейшего древнеримского историка Тацита, охватывающая историю Римской империи от смерти Августа до последнего года царствования Нерона (14—68 гг. н. э.). До этого времени «Летопись» дважды издавалась на русском языке — в 1805—1807 и 1806—1809 гг. Однако эти издания к середине 50-х гг. стали библиографической редкостью, да и язык их переводов успел значительно устареть. За перевод «Летописи» взялся деятельный сотрудник некрасовского «Современника», близкий знакомый Белинского и Герцена Андрей Иванович Кронеберг. Он перевел только ее начало — первую книгу и несколько глав второй. После его смерти (1855) перевод «Летописи» был

завершен младшим братом Андрея Кронеберга — Алексеем.

В переводе профессора Киевского университета Ф. Г. Мищенко вышла «География» крупнейшего древнегреческого географа и историка Страбона (1879), содержащая много ценных сведений из древней истории и исторической географии. Особое значение труд Страбона имеет для изучения истории нашей страны. Автор послесловия к советскому изданию книги пишет: «Для нас, граждан Советского Союза, Страбон, наряду с Геродотом, оставил древнейшие сведения о юге нашей Родины, без которых работы историков и археологов были бы почти невозможны»[246].

Событием стал выпуск в 1883—1886 гг. 7-томного труда крупнейшего английского историка XVIII в. Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». Огромный успех этого произведения у современников закрепил за автором славу «величайшего из когда-либо существовавших историков». Хотя Гиббон «в сущности не выдвинул ни одной крупной идеи, которая являлась бы его оригинальным вкладом в развитие исторической науки»[247], однако обширность познаний, глубина мысли и блеск изложения, присущие его «Истории», способствовали тому, что она прочно вошла в классику исторической науки.

Солдатенковское издание «Истории» Гиббона имело большой успех у русских читателей. Например, в личной библиотеке А. М. Горького было целых три (!) экземпляра этого солдатенковского издания, в архиве писателя сохранилось изложение XXI главы второго тома «Истории»[248]. По свидетельству биографов писателя, он внимательно читал и неоднократно перечитывал «Историю» Гиббона (в 1898, 1901 и 1908—1910 гг.). Свой интерес к Гиббону Горький так объяснял в предисловии к книге А. К. Виноградова «Три цвета времени»: «Гиббон смотрел на „историю упадка и разрушения Римской империи“ сквозь туман пятнадцати веков глазами человека XVIII столетия, но он изобразил рост христианства, его разрушительную работу и политическую победу так ярко, как будто он сам лично был свидетелем процесса, который утвердил физическое рабство рабством духовным, заменив языческую свободу критикующей мысли бешеным фанатизмом церковников и монахов. Но Гиббон был чудовищно талантлив и обладал качеством художника, редкой способностью оживлять прошлое, воскрешать мертвых»[249].

Впервые на русском языке вышла в издании Солдатенкова «Римская история» выдающегося немецкого историка Теодора Моммзена (1—3, 5. 1877—1885; 4-го тома не было и в немецком оригинале). Исследования Моммзена оказали большое влияние на изучение истории античного мира, в известной степени даже переместив центр научных интересов западных историков античности с Древней Греции на Рим. Богатейший исторический материал классического труда Моммзена сохранил свое значение и поныне. В 1936—1948 гг. он был переиздан Соцэкгизом под названием «История Рима».

В 1890—1893 гг. Солдатенков издал 3-томную «Историю эллинизма» немецкого ученого Иоганна Густава Дройзена, впервые в науке осветившего историю эллинистического периода (кстати, Дройзену принадлежит и сам термин «эллинизм»). Почти треть всего труда занята обширными примечаниями и приложениями: документами, хронологическими таблицами и др. Труд Дройзена, посвященный военной и политической истории эллинизма и построенный на глубоком изучении множества источников,— одно из самых капитальных сочинений на данную тему.

К данному тематическому разделу примыкает еще несколько изданий Солдатенкова. Здесь «История Греции» Карла Юлиуса Белоха (два тома, 1897—1899), две книги французского историка Гастона Буасье — «Цицерон и его друзья. Очерк римского общества во времена Цезаря» (1880) и «Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV веке» (1892), «История Византии» немецкого историка Густава Фридриха Герцберга (1896), монография известного французского историка, искусствоведа и литературоведа Ипполита Тэна «Тит Ливий» (1885; 2-е изд.— 1900).

Немало превосходных изданий было выпущено Солдатенковым и по истории других народов и государств. Среди них — труд видного французского египтолога Гастона Масперо «Древняя история народов Востока» (1895). «Книга Масперо,— писал рецензент „Исторического вестника“,— имеет особые права на внимание читающей публики: автор ее является в настоящее время одним из первых знатоков предмета и счастливым образом умеет соединять научную солидность с краткостью, точностью и занимательностью изложения»[250].

Значительным изданием был перевод 4-томного труда английского историка Джона Ричарда Грина «История английского народа» (1891—1892). В предисловии к по-

пулярному варианту этого произведения — «Краткой истории английского народа» — автор подчеркивал, что его книга — не история английских королей или английских завоеваний, а именно история народа. Это в равной степени относилось и к капитальному труду Грина, в котором ярко проявились демократические воззрения автора. Так, освещая события крестьянской войны XIV в., Грин не скрывает своих симпатий к восставшим и обличает пороки власть имущих. Богатейший фактический материал, прогрессивность мировоззрения автора, понимание им решающей роли народных масс, стремление поставить их в центре событий, наконец, великолепное изложение — все это делает и сейчас работу Грина ценным пособием при изучении истории Англии.

„Библиотека экономистов"

«Библиотека экономистов» — единственная серия среди изданий Солдатенкова. Инициатором выпуска этой серии был друг и сотрудник издателя Митрофан Павлович Щепкин (1832—1908). Родственник Н. М. Щепкина, ученик Грановского, он познакомился с Солдатенковым не позднее 50-х гг. Долгое время М. П. Щепкин служил в московской городской думе (гласным которой в 60-е гг. был и Солдатенков) и земских учреждениях. С 1866 по 1870 г. Щепкин был профессором политической экономии в Петровской земледельческой академии (ныне — Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева), откуда его уволили за сочувственную заметку, посвященную памяти А. И. Герцена, в издаваемой и редактируемой им газете «Русская летопись» (1870, № 3). К этому же времени относится и выпуск Солдатенковым книги известного немецкого экономиста В. Рошера «Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности. Руководство и книга для чтения государственным сельским хозяевам» (М., 1870), в переводе М. П. Щепкина и Э. Р. Циммермана. Переводя эту книгу, Щепкин хотел, чтобы у слушателей Петровской академии было надежное руководство по своему главному предмету.

Под редакцией М. П. Щепкина[251] в издании Солдатенкова с 1895 по 1902 г. вышло 11 выпусков «Библиотеки экономистов», к участию в которой Щепкин привлек видных ученых-переводчиков: М. И. Туган-Барановского,

Б. О. Эфруси, А. А. Козлова, М. О. Гершензона и др. Самому Щепкину принадлежал перевод материалов для выпусков, посвященных Адаму Смиту и Сисмонди.

Идея «Библиотеки экономистов» была подсказана выпускаемой в те годы в Париже издательской фирмой Гильомена «Библиотечкой французских и зарубежных экономистов» («Petite bibliothèque économique français et étrangère») под общей редакцией Ж. Шайлея. Задача этого издания состояла в том, чтобы познакомить французского читателя с выдающимися представителями политической экономии в кратких извлечениях из наиболее ценных их сочинений. При этом извлечения приводились только в дословных выписках, целыми главами, отделами, параграфами. Каждый выпуск (объемом до 20 печ. л.) посвящался отдельному ученому. Редактировали эти издания ученые-экономисты. Выпуск открывался принадлежавшим перу редактора очерком, состоящим из биографии писателя-экономиста и характеристики его сочинений и места их в истории науки. К началу издания Солдатенковым «Библиотеки экономистов» парижская серия насчитывала уже 16 выпусков, посвященных (по порядку издания) С. Вобану, И. Бентаму, Д. Юму, Ж.-Б. Сэ, А. Смиту, М. Сюлли, Д. Рикардо, А. Р. Ж. Тюрго, Д. С. Миллю, Ф. Бастиа, Т. Р. Мальтусу, Ш. Фурье, Ле-Плэ, Р. Кобдену, К. Марксу, А.-Л. Лавуазье. Переводы отдельных выпусков этой серии и должны были составить основу «Библиотеки экономистов» в издании Солдатенкова.

Однако русская редакция внесла существенные изменения в последовательность и принципы издания. Исходя из того, что Смит и Рикардо — родоначальники политической экономии, М. П. Щепкин и И. А. Вернер решили открыть серию их сочинениями, а затем издать труды и других английских экономистов: Мальтуса, Милля, Юма и Бентама. За ними должны были переводиться французские экономисты: Кенэ, Тюрго, Ж.-Б. Сэ, Бастиа. Третий по порядку цикл серии должен был бы состоять из сочинений немецких экономистов, но редакция отказалась анонсировать этот раздел, закончив разговор о плане издания красноречивой фразой: «Дальнейший выход наших выпусков будет зависеть от успехов французского издания» [252].

Русская редакция вовсе не считала себя обязанной не отступать от текста французского издания. Она предполагала в тех случаях, когда потребуется, дать более цельное представление о каком-нибудь экономисте, допол-

нять французское издание отдельными главами и параграфами.

Так, подготавливая «Исследование о богатстве народов» Адама Смита, редакторы русской серии дали текст его сочинения без изменений. Однако аппарат русского издания почти совсем другой.

У Смита нет строгой последовательности в изложении его учения, оно часто прерывается большими отступлениями, которые ценны сами по себе, но тесной связи с его общим текстом не имеют и отвлекают внимание читателей. Чтобы устранить это, редакторы, пользуясь предисловием Жермена Гарнье к полному изданию Смита, осуществленному также Гильоменом, составили и приложили к русскому изданию «Систематическое изложение учения Адама Смита».

Поскольку в русское издание вошли только важнейшие положения основателя системы политической экономии, взятые из первых двух книг «Исследований о богатстве народов», и за его пределами осталось содержание остальных трех книг, многие статьи которых имеют выдающееся значение; редакторы дополнили выпуск подробным конспектом «Исследований» Смита. Это дало читателю цельное понятие о знаменитом сочинении. В выпуске были разъяснены некоторые мнения и наиболее важные положения, помещены подстрочные примечания известных экономистов, заимствованные из полного издания Гильомена.

Наконец, редакторы солдатенковской серии не стали перепечатывать из французской «Библиотеки» очерк французского экономиста А. Курсель-Сенеля о Смите. Они заимствовали из него только ту часть, где говорится об отношении Смита к физиократам. В качестве же предисловия была напечатана статья об Адаме Смите А. Бланки, известного автора «Истории политической экономии». Написана она была еще в 1842 г., но русская редакция предпочла ее, так как она отличалась «большою искренностью и неподдельным жаром при оценке великого значения Смита»[253].

В предисловии к книге Смита, ставшей первым выпуском серии (подписано 3 марта 1895 г.), редакторы обещали чрезвычайно быстрый выход книжек «Библиотеки экономистов»: «Издавая теперь Смита, мы спешим предупредить читателей, что Мальтус почти отпечатан и должен выйти в самом непродолжительном времени; Рикардо также печатается; за ним безостановочно последует и Милль. Что касается до Юма и Бентама, то мы на-

деемся издать их также в течение наступающей весны. К будущей осени будет приготовлена вторая серия — французских экономистов, открывающаяся представителями физиократии, Кенэ и Тюрго, за которыми последует Жан Батист Сэ, старейший из французских экономистов-учителей, и Бастиа»[254].

Русская редакция самостоятельно подбирала сочинения тех экономистов, чьи труды еще не вышли в парижской серии. Так, в первых шестнадцати выпусках «Библиотеки» Гильомена не было сочинений Кенэ, одного из основателей физиократии, и чтобы не задерживать издания трудов писателей одного направления, Щепкин и Вернер решили приступить к изданию сочинений Кенэ и других физиократов, не дожидаясь появления их во французской серии.

Редакция и издатель почти полностью выполнили свои обещания: в 1895—1896 гг. вышло семь выпусков. По неизвестным причинам остались не изданными только сочинения Тюрго.

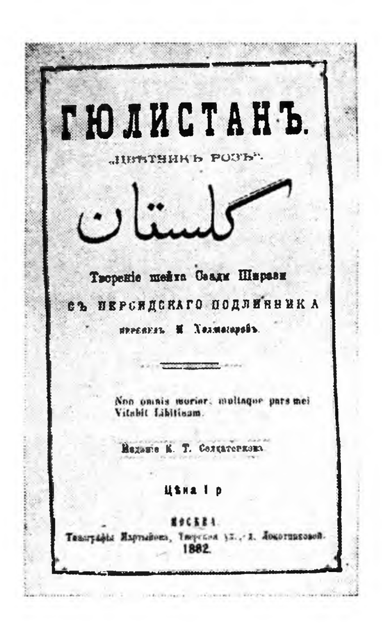
В 1897 г. вышли выпуски с произведениями Ж. Симонда де-Сисмонди и Д. Э. Кэрнса. Однако в этом году серия подверглась цензурным преследованиям. Ее 10-й выпуск — «Выбранные места» немецкого экономиста Карла Родбертуса — был запрещен.

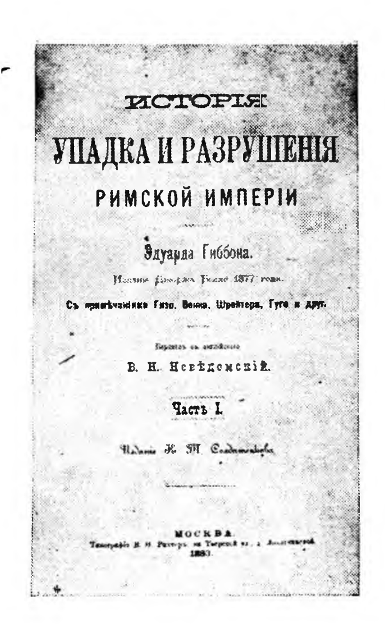
Только спустя два года после этого была выпущена очередная книга серии — «Лига и борьба против хлебных законов» Ричарда Кобдена (М., 1899), которой был отдан номер уничтоженного цензурой книги Родбертуса.

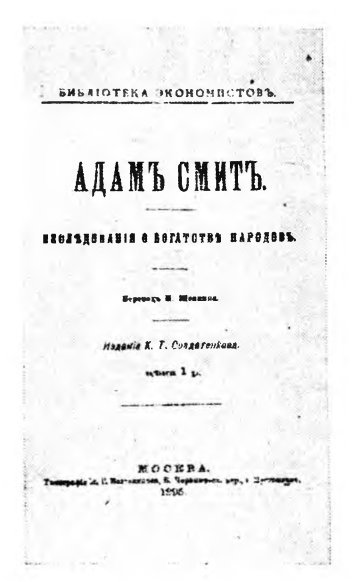
Последний, 11-й, выпуск серии с сочинениями Густава Шмоллера вышел в 1902 г., уже после кончины издателя.

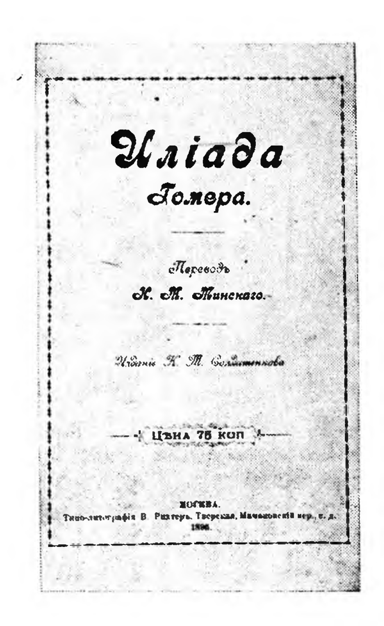
Среди изданий Солдатенкова было немало таких, которые высоко оценивались основоположниками марксизма. Следует указать, например, на труды Адама Смита и Давида Рикардо, составившие первые два выпуска «Библиотеки экономистов». Английская политическая экономия, созданная главным образом работами этих ученых, стала одним из источников марксизма. На базе трудовой теории стоимости Смита — Рикардо Карл Маркс построил все здание принципиально новой политической экономии.

Большую пользу марксистской науке принес и труд немецкого государственного деятеля и ученого Георга Людвига Маурера «Введение в историю общинного, подворного сельского и городского устройства и общественной власти», перевод которого был издан Солдатенковым в 1880 г. В нем доказывалось существование в первобыт-

Издания К. Т. Солдатенкова

ном германском обществе аграрных коммунистических отношений. В письме к Энгельсу Маркс писал о Маурере: «Его книги имеют огромное значение. Не только первобытная эпоха, но и все дальнейшее развитие — вольные имперские города, пользующиеся иммунитетом помещики, государственная власть, борьба между свободным крестьянством и крепостничеством — все это получает совершенно новое освещение»[255].

Следует отметить, что одним из читателей солдатенковских изданий по политической экономии и социологии был В. И. Ленин. Так, 16 января 1896 г. он писал своей старшей сестре А. И. Ульяновой-Елизаровой из Петербургского дома предварительного заключения: «Сейчас просил бы доставить из книг только *Рикардо, Бельтова, Н.— она, Ингрэма, Foville'я*»[256]. Ленин называет здесь два издания Солдатенкова, которые имелись в его личной библиотеке: «Историю политической экономии» английского экономиста Д. Ингрэма (М., 1891) и «Начала политической экономии» Д. Рикардо (М., 1895).

Труды по истории зарубежной литературы

Хронологически эту группу открывает третий том «Истории всеобщей литературы XVIII века» немецкого литературоведа Германа Теодора Геттнера, изданный Солдатенковым в трех книгах в 1872—1875 гг. Весь том посвящен немецкой литературе.

Были выпущены Солдатенковым и другие труды по истории литературы отдельных стран: «Литературное движение в XIX столетии (во Франции)» Жоржа Пелисье (1895), трехтомная «История испанской литературы (до XIX века)» Тикнора (1883—1891), «История современной литературы в Испании» Гюстава Гюббара (1892), двухтомная «История классического периода греческой литературы» Джона Магаффи (1882—1883), «Романтическая школа в Германии» Р. Гайма (1891), «История скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней» Фридриха Горна (1894), двухтомная «История итальянской литературы» Адольфа Гаспари (1895—1897), двухтомная «История французской литературы» Гюстава Лансона (1898).

Существенно дополняли эту группу монографии об отдельных писателях. Так, в 1881 г. Солдатенков выпустил сразу две книги о Данте — «Данте Алигьери, его

жизнь и сочинения» Ф. Вегеле и «Данте. Его время, его произведения, его гений» Д. А. Саймондса. Двухтомный труд Георга Брандеса, вышедший в 1899—1901 гг., был посвящен Шекспиру. Были изданы монографии: «Г. Э. Лессинг как преобразователь немецкой литературы» Куно Фишера (1882), «Дидро и энциклопедисты» Д. Морлея, «Гердер, его жизнь и сочинения» Р. Гайма (два издания — 1888 и 1899 гг.).

Был издан замечательный памятник эстетики Просвещения — «Гамбургская драматургия» Лессинга (1883), которая неоднократно переиздавалась и в советское время.

Труды по истории искусства

Всего несколько трудов по истории искусства выпустил Солдатенков, но их достоинство состоит в том, что это были, во-первых, самые капитальные труды в этой области, и, во-вторых, в России прежде не издавались подобные сочинения, и их выпуск помог ознакомить русских художников и искусствоведов с историей мирового искусства.

В 1869—1870 гг. Солдатенков издал «Руководство к истории искусства» выдающегося немецкого искусствоведа Франца Теодора Куглера, которое явилось первой попыткой дать полную картину истории искусств всех времен и народов. В 1872 г. была выпущена и другая книга Куглера — «Руководство к истории живописи со времен Константина Великого».

Большую ценность представляла «История пластики с древнейших времен до нашего времени» видного немецкого искусствоведа Вильгельма Любке (1870). В этом труде — четыре книги: «Восточная пластика», «Классическое ваяние», «Ваяние в средние века» и «Ваяние нового времени». Сочинение Любке также явилось первой попыткой написать общую теорию пластики.

Солидным вкладом в науку стал капитальный труд немецкого эстетика Морица Каррьера «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества» (1870—1875). Он состоит из пяти томов: «Зачатки культуры и восточная древность», «Эллада и Рим», «Средние века», «Возрождение и реформация в образовании, искусстве и литературе» и «Пора духовного рассвета».

К этой группе изданий примыкает этнографический труд профессора Берлинской академии художеств Гер-

мана Вейса «Внешний быт народов с древнейших до наших времен» (1873—1879). Цель этой работы — дать наглядное пособие художникам, ознакомив их с этнографическими особенностями быта всех времен и народов. Книга состоит из трех томов (шести полутомов), из которых первый посвящен древнему миру, второй — средним векам (до XIV в.), третий рассматривает период — до середины XIX в. Весь материал располагается в четырех разделах: одежда, вооружение, постройки и утварь. Неполными были сведения, относящиеся к славянским народам, так как Вейс не располагал новейшими исследованиями русских этнографов, освещающими многие спорные проблемы, им трактуемые. Конечно, это никак не умаляло значение книги Вейса, особенно в России, где еще не было подобных трудов.

Критика отмечала уникальный характер этого пособия, предназначенного прежде всего для художников, специализирующихся в жанре исторической живописи: «В виду превосходного труда Германа Вейса,— замечала „Русская старина“,— нельзя не пожелать искренно, чтобы наша Академия художеств поработала бы над составлением „Российского внешнего быта“, благо что и образец есть»[257]. Однако это пожелание осталось нереализованным.

37 драм Шекспира

Из произведений зарубежной классической литературы в изданиях Солдатенкова первое место, несомненно, следует отвести 9-томному изданию «Драматических сочинений» Шекспира в переводе Кетчера.

Перевод всех 37 драм великого английского писателя Кетчер считал главным делом своей жизни и посвятил ему почти 40 лет, с благоговением относясь к произведениям своего кумира. «Он дорожил каждою строчкою великого писателя,— отмечается в биографической справке о Кетчере,— боялся опустить хотя бы одно слово; благодаря этому он сохранял почти неимоверную близость к подлиннику...»[258]

Кетчеровские переводы драм Шекспира начали выходить с 1841 г. Ознакомившись с отдельными переводами своего друга еще в рукописи, Белинский писал В. П. Боткину: «Спасибо Кетчерушке — умник, погладь его по головке. Если б в России можно было делать что-нибудь

умное и благородное, Кетчер много бы поделал — это человек»[259].

Выпуски шекспировских произведений (четыре части) в переводе Кетчера выходили до 1850 г. Затем переводчик вынужден был отказаться от продолжения издания, вероятнее всего, из-за недостатка средств. И только успешная деятельность издательства Солдатенкова и Щепкина побудила Кетчера вновь приняться за переводы Шекспира. В 1858 г. выходит пятая часть «Драматических сочинений» Шекспира с кетчеровскими переводами «Тимона Афинского», «Двух веронцев», «Юлия Цезаря» и «Антония и Клеопатры».

С 1862 г. Солдатенков и Кетчер предпринимают новое издание всех драм Шекспира в переводе Кетчера, «выправленном и пополненном по найденному Пэн Колльером старому экземпляру 1632 года». Это издание состояло из девяти частей и было завершено в 1879 г.

Несмотря на буквальную близость к подлиннику, несколько вредившую поэтичности перевода, кетчеровский Шекспир — несомненная заслуга переводчика и издателя перед историей нашей культуры.

„Творения Платона“

Издание «Творений Платона» навсегда связало имена Солдатенкова и Владимира Соловьева. Сын знаменитого историка, близкого знакомого Солдатенкова, В. С. Соловьев не мог не знать издателя с раннего возраста. Под редакцией В. С. Соловьева Солдатенков выпустил перевод труда профессора философии Пражского университета Фридриха Иодля «История этики в новой философии» (т. 1—2. М., 1896—1898). Увлекшись идеей перевести диалоги Платона, своего любимого философа, Соловьев поделился ею с издателем и нашел у него поддержку. «Между тем, как я был занят подготовительною работой и готовился приступить к переводу,— вспоминал Владимир Соловьев,— почтенный К. Т. Солдатенков вознамерился восполнить свою многолетнюю и заслуженную издательскую деятельность каким-нибудь обширным изданием из области классической. Когда я сказал ему о своем Платоне, он сразу за него ухватился, и дело было решено при первом же разговоре»[260].

К тому времени существовало несколько переводов диалогов Платона на русский язык — Карпова (в 6-ти томах. Спб., 1873—1879), Скворцова («Фехтет. Менон».

М., 1867), Малеванского («Тимей. Критий». Киев, 1883), но они содержали лишь часть сохранившихся диалогов величайшего греческого философа, к тому же были несовершенны и в литературном плане. Соловьев прекрасно сформулировал требования к переводу. «Переводчик,— писал он,— желающий верно *передать*, а не *предать* своего автора (особенно, когда дело идет об авторе классическом), должен одинаково остерегаться и Сциллы неуместного сочинительства, и Харибды мертвого буквализма. И то и другое одинаково несовместно с *верностью* перевода» [261]. Этому правилу он следовал и при передаче Платона.

За основу для перевода Соловьев принял издание Мартина Шанца, которое в то время было признано лучшим, но так как оно было не вполне окончено, то для некоторых диалогов пришлось воспользоваться прежними редакциями греческого текста — в известных изданиях Штальбаума и К. Ф. Германа. Предполагалось также, что при переводе «Софиста» и «Политика» текст будет корректироваться по изданию Кэмпбелла, а «Государства»— по изданию Джоветта.

В работе над переводом Платона Соловьеву помогали лучшие филологи-эллинисты того времени — Ф. Е. Корш и Э. Л. Радлов.

Первый том «Творений Платона», содержавший сократические диалоги, вышел в 1899 г. В основном перевод тома был выполнен Владимиром Соловьевым, а три диалога — его братом Михаилом.

В. Соловьевым была подготовлена и бо́льшая часть второго тома. Были напечатаны листы с «Протагором» и исследованием переводчика о происхождении этого диалога, «Иппием Большим» и «Иппием Меньшим» с рассуждениями к ним В. С. Соловьева, отдан в печать диалог «Евтидем». Преждевременная смерть Владимира Соловьева в июле 1900 г. прервала его работу. В память покойного Солдатенков просил М. С. Соловьева и С. Н. Трубецкого довести до конца начатое издание [262]. Второй том, законченный ими, был выпущен уже после смерти издателя в 1903 г.

«Имя Платона,— пишет профессор А. Ф. Лосев,— является не просто известным, значительным или великим. Тонкими и крепкими нитями философия Платона пронизывает не только мировую философию, но и мировую культуру» [263]. Некоторые переводы из издания Солдатенкова вошли и в новое советское издание сочинений величайшего древнегреческого философа [264].

К числу примечательных солдатенковских изданий, памятников мировой литературы относятся «Илиада» Гомера (М., 1896), переведенная Н. М. Минским,— это был второй полный перевод на русский язык гомеровской поэмы,— и «Гюлистан» Саади (М., 1882), переведенный И. Холмогоровым «с персидского подлинника».

Некоторые итоги

Современники очень высоко ценили деятельность Солдатенкова по изданию зарубежной литературы, прежде всего — научной, и видели в этом главную его заслугу перед русской культурой. Слова М. П. Щепкина о том, что в изданиях Солдатенкова предстал «целый пантеон знаменитых людей», непосредственно относятся и к переводной литературе, выпущенной им. Тем досаднее, что в немногочисленной, часто, увы, не опирающейся на хорошее знание материала, литературе о московском издателе встречаются и такие, например, утверждения: «Объемистые, написанные тяжелым языком, книги по истории и по искусствоведению, изданные без малейшей внимательности к их внешнему виду, порой весьма убого иллюстрированными клише, взятыми из зарубежных изданий,— эти книги, выпущенные К. Т. Солдатенковым, не имели своего читателя: специалист, бесспорно, мог познакомиться с трудами европейски знаменитых историков Моммзена, Гиббона, Дройзена в оригиналах» [265].

О неверности столь сурового мнения об оформлении солдатенковских книг еще будет сказано. Теперь же о главном: имели ли солдатенковские издания по истории и искусствоведению своего читателя? Да, имели! Их читателем была разночинная интеллигенция, и в первую очередь студенчество. Многие из этих книг довольно быстро разошлись, и Н. А. Рубакин в 1906 г. считал желательным переиздание целого ряда переводных книг, выпущенных Солдатенковым и не утерявших своего значения, как, например, сочинения Э. Гиббона, Г. Буасье, Э. фон-Гартмана, М. Каррьера [266].

Один из крупнейших издателей А. Ф. Маркс предложил московской городской думе уступить ему за крупную сумму право на издание *всех книг*, завещанных Солдатенковым [267]. Маркс вскоре скончался, и его инициатива не была воплощена в жизнь. Однако его предложение приобрести право на издание *практически не разошед-*

шихся при жизни Солдатенкова книг свидетельствовало о признании одним выдающимся издателем замечательных достоинств репертуара другого выдающегося издателя.

«Всемирной истории хорошей нет у нас,— писал А. М. Горький одному из начинающих авторов,— я бы рекомендовал Вам вот что: возьмите в библиотеке Вебера и читайте его том за томом, а вместе с ним — древних писателей — Геродота, Тацита, Фукидида и новых: Моммзена — „Историю Рима", Белоха — „Историю Греции", Ренана — „Историю израильского народа"»[268]. Большая часть рекомендуемых Горьким книг — солдатенковские издания. Нет никакого сомнения в том, что великий книгочей советовал читать те книги, которые в свое время проштудировал и оценил сам. Таким образом, «тяжелый язык» переводных солдатенковских изданий русских читателей не смущал, в том числе и таких требовательных, как Горький.

Солдатенков привлекал лучшие переводческие силы того времени, переводы выполнялись с завидной тщательностью и необыкновенной точностью, что делает честь научным переводным изданиям Солдатенкова.

Издательская деятельность Солдатенкова началась при жизни Александра Филипповича Смирдина (он умер в сентябре 1857 г.). Еще в 1855 г. выходили томики впервые в России осуществленной серии «Полного собрания сочинений русских авторов», исполняя, по словам Белинского, «решительно блистательнейшую мысль, какая только попадала в голову русского книгопродавца с тех пор, как существуют на Руси книгопродавцы»[269]. Однако это были последние усилия в борьбе за жизнь угасавшего книжного предприятия: вскоре Смирдин был объявлен банкротом. Это было вызвано не только тем, что его контрагенты не выплатили огромный долг более чем в 100 тыс. руб. Главная причина была в другом: книги Смирдина плохо продавались, потому что, как справедливо подмечает Н. П. Смирнов-Сокольский, «русское общество в те дни занимали вопросы, далекие от изучения прошлого русской литературы»[270]. Был и другой важный момент: рассчитанные на интеллигентного читателя, издания Смирдина уже не удовлетворяли этого читателя невысоким качеством эдиционной подготовки. Так, М. Н. Лонгинов, критикуя эту серию Смирдина, полагал, что ее нельзя «ставить в пример успехов нашего времени в издании книг». «При всем желании издателя сделать иногда свои собрания полнее прежних (на-

пример, Державина, Фон-Визина и пр.),— продолжал он,— истина заставляет сказать, что в них тексты наших писателей часто искажены и обезображены до чрезвычайности»[271]. Тут же в качестве образцовых изданий, удовлетворяющих потребности современного читателя, названы среди других и две солдатенковские книжки с стихотворениями Кольцова и Полежаева.

Выше уже говорилось о превосходном книжном репертуаре издательства Солдатенкова. Необходимо также сказать и о типе солдатенковского издания. Чаще всего оно было наиболее совершенное из тогда существовавших, наиболее полное, наиболее тщательно подготовленное, т. е. такой тип издания, который сейчас называется научным. Основательность, капитальность изданий Солдатенкова постоянно отмечалась в рецензиях на них, получала высокую оценку и специалистов, и читателей.

Например, 12-томное собрание сочинений Белинского, изданное Солдатенковым, оставалось лучшим до выхода венгеровского издания. Несмотря на то, что в 90-е гг. прошлого столетия появилось множество изданий сочинений Белинского, ни одно из них не шло в сравнение с подготовленным Кетчером. Да и сейчас, поскольку многие автографы Белинского, которыми располагал Кетчер, не дошли до нас, это издание остается первоисточником для научных переизданий.

Высокой эдиционной культуре солдатенковских книг в немалой степени способствовала замечательная эрудиция их редакторов: Н. Х. Кетчера, Е. Ф. Корша, М. П. Щепкина. Для подготовки некоторых изданий приглашались редакторы «со стороны». Так, по просьбе Солдатенкова двухтомник Ф. М. Решетникова отредактировал и написал критико-биографический очерк об авторе Гл. Успенский. Сочинения Г. З. Елисеева подготовил к печати друг и соратник известного публициста-демократа Н. К. Михайловский.

Стремление издательства Солдатенкова к совершенству выпускаемых им книг нагляднее всего демонстрирует работа над переводами зарубежной литературы. Обычно перевод делался по самому лучшему изданию на языке оригинала. Если была потребность в новом издании, то перевод выполнялся вновь с последнего из вышедших за это время изданий. Так, когда разошлись переведенные Н. Д. Ахшарумовым с 6-го немецкого издания первые два тома «Истории Рима» Т. Моммзена, Солдатенков поручил В. Н. Неведомскому сделать их новый перевод уже с 7-го немецкого издания (вышли в 1887 г.).

Тогда же был издан и третий том, текст которого был доработан его переводчиком А. Н. Веселовским по 7-му изданию. «Тит Ливий» И. Тэна, выпущенный Солдатенковым в 1885 г. в переводе А. Иванова и Е. Щепкина, спустя 15 лет вышел вторым изданием, но уже в новом, лучшем переводе Е. И. Герье, под редакцией профессора В. И. Герье, снабженный очерком научной деятельности Тэна и примечаниями редактора перевода.

Солдатенковские издания переводной литературы оснащались хорошим научно-справочным аппаратом. Например, 7-томная «История упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона, переведенная с последнего и наиболее авторитетного в то время издания Джорджа Белля 1877 г., была снабжена примечаниями Гизо, Венка, Штрейтера, Гуго и др., предисловием английского издателя, предисловием Гизо к переводу труда Гиббона в издании 1828 г., письмом Сюара к Гизо по поводу этого издания, биографическим очерком Гиббона, написанным Гизо, предисловиями самого Гиббона к различным изданиям его «Истории» и, наконец, обстоятельным указателем имен и событий.

В свое время неверно утверждалось, что Солдатенков не дал указатель к русскому переводу «Всеобщей истории» Вебера (более того, приводилось при этом в качестве отрицательного примера имя Солдатенкова как издателя научной литературы, который игнорирует такую важную часть научного издания, как вспомогательные указатели[272]). Однако на самом деле все было иначе.

В 1888 г. Солдатенков выпустил отдельной книгой указатель к т. 1—4 «Всеобщей истории» Вебера, составленный И. Г. Короленко, братом писателя. Рукопись указателя к т. 5—8, составленного И. Г. Короленко и его сестрой М. Г. Лошкаревой, по неизвестным нам причинам (возможно, из-за смерти Чернышевского, который вел это издание) не была напечатана (ныне хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

Каждая третья книга из научных изданий Солдатенкова (оригинальных и переводных) имеет указатель. Два указателя — к «Истории России» С. М. Соловьева и к «Всеобщей истории» Г. Вебера — были изданы Солдатенковым отдельными книгами.

У Солдатенкова есть чему поучиться даже современным советским издателям научной литературы, прежде всего при подготовке справочного аппарата.

Были ли высокими цены на солдатенковские издания?

Его книги стоили от 20 коп. (сборник стихотворений Кольцова) до 10 руб. («География» Страбона). Каждый выпуск «Библиотеки экономистов», каждая часть «Сочинений» Белинского и «Драматических сочинений» Шекспира продавались по 1 руб. Средняя цена переводных научных изданий была 2—3 руб. И даже студенты считали цены на эти книги (объем которых был часто 400—600 с.) недорогими. Сам издатель, чтобы расчистить место на складе для новых изданий, уступал залежавшиеся книги букинистам по 2 руб. за пуд (на вес). Солдатенковские издания приобрели завидную славу: читатель был уверен, что книга, выпущенная этим издателем, не может быть плохой или бесполезной.

Спорные мнения высказывают крупные историки книги (некоторые из них выше приводились) об оформлении изданий Солдатенкова. При сравнении этих отзывов приходится совмещать несовместимое, оказывается, что один и тот же издатель то выпускает шедевры художественного оформления [273], то «пухлые тома убористой печати», выполненные без всякой заботы об этом самом оформлении [274].

В рецензиях на солдатенковские книги чаще встречаешься с хорошими отзывами и по поводу их оформления [275]. Известно, что сам издатель проявлял интерес и заботу о художественно-типографской внешности своих книг. Десять экземпляров почти каждого своего издания он просил печатать на плотной бумаге, обычно той, которая шла на обложки,— синей, розовой, серой и других цветов. Один из таких экземпляров Солдатенков оставлял в личной библиотеке, другие дарил друзьям. Некоторые из этих книг превосходны [276], другие кажутся достаточно безвкусными, но это было лишь данью старой русской книжной традиции — на цветной бумаге (оранжевой и розовой) печатались еще особые экземпляры журналов Н. И. Новикова [277].

Солдатенковские издания набирались лучшими шрифтами типографии Грачева, причем, очевидно, самому издателю нравился красивый шрифт — «ревильонский цицеро», изготовленный в знаменитой словолитне Ревильона. «Ревильонский цицеро, которым печатаются издания Солдатенкова,— сообщал В. Грачев историку И. Е. Забелину в сентябре 1870 г.,— почти весь занят: им набираются Сказки (Афанасьева.— *А. Т.*), соч<инения> Ешевского, История искусства (Куглера.— *А. Т.*), и еще будут набираться две книги от Солдатенкова. Чтобы дело шло как следует, необходимо твою книгу набирать

плотным цицеро Герлаха, т. е. тем, которым отпечатана книга Попова: Россия и Сербия. Шрифт хорош. Жду положительного ответа»[278].

Конечно, книги русских авторов в большинстве были оформлены лучше, это объясняется и непосредственным контролем того или иного писателя над изданием. Так, в условии Д. В. Григоровича с Солдатенковым был специально оговорен шрифт издания — такой же, каким был напечатан прозаический текст в издании «Стихотворений» Полежаева. И. З. Суриков в 1877 г. лично наблюдал за печатанием сборника своих стихотворений, издаваемого Солдатенковым. Интересен и факт вмешательства переводчика — Чернышевского — в оформление «Всеобщей истории» Вебера. Первое издание ее повторяло оформление оригинального немецкого издания, с которого был сделан перевод. Кроме основного шрифта, там употреблялось много вспомогательных: курсив и другие, для названия глав, разделов и прочих рубрик применялись также разные шрифты. Разнообразие шрифтов, употребляемых для разделения главной и второстепенных частей текста, в те времена было одной из особенностей печатания научных трудов.

При переводе труда Вебера Чернышевский убедился, что основной текст и дополнительный во многом повторяются, поэтому он стал устранять повторения, переводя в основной текст наиболее важный материал из дополнительного. Еще более существенную переработку веберовского текста Чернышевский предполагал совершить при подготовке второго издания. А при устранении разноплановости текстового материала, естественно, исчезала надобность и в разных шрифтах. Поэтому Чернышевский писал И. И. Барышеву 19 июня 1889 г.: «Переработка 1-го тома (второго издания перевода „Всеобщей истории“ Вебера.— *А. Т.*) имеет, как увидите, вовсе не такой пустой характер, как Вы воображали: я сильно переделываю текст. Буду прибавлять свои дополнения. Благодаря этому книга выиграет во внутреннем достоинстве. А благодаря установляемым мною правилам набора (одному сплошному шрифту текста, изгнанию дурацкого курсива, мелких заглавий и проч.) приобретает благопристойный вид, которого не имела в 1-м издании, не будет отталкивать читателя педантской формой, которую сохраняла в 1-м издании»[279].

Оформление переводной литературы, выпускаемой Солдатенковым, чаще всего повторяло оформление оригинальных изданий, с которых был сделан перевод.

Историки русской книги отмечают известный упадок книжного искусства во второй половине XIX в. Характерно, что резкое снижение качества оформления книги наблюдалось не только в России, но даже и в Германии,— бывшей в то время страной образцового книгопечатного дела. Только к концу XIX в. начинается новый подъем книжного искусства. Поэтому можно говорить о довольно невысоком уровне оформления русской книги этого времени вообще, но нет никаких оснований утверждать, что издания Солдатенкова оформлялись хуже, чем книги других издателей того времени.

* * *

До конца дней издатель не оставлял своего благородного поприща. Восьмидесятилетним, только что перенеся тяжелую болезнь, он говорил М. П. Щепкину: «Этой деятельности я не оставлю, пока я жив, и до последнего вздоха буду думать о напечатании намеченных книг. Этим исполню я дорогой завет, данный мне 50 лет тому назад славными представителями университета. После же смерти моей...» («Речь кончена не была»,— добавляет М. П. Щепкин) [280].

Издательская деятельность Солдатенкова действительно продолжалась до его «последнего вздоха». Еще незадолго до кончины он принял предложение Льва Толстого издавать под его редакцией общественно-литературный журнал.

19 мая (1 июня) 1901 г. Солдатенков умер в своем кунцевском имении.

Букинист А. А. Астапов писал в своих воспоминаниях: «Я узнал, что он хотел вложить стотысячный капитал, чтобы продолжались его издания, но какой-то „добрый" человек отговорил...» [281].

Однако издательство просуществовало еще два года. В хронике же «Книжного вестника» вскоре после смерти Солдатенкова сообщалось: «Ряд прекрасных изданий, осуществленных покойным К. Т. Солдатенковым, не прекратится, как это часто бывает, со смертью инициатора. Весь доход с существующих и еще не распроданных изданий завещан покойным на дело дальнейшего книгоиздательства в том же духе, как оно велось и при жизни его» [282]. Московская газета «Новости дня» также писала, что «К. Т. Солдатенков завещал продолжать его издательскую деятельность на доход от существующих его изданий и издания его жертвовать в разные учебные заведения» [283].

В 1902 г. вышли книги Г. Ностица «Рабочий класс Англии в девятнадцатом столетии» и Г. Шмоллера «Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы...» (11-й выпуск «Библиотеки экономистов»), в 1903 г.— второй том «Творений Платона», второе издание «Древней истории народов Востока» Г. Масперо, восьмой том «Всеобщей истории», составленной под руководством Э. Лависса и А. Рамбо. Солидные научные книги, составлявшие основу издательской продукции Солдатенкова в последние годы его жизни, расходились крайне медленно. А. П. Бахрушин записал еще в 1892 г.: «От людей, близких к нему (Солдатенкову.— *А. Т.*), я слышал, что в кладовой его лежат кипы изданных книг, на сотни тысяч. Эти книги до того серьезны и до того имеют скромный круг читателей, что продаются в год чуть не по 10 экземпляров; то же говорят и книгопродавцы»[284].

Доходов от распродажи прежних изданий было недостаточно для продолжения издательской деятельности, и она замерла.

Издательская деятельность Солдатенкова занимает большое место в истории русской демократической книги второй половины XIX в. К. Т. Солдатенков и его компаньоны Н. М. Щепкин и Н. Х. Кетчер явились пионерами идейного книжного дела 60-х гг.

Благодаря издательству Солдатенкова впервые вышли в свет многие замечательные произведения русской литературы. Он издал целую библиотеку (более 100 названий!) переводов зарубежной литературы, и в том равного ему не было ни среди его предшественников, ни среди его современников.

Книжный репертуар Солдатенкова был важной составной частью общего репертуара русских прогрессивных издателей того времени. Нетрудно заметить тематическую и идейную перекличку изданий Солдатенкова с изданиями Ф. Ф. Павленкова, Н. П. Полякова, Л. Ф. Пантелеева, О. Н. Поповой, М. В. и С. В. Сабашниковых. Все они начали свою деятельность позже Солдатенкова. Почти полвека выпуская книги, Солдатенков был не только предшественником, но и — главное — соратником идейных издателей этого времени.

Деятели
книги

Н. П. Поляков

Я приду къ Вамъ, Александръ Николаевичъ, сегодня вечеромъ. Мнѣ тоже нужно Васъ видѣть, во-первыхъ, чтобы передать деньги, которыя Вамъ, вѣроятно, давно нужны, — и потомъ, чтобы разсказать о моемъ горѣ: Вольтера въ цензуру задерживаютъ.

Вашъ Н. Поляковъ

Н. П. Поляков

В истории русской книги имя Николая Петровича Полякова (1843—1905) навсегда связано с первым в России изданием перевода «Капитала». Выпуск одной этой книги стал громадной заслугой издателя. Однако, кроме «Капитала», Поляков подготовил к изданию не менее 50 названий книг, многие из которых были лучшими в книжном репертуаре конца 60-х — начала 70-х гг. XIX столетия и сыграли немалую роль в русском общественном движении того времени. Все это позволяет считать Н. П. Полякова одним из самых замечательных русских издателей.

В биографии Полякова, как и в истории его книжной деятельности, неизвестно значительно больше, чем известно. Буквально по крупицам, из различных литературных и архивных источников, пришлось собирать факты для воссоздания сколько-нибудь цельной картины его жизни и деятельности.

Корни рода

Будущий издатель родился 12 (24) января 1843 г. в селе Верхняя Добринка Камышинского уезда Саратовской губернии (ныне Жирновский район Волгоградской области).

В «Деле о дворянстве рода Поляковых» [1] сохранились сведения о его отце Петре Федоровиче. В 1820 г. ему, кузнецкому уездному землемеру, титулярному советнику, был пожалован орден св. Анны 3-й степени «в воздаяние ревностной службы» и «особенных трудов». Получение этого ордена дало Полякову-старшему право на потомственное дворянство. Так что будущий издатель, подписывавшийся в официальных бумагах «дворянин Николай Поляков», был дворянином лишь во втором поколении.

В 1820 г. Петр Поляков в анкете послужного списка сообщал, что он холост, дворовых людей и крепостных крестьян не имеет, добавляя: «Имения за мною никако-

го». Жил он в это время в Саратове. Женился Петр Федорович поздно, когда ему было уже за пятьдесят, на Елизавете Ивановне Дубенской [2]. Тогда же было приобретено имение — село Верхняя Добринка (по названию речки Добринки) [3]. Здесь у Поляковых родились трое детей: Николай, Павел (р. в 1844 г.) и Елизавета (р. в 1845 г.). Дети были еще совсем маленькими, когда Петр Федорович скончался (случилось это не позднее ноября 1846 г.) [4]. О его службе в последние 25 лет жизни известий не сохранилось. Вероятно, последние годы он провел на покое, в отставке, посвятив себя семье.

В том же «Деле» сохранилась копия свидетельства Саратовской консистории о рождении будущего издателя, его метрика: «Рожден двенадцатого, а крещен двадцать первого числа генваря [1843 г.] Николай, родители его: надворный советник и кавалер Петр Федоров Поляков и законная жена его Елизавета Иванова, православного исповедания, восприемники ему были: священник Флегонт Гаврилов Смирнов, капитанша Прасковья Порфирова». Из метрик брата и сестры Николая — Павла и Елизаветы видно, что «капитанша Прасковья Порфирова» — это вдова капитана Прасковья Порфирьевна Дубенская, бывшая восприемницей при крещении всех троих детей Поляковых. Восприемником при крещении сестры Николая — Елизаветы — был тайный советник Николай Порфирьевич Дубенский.

Дубенские — довольно знатный дворянский род. Родоначальником был дьяк Федор Дубенский. В 1445 г. он был послом от великого московского князя Василия Темного к золотоордынскому хану Улу-Махмету. Четверо Дубенских, дети боярские, пожалованы были от Ивана Грозного поместьями в уезде московском в 1550 г. Еще четверо Дубенских были стольниками Петра I. Род Дубенских разделился на две ветви — московскую и пензенскую. Елизавета Ивановна происходила из пензенской ветви. Явно, что тайный советник Н. П. Дубенский был близким родственником матери издателя, скорее всего ее родным дядей. Интересна судьба этого Дубенского. Еще при Александре I он стал сенатором и управляющим департаментом государственных имуществ в министерстве финансов. В июне 1826 г. Дубенский был назначен вместе с другими 35 сенаторами членом Верховного уголовного суда над декабристами. Однако отношения его с новым императором Николаем I явно не сложились. Самодержца, власть которого ничем не ограничена, должна была раздражать сама личность Дубенского, о котором

хорошо знавший его чиновник департамента государственных имуществ вспоминал: «Это был человек, в высшей степени замечательный, который умел держать власть в руках сильно и твердо. Богатый, гордый, истинный барин прежнего времени, он отличался совершенною независимостью. По общему мнению, он самого министра подчинял своему влиянию и при малейшем разногласии тотчас подавал в отставку»[5]. «Совершенную независимость» Дубенского царь никак не мог стерпеть. В конце декабря 1836 г. тот был отстранен от управления департаментом. В Верхнюю Добринку в 1845 г. Дубенский приехал уже опальным сановником, полностью отставленным от дел. Известно, что он был радушным хозяином в своем петербургском доме, и вполне возможно, что Елизавета Ивановна с детьми приезжала к нему погостить. Дубенский умер в 1848 г. Сохранились сведения и о двух его сыновьях. Старший, Порфирий, в 1833 г. был «блестящим адъютантом военного министра» А. И. Чернышева[6]. Другой сын, Петр, в чине генерал-майора скончался в апреле 1854 г. от раны, полученной им в походе за Дунай[7].

Летом 1904 г. Н. П. Поляков при встрече с С. Р. Минцловым назвал своим родственником генерала О. Б. Рихтера[8]. Очевидно, их родство также было по линии Дубенских. Рихтер был близок к наследнику престола великому князю Николаю Александровичу, скончавшемуся в 1865 г. Впоследствии он стал доверенным лицом Александра III, начальником комиссии по принятию прошений.

Гордый, независимый, твердый характер Полякова, о чем сохранилось немало свидетельств (например, тон его письма к великому князю Александру Александровичу, будущему Александру III), явно от Дубенских. Им же он, несомненно, обязан широкими связями в высших сферах, помогавшими ему в преодолении препятствий на трудном и опасном пути идейного издателя.

События в Верхней Добринке

Скорее всего, первые десять лет своей жизни Николай провел в Верхней Добринке, получив там первоначальное воспитание и образование. Можно говорить и о несомненном общении маленького «барчука» с верхнедобринскими крестьянами. Верхнедобринцы даже вошли в историю своим бунтом в 1812 г., накануне войны

с Наполеоном. В «Русском архиве» было опубликовано письмо бурмистра Григория Шокина к помещице М. А. Волковой[9], написанное в августе 1812 г. Бурмистр извещал свою барыню о «неожидаемом происшествии», случившемся в ее вотчине. 12 марта 1812 г. Александр I утвердил мнение Государственного Совета о подушной ревизии — «о подаче посемейных о крестьянах обоего пола списков». 6 августа это распоряжение было объявлено на сходе крестьян Верхней Добринки. И, как пишет бурмистр, «крестьяне рядовые почти все без изъятия <...> не вняв силы того объявления, поколеблясь рассуждением, вообразили, что чрез сие дается им вольность — быть барскими или нет, и единомысленно все склонились на то, что быть непременно им вольными». Бурмистр попытался успокоить крестьян. Привыкшие к тому, что местные власти их обманывают, крестьяне не поверили бурмистру. «...Они вместо того, чтобы выслушать мои советы и уговор,— писал Шокин,— в тот же день по своей воле сменили старосту и старшин». Бунт разрастался. Когда бурмистр приехал в свое родное село Грязнуху, то встретил там до двадцати верхнедобринских крестьян, «принуждающих» грязнухинских старосту и старшин собрать сход «для такового же злоумышления о вольности». Бурмистр сообщил о бунте губернскому начальству, а затем оповестил и барыню. Несомненно, что верхнедобринских крестьян и особенно зачинщиков бунта сурово наказали. И, конечно, этот бунт не забывался в селе спустя десятилетия. В письме бурмистра есть приписка, возможно, имеющая отношение к причине бунта крестьян: «...к рассмотрению вашему посылаю с решительного Саратовской межевой конторы определения о земле копию». Землемером этой конторы был отец Полякова, и он уж точно был в курсе событий. И, конечно, даже спустя 30 лет в Верхней Добринке помнили этот бунт.

В Петербургском университете. Студенческие волнения

Когда Николаю Полякову исполнилось десять лет, его определили частным пансионером во 2-ю Петербургскую гимназию, которую он окончил в 1860 г. Несколько раньше в этой же гимназии учился И. И. Билибин, будущий компаньон Полякова по «Русской книжной торговле»[10]. 4 августа 1860 г. после соот-

ветствующего экзамена Поляков был принят на физико-математический факультет Петербургского университета. Был он «своекоштным» студентом — стипендии не получал.

Пребывание его в университете пришлось на горячее время — период первой революционной ситуации в России. После 30-летнего деспотического правления Николая I страна нуждалась в радикальном экономическом и социальном обновлении. Требовались безотлагательные меры по преобразованию ее общественно-политических институтов, ощущалась необходимость отмены крепостного права. Угроза революционного взрыва была настолько очевидна, что само правительство осознало необходимость освободить крестьян «сверху»: 19 февраля 1861 г. объявили крестьянскую реформу. Однако освободили крестьян без земли, реформа на деле обернулась обманом народа. Правительство расправлялось и с революционно-демократическим движением, в котором активной и значительной силой было студенчество.

Прежнее правительство Николая I всеми силами сдерживало приток в учебные заведения молодежи из демократических слоев общества и ограничительной нормой общего числа студентов (для Петербургского университета — 300 человек), и повышением платы за обучение в университетах с 28 до 40 руб., а затем и до 50 руб. серебром в год (в 1848 г.). Однако стране требовались образованные люди, и новое правительство Александра II было буквально вынуждено открыть двери университетов и других высших учебных заведений для разночинцев. В конце 1850-х гг. стало широко практиковаться освобождение от платы за обучение. Так, в 1859 г. 65% студентов Петербургского университета учились бесплатно. А в 1861 г., например, слушателями Петербургского университета были 1442 человека — почти в 5 раз больше, чем при Николае I.

Студенты университета завели кассу взаимопомощи, собственную библиотеку, студенческий комитет (как элемент самоуправления).

Естественно, что русское студенчество того времени, живо реагируя на все импульсы и токи общественной жизни жаждущей социального обновления отчизны, находилось под огромным воздействием революционно-демократических идей. «В это время,— вспоминал современник,— атеистические и республиканские идеи начали очень сильно распространяться между студентами... Брошюра Герцена («Крещеная собственность») и вообще за-

прещенные статьи переписывались неутомимо, ходили по рукам всех товарищей и зачитывались до дыр»[11]. В студенческой библиотеке при Петербургском университете, например, под невинной обложкой с надписью «Университетские известия» выдавался для чтения герценовский «Колокол»[12].

На это время и пришлись университетские годы Николая Полякова, период вызревания его идейных, гражданских взглядов.

Для борьбы с радикальным студенчеством особой комиссией во главе с графом С. Г. Строгановым были разработаны к 31 мая 1861 г. новые университетские правила, призванные регламентировать жизнь и учебу студентов. В них запрещались студенческие сходки, закрывались студенческие кассы взаимопомощи и библиотеки, а главное — вводилась обязательная плата за обучение (50 р. серебром в год). Все студенты обязывались получить матрикулы — именные книжечки с этими правилами.

Это вызвало студенческие волнения, участником которых был и Николай Поляков. 17 сентября 1861 г., когда после летних каникул открылся Петербургский университет, студенты отправили депутатов к попечителю Петербургского учебного округа, генералу Г. И. Филипсону с требованием разъяснить новые правила и получили отказ. Сходки проходили в пустых аудиториях университета. 22 сентября последовало распоряжение запереть все пустые помещения. На следующий день появилось воззвание, открыто призывавшее студентов к борьбе за свои права. Студенты (до 500 человек) устроили «шумную» сходку, которую возглавил студент Николай Утин, один из руководителей тайного общества «Земля и воля», впоследствии член I Интернационала.

24 сентября университет был закрыт. На другой день около него собралось до тысячи человек, которые пошли пешком по Невскому проспекту, на Колокольную улицу к дому попечителя. К ним присоединились около 400 студентов медико-хирургической академии, другие учащиеся — всего примерно 2000 человек. Это студенческое шествие «представляло грандиозное и никогда дотоле невиданное зрелище». В ночь на 26 сентября по решению совещания Сената были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость 26 «зачинщиков» — вожаков студенческого движения: Е. П. Михаэлис, Н. И. Утин, К. Ген, А. А. Жук, Н. А. Неклюдов и др. 27 сентября был составлен адрес министру народного просвещения, который

подписали 700 человек. В адресе говорилось, что все студенты одинаково враждебно относятся к новым правилам, и надо или освободить заключенных, или арестовать всех остальных студентов. И студентов «брали за все и везде; их брали ночью с постели, с улицы днем, по нескольку человек вдруг, по одному»[13].

Под угрозой исключения из университета власти назначили срок — полночь с 7 на 8 октября,— до которого студенты могли принять матрикулы. Таких оказалось сравнительно немного. 11 октября университет был вновь открыт, но слушать лекции ходило человек 50, не более. 12 октября около 300 студентов, не принявших новых правил, пришли к университету, чтобы переговорить об уничтожении матрикулов с товарищами, продолжавшими посещать лекции. Дальше произошло неожиданное. «Вдруг жандармы их втолкнули на двор, прижали к стенам и стали бить, бить, топтать лошадьми, вязать... Связали и повели, а профессора, ректор (П. А. Плетнев, друг Пушкина.— *А. Т.*), студенты, выбежавшие из аудиторий, глядя на это, только плакали»[14]. Расправа со студентами была жестокой. Арестованных студентов, около 200 человек, отвезли в Кронштадтскую крепость. Было начато следствие. Симпатии радикальной и либеральной части общества были всецело на стороне студентов.

В знак протеста против расправы со студентами пятеро прогрессивных профессоров Петербургского университета (К. Д. Кавелин, А. Н. Пыпин, М. М. Стасюлевич, В. Д. Спасович, Е. И. Утин) демонстративно вышли в отставку.

Среди арестованных студентов Николая Полякова не было, но его матрикул остался в университетском деле, следовательно, из-за солидарности с товарищами он его не взял и 12 октября вместе со всеми «нематрикулистами» был исключен из университета. Одновременно с ним был также исключен ровесник и однокашник Н. Полякова — студент-естественник Климент Тимирязев, будущий знаменитый ученый. Всех студентов, не взявших матрикулы, было приказано выслать из Петербурга, каждого в свой родной город.

Студенческие волнения 1861 г., захватившие не только Петербург, но и другие города, были первым открытым массовым выступлением студенчества, проявлением его солидарности. После этого университетский устав 1835 г., пытавшийся держать молодежь в узде с помощью военно-полицейских мер, был заменен более либеральным уставом 1864 г., давшим автономию профессорской

корпорации. Студенчество осознало себя крупной общественной силой, призванной сыграть значительную роль в революционном переустройстве общества. Многие студенты, участвовавшие в волнениях осенью 1861 г., стали активными деятелями революционного движения 60-х и 70-х гг. Эти события оставили неизгладимый след в душе всех участников, сплотили их, сделали солидарными на многие годы. Это относится и к Николаю Полякову. Практически почти все его будущее литературно-издательское окружение — переводчики, авторы, типографы, издатели — деятели периода первой революционной ситуации в России.

Вероятно, Полякову все-таки удалось закончить университет. Знавший его лично писатель и библиофил С. Р. Минцлов отметил, что Поляков был юристом [15]. Заниматься юридической практикой без соответствующего образования вряд ли было возможно. Разгадку столь противоречивых сведений (студент физико-математического факультета и вдруг юрист!) можно найти, вероятно, в следующем сообщении известного деятеля революционного движения 60-х гг. Л. Ф. Пантелеева: «Хотя в 1862/63 г. университет считался закрытым, но Головнин (новый министр народного просвещения.— *А. Т.*) разрешил производить выпускные экзамены (весной и осенью). Не спрашивали, с какого факультета и курса, а всякий бывший студент и вольнослушатель мог держать выпускной экзамен. Таким образом было выпущено необыкновенно большое число юристов (в числе их и Н. А. Неклюдов [16],— он сначала был на физико-математическом факультете,— прошедший самое большее два курса юридического факультета), так что в открытый в 1863 г. университет перешло очень мало старых студентов, что, по-видимому, и входило в соображения Головнина» [17]. Вполне вероятно, что таким же образом стал юристом близкий знакомый и однокашник Неклюдова Поляков.

Начало издательской деятельности

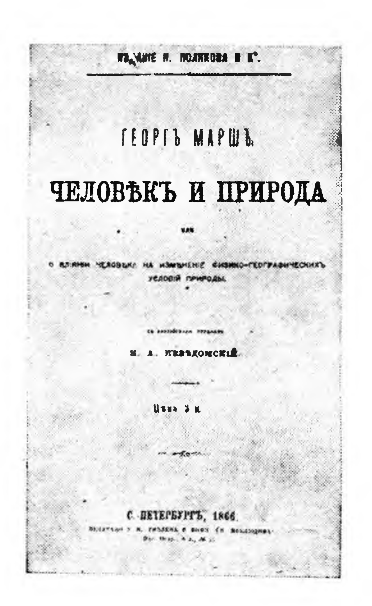
И само время, и общественные, и человеческие симпатии, крепнувшие убеждения, и, наконец, просто судьба связали Полякова с теми, кто составлял окружение Чернышевского и после его ареста продолжал его дело в новых исторических условиях. В. В. Берви-Флеровский, выпустивший у Полякова наи-

более значительные свои труды, характеризовал его так: «Человек нигилистического направления, живший в кругу людей, оставшихся после Чернышевского и разделявших его воззрения» [18].

В этом плане интересно одно из агентурных донесений III отделения, относящееся к 1866 г. В нем говорится о принадлежности Полякова «к шайке Тиблена, Печаткина и К^0» [19].

Одним из тех, с кем сблизился Поляков, был Николай Львович Тиблен (1825 — год смерти неизвестен) [20]. Артиллерийский офицер, он участвовал в Крымской войне. Женившись на дочери известного петербургского врача К. Задлера (одного из врачей, лечивших Пушкина в последние дни его жизни), он получил за женой большое приданое (30 тыс. руб.) и не позднее 1859 г. завел типографию. Тиблен был хорошим знакомым Чернышевского и тесно связан с многими деятелями революционного подполья. Жандармы отмечали, что на Тиблена «падает подозрение в распространении и даже печатании воззваний». В частности, с его именем связывается издание прокламации «Великорусс», листовки о профессоре П. В. Павлове и некоторых других нелегальных изданий 1861—1863 гг. [21] Тиблен вел также большую издательскую работу, преимущественно выпуская переводы капитальных сочинений западноевропейских философов, историков, социологов: Спенсера, Бокля, Милля и др. Направление издательской деятельности Тиблена вызывало одобрение и поддержку прогрессивной критики. Так, Чернышевский в рецензии на книгу Кольба, выпущенную Тибленом, писал: «В последние годы стали являться у нас издатели, каких прежде не было: люди, по своим знаниям могущие вполне судить о достоинстве издаваемых ими книг и притом совершенно добросовестные в выборе книг для издания. Первого из таких издателей нашла литература в г. Тиблене. <...> Вообще же в тех случаях, где может, г. Тиблен выбирает для издания такие книги, которые заслуживают полного одобрения не только по достоинству своего изложения или по фактическому богатству своего содержания, но и по истинности своего направления» [22].

Н. Г. Чернышевский считал серьезным ученым Г. Бокля и ценил его главное произведение «История цивилизации в Англии». И когда Тиблен взялся издать перевод этого туда, Чернышевский принял на себя перевод 5-й и 6-й частей. Они вышли в свет, когда переводчик находился в заключении в Петропавловской крепости. Из

ИЗДАНІЕ Н. ПОЛЯКОВА и К°.

ГЕОРГЪ МАРШЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ И ПРИРОДА

или

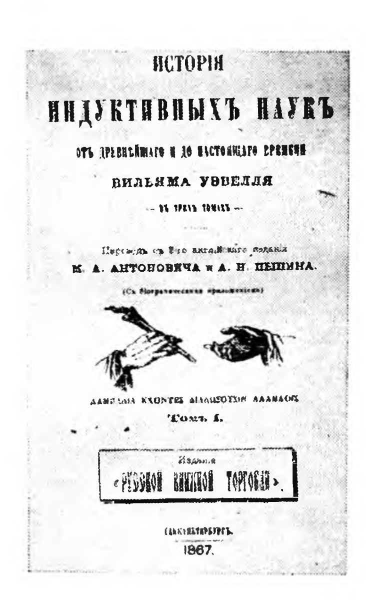
о вліяніи человѣка на измѣненіе физико-географическихъ условій природы.

Съ англійскаго перевелъ

Н. А. Неведомскій.

Цѣна 3 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

ИСТОРІЯ

ИНДУКТИВНЫХЪ НАУКЪ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШАГО И ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ

ВИЛЬЯМА УВЕЛЛЯ

— въ трехъ томахъ —

Переводъ съ 3-го англійскаго изданія

М. А. АНТОНОВИЧА и А. Н. ПЫПИНА.

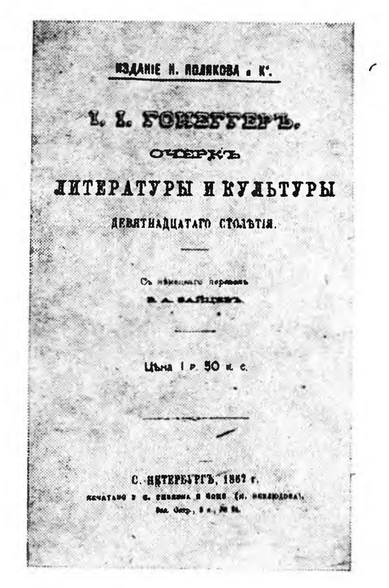
(Съ біографическимъ приложеніемъ)

Томъ I.

Изданіе «Русской книжной торговли».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

ИЗДАНІЕ Н. ПОЛЯКОВА и К°.

І. І. ГОНЕГГЕРЪ.

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

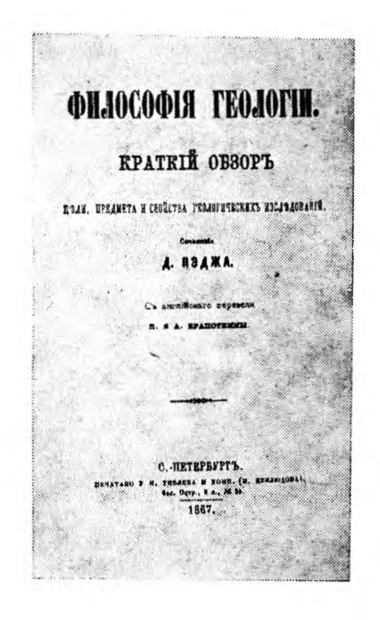
ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

Съ нѣмецкаго перевелъ

В. А. Зайцевъ.

Цѣна 1 р. 50 к. с.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1867 г.

ФИЛОСОФІЯ ГЕОЛОГІИ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ

цѣли, предмета и свойства геологическихъ изслѣдованій.

Сочиненіе

Д. ПЭДЖА.

Съ англійскаго перевели

П. и А. Кропоткины.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

Издания Н. П. Полякова

упоминавшегося уже агентурного донесения известно, что в переводе книги Бокля участвовал и Поляков [23].

В доме Задлера Тиблен открыл с 20 сентября 1863 г. книжную торговлю (Васильевский остров, 8-я линия, д. 25). Управлять книжным магазином был приглашен двоюродный брат Чернышевского С. Н. Пыпин [24]. В 1864 г. его сменил Александр Антонович Жук, участник студенческих волнений 1861 г., член первой организации «Земля и воля», женатый на сестре Н. Л. Тиблена — Эмилии. Тиблен завел также обширную типографию с литографией и переплетной. Управлять типографией взялся Лонгин Федорович Пантелеев, близкий друг А. А. Жука, как и он, активный участник студенческих волнений 1861 г. и член «Земли и воли» [25].

Тиблен хотел поставить свое книжное дело на широкую ногу, однако этому оказалось немало препятствий, прежде всего, личного характера. Н. Л. Тиблен был светским человеком и вел довольно легкомысленный образ жизни, жил не по средствам. И это было одной из причин, по которым он и его компаньон Задлер, брат его жены, уже в 1864 г. решили продать типографию. А приобрести ее хотели сообща Л. Ф. Пантелеев, Н. А. Неклюдов и В. О. Ковалевский. Однако обвиненный в связях с польскими революционными деятелями, Пантелеев был арестован, увезен на следствие в Варшаву, а затем осужден на каторгу в Сибирь.

Типографию приобрел в апреле 1865 г. Николай Адрианович Неклюдов (1840—1896). В 1861 г. он был одним из руководителей студенческого движения в Петербурге, был близко знаком с Л. Ф. Пантелеевым, Е. П. Печаткиным, Н. И. Утиным. Два с половиной месяца он провел в Петропавловской крепости.

Спустя два года, когда университетские правила смягчились, Неклюдов сдал экстерном за полный курс юридического факультета, стал кандидатом права и уехал за границу для научных занятий по юриспруденции. Вернувшись в Россию, он успешно защищает диссертацию и получает степень магистра уголовного права. Кстати сказать, он происходил из дворян Кузнецкого уезда Саратовской губернии и был земляком Полякова.

Евгений Петрович Печаткин (1838—1918) [26] — сын богатого бумажного фабриканта, активно участвовал в студенческих волнениях 1861 г., находился в заключении в Петропавловской крепости, затем — в Кронштадтской. В июле 1862 г. был вторично арестован по делу о «карманной типографии» П. Д. Баллода (по которому был

осужден и Д. И. Писарев), почти полгода провел в Петропавловской крепости, обвиненный в хранении прокламаций и рассылке по почте герценовского «Колокола». В апреле 1865 г. он стал владельцем книжного магазина «Русская книжная торговля», ранее принадлежавшего его старшему брату В. П. Печаткину, издал ряд книг, в частности сочинения И. А. Худякова.

15 апреля 1866 г. Е. П. Печаткин был арестован в третий раз, ему инкриминировалось участие в не разрешенной правительством издательской артели и сношения с Худяковым. И опять более двух месяцев пришлось ему провести в Петропавловской крепости. Его книжная торговля по распоряжению высочайше учрежденной следственной комиссии по делу о покушении Каракозова была закрыта [27]. Было перехвачено письмо к Тиблену, написанное преподавателем Артиллерийской академии, полковником П. Л. Лавровым. Это был член тайного общества «Земля и воля», ставший впоследствии признанным руководителем революционной народнической эмиграции. Говоря об издании редактируемого им «Энциклопедического словаря», Лавров писал: «Можно сначала приняться за выпуск невинных вещей, а затем, затянув издателей и приучив наблюдателей, пустить в издание вещи посерьезнее» [28]. Признанный виновным в хранении противоправительственных произведений, в составлении их и в близких сношениях с лицами, осужденными за государственные преступления (имелись в виду Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, М. Л. Михайлов), Лавров был сослан в Вологодскую губернию.

В ночь на 4 июня 1866 г. был произведен обыск у Неклюдова. Поводом послужили показания С. Т. Константинова о революционных связях Неклюдова, он был арестован, взят в следственную комиссию, допрошен, но через несколько дней, за отсутствием улик, отпущен. Тиблена не арестовали, серьезноего повода для этого не нашлось, но он остался под подозрением. В частности, цензура стала внимательнее следить за его изданиями, задерживая их по малейшему поводу. Конечно же, в таких условиях продолжать открыто издательскую и книготорговую деятельность было трудно.

И тут впервые Н. П. Поляков объявляет себя в качестве книжного деятеля. 22 августа 1866 г. петербургский обер-полицеймейстер Трепов доносит Главному управлению по делам печати, что Поляков приобрел в собственность книжную торговлю Тиблена, книжный магазин Печаткина и взял в аренду типографию и литографию Не-

клюдова. Нет никаких оснований говорить в данном случае о Полякове как о чисто подставной фигуре. Он был фактическим и очень деятельным соучастником этого прогрессивного книжного товарищества. Имел он и необходимый для ведения книжного дела капитал: 40 тыс. руб., выигранных им в лотерею [29]. К тому же он мог заложить или сдать в аренду и принадлежавшую ему часть земель в Верхней Добринке (что он советовал позднее сделать А. А. Кропоткину, который намеревался заняться книгоиздательской деятельностью). Вместе с тем нельзя отрицать и момента политической маскировки: Поляков должен был прикрыть своей фамилией книжные предприятия своих товарищей: Тиблена, Печаткина и Неклюдова, достаточно скомпрометированных в глазах властей. Но этот ход не совсем удался: из III отделения о Полякове был получен отрицательный отзыв, и в разрешении иметь книжную торговлю ему было отказано [30]. Однако уже в этом, 1866 г. Поляков выступает как глава издательской компании. Одна за другой выходят три книги (две — в 1866 г. и одна — в 1867 г.) с надписью: «Издание Н. Полякова и К⁰».

Общественно-политическая позиция новой издательской фирмы формулировалась в основном в предисловии «От издателей», открывающем книгу Дж. Марша «Человек и природа или о влиянии человека на изменение физико-географической природы». Судя по всему, его автором, или, по крайней мере, одним из авторов был Н. Л. Тиблен [31]. В обстановке правительственных репрессий писать о многом приходилось иносказательно. В предисловии отмечается, что общественно-политическая обстановка изменилась, наступили «времена общественных невзгод», что русскому обществу «жить полной и независимой умственной жизнью еще не пришла пора». Издатели пишут о причинах запрещения революционно-демократической периодики: «Периодическая пресса забыла о шаткости своего положения; она забыла, что у нас нет никаких подобных западноевропейских традиций, служащих, до известной степени, гарантией существования некоторых литературных направлений, а потому, не предвидя возможности перемены обстоятельств, она считала возможным непосредственное участие в решении занимавших общество вопросов, вздумала сделаться выразительницею общественого мнения и увлеклась недоступными ее влиянию интересами дня». Вместе с тем периодика обвиняется издателями в том, что она «мало заботилась о развитии умственных сил общества, о возбуждении

к научному знанию интереса, составляющего критериум общественного развития».

Предпосылки для социального прогресса издатели видят в ликвидации крепостного права («мы освобождены от некоторых препятствий, стеснявших свободу развития экономических сил страны»), в ряде гражданских прав, предоставленных реформами (деятельность земских учреждений, изменение системы школьного образования и т. п.). Связь между наукой и обществом, между «интеллигенцией» и «активной частью общества» должна осуществляться, «за недостатком других путей», «литературой» (печатью): «Только литература, отражающая все оттенки общественной мысли, может служить верным указателем относительной силы и полезности различных направлений ее; без этого показателя нельзя определить общий уровень и направление общественного развития, нельзя указать, какие силы — благие, созидающие, или же разрушительные и вредные,— отличаются в данную минуту большим напряжением, энергией и живучестью; только одна литература способна поддержать, укрепить и одухотворить первые и подорвать кредит вторых...» (предисловие к книге Дж. Марша, с. III). При этом издатели уповают на «законные гарантии некоторой независимости» для печати: «Наука есть свет, как говорили прежние люди. Литература есть рефлектор, увеличивающий силу света и направляющий его на темные стороны жизни. Стеснение свободного движения этого рефлектора — необходимо ведет к нарастанию мрака; а мрак, отсутствие света,— по общим законам природы,— или служит причиною смерти живых существ (растительных и животных), или же порождает уродливые существа, бегущие света или исковерканные тщетной борьбой, вызванной потребностью жить под влиянием его плодотворных лучей» (с. IV).

Таким образом, новая компания хотела посильно способствовать своими изданиями устранению «значительных пробелов в научном развитии русского общества» и правильному общественному развитию. Предисловие заканчивалось словами о «трудно исправимых пагубных последствиях, проистекающих от отсутствия возможности свободного общения, при посредстве литературы, между мыслящею частью общества и наукою» (с. VI). Имелось в виду преследование прогрессивной печати правительством. Вместе с тем в самом цензурном уставе, утвержденном 6 апреля 1865 г., были «лазейки», которыми не без успеха пользовались прогрессивные издатели. Во-

первых, книги оригинальные объемом от 10 л. и выше и переводные от 20 л. и выше освобождались от предварительной цензуры, во-вторых, если даже такая книга, будучи отпечатанной, подвергалась судебному преследованию, ее можно было защитить в судебном порядке (так, Ф. Ф. Павленкову удалось отстоять в суде задержанные цензурой тома сочинений Д. И. Писарева). На «изъяны» устава 1865 г. указывал, уходя в отставку, министр внутренних дел граф П. А. Валуев в своей записке «О положении дел печати» (1868), предназначенной для царя Александра II. Виновниками «слабости» цензурного устава он считал... самих членов Государственного совета. В результате обсуждения проекта устава в Государственном совете «характер закона,— отмечал Валуев,— как будто изменил свой вид и принял свойства узаконения льготного, расширяющего права печати. Между тем как прямой повод к его изданию и прямая цель его составления заключалась в необходимости вооружить правительственные власти теми предохранительными, оборонительными и репрессивными средствами, которых они уже не находили в прежних цензурных узаконениях»[32].

Первая книга

Первым изданием Полякова, на котором стояло его имя, была книга Дж. Марша «Человек и природа или о влиянии человека на изменение физико-географической природы», вышедшая в свет осенью (не позднее ноября) 1866 г. На книге Марша значится: «Издание Н. Полякова и К⁰».

Издание было задумано В. О. Ковалевским. В конце июля 1865 г. журнал «Книжный вестник» поместил такое объявление: «Приготовляется к изданию В. Ковалевским и в конце лета выйдет соч. Георга Марша: „Природа и человек, или изменения, производимые в физической географии влиянием человека“»[33]. Несмотря на некоторую неидентичность названия, речь идет об одной и той же книге, что подтверждается и фамилией ее переводчика. Им был близкий друг Ковалевского Александр Николаевич Неведомский (хотя на самой книге инициалы переводчика перепутаны: «С английского перевел Н. А. Неведомский»).

Владимир Онуфриевич Ковалевский (1843—1883) был необычайно одаренным человеком. В 70-е гг. он приобретет мировую известность крупнейшего палеонтолога

второй половины XIX в. Его высоко оценит Чарлз Дарвин. А в 60-е гг. он был тесно связан с участниками революционного движения. Окончив Училище правоведения по первому разряду, Ковалевский отказывается от блестящей чиновничьей карьеры. Он едет за границу, где часто встречается с русскими политическими эмигрантами. Знакомится в Лондоне с Герценом, дает уроки его младшей дочери. В 1863 г. Ковалевский участвует в польском восстании. В 1864—1866 гг. в Петербурге он в основном занимается книгоиздательским делом. Управляет типографией О. И. Бакста, намеревается приобрести типографию Н. Л. Тиблена [34]. За короткий срок выпускает десятки переводов естественнонаучной литературы. Замечательный репертуар его изданий (А. Э. Брэм, Т. Гексли, Д. С. Милль, Д. Г. Льюис и др.) был отмечен современниками, и совсем еще молодого, 23-летнего человека демократический «Книжный вестник» назвал «нашим... лучшим издателем» [35]. В 1866 г. в издании Ковалевского выходит повесть Герцена «Кто виноват?». Вполне возможно, что перевод книги Марша не был приобретен Поляковым и К° у Ковалевского, а был получен от него для совместного издания. Следует отметить несколько фактов, свидетельствующих о близости Ковалевского к книжным предприятиям, в которых участвовал Поляков. В 1867 г. весь тираж своего издания — книги Д. Г. Льюиса «История философии» — Ковалевский предоставил для распространения «Русской книжной торговле». Три выпуска книги Э. Риндфлейша «Руководство к патологической гистологии» включены С. Я. Штрайхом в список изданий Ковалевского [36], а И. С. Книжником-Ветровым — в список изданий Полякова [37]. Интересно, что перевод и издание «Капитала» Маркса, о подготовке которого Поляков 14 августа 1868 г. сделал объявление в печати, связывалось с именами Ковалевского и его друзей [38]. Возможно, что Ковалевский был одним из членов издательской компании, возглавлявшейся Поляковым.

Уезжая за границу в 1869 г., Ковалевский переводит склад своих изданий из «Русской книжной торговли» в магазин «А. Черкесов и К°», становится фактическим пайщиком этого магазина. С этого времени и Поляков начинает активное сотрудничество с этим магазином. Известен также документ 1876 г., в котором отмечено, что и Поляков, и Ковалевский входят в администрацию магазина «А. Черкесов и К°».

Книга Марша «Человек и природа»...— первое издание Полякова, на котором поставлена его фамилия. Во-

прос о фактическом первом издании Полякова чрезвычайно сложен, поскольку неизвестны документы, обосновывающие «первенство» той или иной из предполагаемых первых его книг.

Так, в личной библиотеке Полякова хранились незаконченное издание книги Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты», а также незаконченная рукопись ее перевода. В № 11 «Книжного вестника» за 1865 г. было объявлено о подготовке к изданию этого труда Прудона под редакцией Ю. Г. Жуковского. «Возможно, это объявление самого Полякова,— пишет М. Д. Дворкина,— и тогда „Система экономических противоречий“ является первым, хотя и незаконченным по цензурным причинам, его изданием» [39]. Соглашаясь с тем, что Поляков участвовал в незаконченном издании книги Прудона, невозможно, тем не менее, приписать ему объявление в «Книжном вестнике». Во-первых, нет никаких документальных свидетельств, что он начал заниматься самостоятельной издательской деятельностью ранее 1866 г.; во-вторых, известно, что он иногда выпускал книги, не осуществленные другими издателями (книга Марша первоначально — издание Ковалевского, о «скором выходе» книги Г. Спенсера «Основания биологии», изданной Поляковым в 1870 г., объявлял еще в ноябре 1865 г. Н. Л. Тиблен [40] и т. д.); в-третьих, есть данные об издании «Философии нищеты» кружком М. А. Натансона («чайковцами») в 1871—1872 гг. и сама М. Д. Дворкина высказывает предположение, «что именно с Поляковым „чайковцы“ договорились об издании книги Прудона, но она была сожжена в неоконченном виде» [41], т. е. факт печатания книги Поляковым и ее уничтожения цензурой относится к началу 1870-х гг., а не к 1865—1866 гг. Следовательно, нет оснований считать книгу Прудона *первым,* хотя и незавершенным, изданием Полякова.

Учитывая вероятное участие В. О. Ковалевского в издательских товариществах «Н. Поляков и К°» и «Русская книжная торговля» и прежде всего тот факт, что книга Марша перешла к Полякову от Ковалевского, обращаем внимание на небольшую книжку — «История чайной чашки» А. Кэмпфена, переведенную с французского и вышедшую в свет в 1866 г., на несколько месяцев раньше книги Марша. Она — единственное из изданий В. О. Ковалевского 60-х гг., на которой указано: «Издание В. Ковалевского и К°». Книжка была отпечатана в типографии М. А. Куколь-Яснопольского, приобретенной на

деньги Е. П. Печаткина. Компаньоном или одним из компаньонов Ковалевского вполне мог быть Поляков, и тогда книжка Кэмпфена — первая, в выпуске которой он участвовал как издатель.

Впрочем, независимо от того, предшествовали ли книге Марша «Человек и природа...» другие издания, в выпуске которых принимал участие Поляков, именно этой книге отводилась особая роль — представить новое издательство и его программу. Книга Дж. Марша [42] посвящена экологии, взаимодействию человека с окружающей средой и необходимости ее защиты. Марш написал хорошую и полезную научно-популярную книгу, написал интересно, даже увлекательно. Он предназначал ее не для специалистов, а просто для образованных людей, способных осознать серьезность проблемы и разумно относиться к природе в своей повседневной практике. В книге множество интереснейших научных фактов, рассказывающих о борьбе человека с вредными последствиями природных явлений, об ущербе, наносимом человеком природе, о неразумной эксплуатации естественных богатств. В последней главе говорится о возможных «географических переворотах», которые в будущем человек может совершить благодаря достижениям науки.

Книга Марша была переведена на русский язык А. Н. Неведомским [43] вскоре после выхода в свет оригинального издания. А. Н. Неведомский был председателем мирового суда в одном из уездов Тверской губернии и вместе с другими мировыми посредниками подписал заявление Тверскому губернскому присутствию, что они отказываются руководствоваться положением 19 февраля 1861 г. о крестьянской реформе как несправедливым. Неведомский был арестован и пять месяцев был в заключении в Петропавловской крепости. Когда же его выпустили из крепости, то на основании сенатского постановления ограничили в правах. Ковалевский подружился с ним, и они даже поселились на одной квартире. На это было обращено внимание полиции, когда, вскоре после покушения Каракозова, у Ковалевского был произведен обыск (22 апреля 1866 г.) [44].

В конце предисловия к книге Марша издатели дали ей характеристику с точки зрения декларируемой ими программы, останавливаясь на теоретической и практической ценности этого труда: «...книга Марша, как нам кажется, заслуживает внимание как попытка ввести в не вполне установившуюся науку об эксплуатации и средствах восстановления и сохранения естественных бо-

гатств страны новые элементы, расширить пределы науки об общественной экономии и связать некоторые отделы этой, далеко не свободной от метафизических абсолютов, науки с естествознанием. <...> Книга Марша заключает в себе много матерьяла для такого ознакомления и поэтому нам хотелось бы, чтобы и те из существующих ныне органов русской периодической прессы, которые согласятся с нашим мнением о книге Марша, помогли этой книге дойти по назначению» (предисловие к книге Дж. Марша, с. V).

Неизвестный друг

Книга Дж. Марша была чрезвычайно тепло встречена прогрессивной прессой. Отклики на книгу появились в «Вестнике Европы», «Современном обозрении», «Отечественных записках», «Знании»[45] и других органах печати. Среди них выделялась рецензия, помещенная в демократическом «Книжном вестнике»[46]. Она была посвящена не только разбору этого издания, не только положительно оценивала саму книгу, но и очень доброжелательно характеризовала новую книгоиздательскую фирму, связывая ее с именем одного Полякова. Важно было также то, что эта рецензия появилась именно в «Книжном вестнике», который, по словам М. П. Сажина, «считался в кружках радикальной молодежи „*своим*" органом и усиленно читался»[47]. И доброе напутствие этого журнала молодому издателю свидетельствовало о его признании.

«Вообще издание, первый издательский опыт Н. П. Полякова, заявившего, что им будут изданы многие другие сочинения, пользующиеся справедливой известностью (Бентам, Гоббс, Броун Секар и пр.[48]), заставляет надеяться,— писал рецензент,— что книжное дело приобрело в г. Полякове нового добросовестного и деятельного издателя, чему нельзя не порадоваться. Из обещанных издателем сочинений можно бы только, по нашему мнению, совершенно оставить в покое трансцендентального[49] Куно Фишера — едва ли его взгляд на Бэкона и реализм заслуживает в наше время внимания».

Автор рецензии останавливается на издательском предисловии к книге Марша (приписывая его Полякову), где отмечалась «невыгодная» постановка у нас книжноиздательского дела из-за отсутствия общераспространенных библиографических и критических журналов, усугу-

бившаяся недавним уменьшением числа литературно-политических журналов (имелось в виду запрещение «Современника» и «Русского слова»). Впрочем, рецензент не был согласен с некоторыми доводами, приведенными в предисловии. «...Положение издателей действительно у нас незавидно,— пишет он,— но автор предисловия готов по этому поводу даже отчасти обвинять ни в чем не повинные прежние журналы за недостаток предвидения и за то, что эта недавняя пресса „вздумала сделаться выразительницею общественного мнения и увлеклась недоступными ее влиянию интересами дня, забыв о шаткости своего положения и о том, что у нас нет никаких традиций, подобных западноевропейским, служащих, до известной степени, гарантией существования некоторых литературных направлений и т. п.“ По нашему личному мнению, такое обвинение несколько жестко и гораздо правильнее было бы восставать на те условия, которые делают невозможным существование у нас чисто критических самостоятельных изданий»[50]. Рецензент «Книжного вестника» явно намекает на то, что «невыгодная постановка» книжно-издательского дела вызвана, прежде всего, социально-политическими причинами и, в частности, обстановкой политической реакции, наступившей в стране после покушения Каракозова.

Кто же был этот анонимный рецензент, столь дружески поддержавший Полякова при появлении его первого самостоятельного издания? Из самой рецензии видно, что это был не сторонний редакции человек, а, скорее всего, один из руководителей журнала. Так, сетуя на равнодушие публики к книжно-литературному делу вообще и к «Книжному вестнику», в частности, рецензент пишет: «Целый год горчайшего опыта редакции, напр., хотя нашего, к сожалению, маленького журнала, привел нас к печальному убеждению...», «даже очень скромные и невидные стремления наши на этом пути, в видах расширения и улучшения „Кн<ижного> Вест<ника>“ встретили такую непреодолимую холодность и апатию всего общества и во всех лицах, к которым нам приходилось обращаться по тому или другому поводу...». Вряд ли такие слова мог написать в это время кто-нибудь кроме главных сотрудников журнала, которые направляли всю его деятельность: Н. С. Курочкина, который с конца 1865 г. стал фактическим редактором «Книжного вестника», и Н. К. Михайловского, бывшего в течение 1866 г. едва ли не самым основным сотрудником в журнале.

Однако из рецензии видно, что ее автор не просто заочно симпатизировал молодому издателю Н. П. Полякову, а довольно хорошо знал и его самого, и направление его издательской деятельности. Это не может относиться к Н. С. Курочкину, который к Полякову как издателю относился явно индифферентно. Так, в рецензии на двухтомник Л. Берне («Отечественные записки», 1869, № 12) он постоянно называет издателем книги П. И. Вейнберга, переводчика произведений Берне и автора биографического очерка, в то время как на книге было четко указано: «Издание Н. П. Полякова». Очевидно, Курочкин полагал, что участие Полякова сводится лишь к финансированию изданий.

Вероятнее всего, именно Михайловский был автором рецензии на книгу Марша. Даже слова о «целом годе горчайшего опыта редакции» могли с полным основанием относиться только к нему. Н. С. Курочкин был арестован по каракозовскому делу и более четырех месяцев провел в Петропавловской крепости. И Михайловский все это время оставался практически единственным «штатным» сотрудником журнала, которому пришлось вести почти всю редакционную работу.

Михайловский не числится среди известных авторов, переводчиков и редакторов изданий Полякова. Очевидно, это объясняется только известной неполнотой списков книг, выпущенных Поляковым. Например, книга П. Ж. Прудона «Французская демократия» (Спб, 1867) переведена с французского под редакцией Н. К. Михайловского. На титульном листе книги издатель не обозначен.

В анонимной рецензии на эту книгу, помещенной в журнале «Библиограф» (1869, № 1), указано, что она издана «Русской книжной торговлей», которую возглавлял Поляков. Поскольку «Библиограф» также издавался «Русской книжной торговлей», то вряд ли можно сомневаться в свидетельстве его рецензента. Следовательно, Поляков имел непосредственное отношение к изданию книги Прудона, переведенной под редакцией Михайловского.

Первые годы

Издательскую деятельность Полякова можно условно разделить на два периода: первый — 1866—1868 гг., когда книги выходили сначала с грифом «Издание Н. Полякова и К°», затем в основном под фир-

мой «Русская книжная торговля», и второй — 1869—1875 гг., когда Поляков выпускал книги преимущественно под своим издательским именем, а в последние годы — после разорения — негласно участвовал в выпуске нескольких изданий совместно с редакцией журнала «Знание».

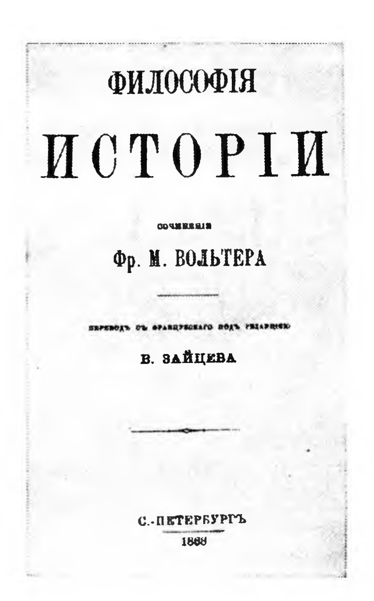
Еще раз оговоримся, что тут трудно провести сколько-нибудь четкие границы. Так, второй период формально начался 22 июля 1868 г., когда Поляков представил в цензуру отпечатанный том «Левиафана» Гоббса как собственное издание. Однако по цензурным обстоятельствам ни одна книга его как единоличного издателя в 1868 г. не вышла. Они появились только в следующем году. Кроме того, не только в 1868, но и в 1869 г. продолжали выходить совместные издания под маркой «Русская книжная торговля». Обратим также внимание на то, что и в первый, и во второй период некоторые поляковские издания появились без обозначения издательской фирмы, и только с помощью печатных и архивных материалов устанавливается участие в их выпуске Полякова. Можно предположить, что «анонимные» издания первого периода были не совместными, а выпускались одним Поляковым (например, «Философия геологии» Д. Пэйджа в переводе братьев Кропоткиных). Во второй же период «анонимность» изданий диктовалась другими причинами: или под нею скрывалось совместное издание (например, «Исторические письма» П. Л. Лаврова), или же она оберегала фактического издателя от возможных преследований (например, «Свобода речи...» В. В. Берви-Флеровского).

При всей последовательности, выдержанности, органичности издательского пути Полякова можно отметить определенные различия между первым и вторым периодами. Во-первых, если в 1866—1868 гг. Поляков выпускает исключительно переводную литературу, то в 1869—1875 гг. в его издательской продукции немалое место занимают произведения отечественных авторов (В. В. Берви-Флеровский, П. Л. Лавров, Ю. Г. Жуковский, А. П. Щапов, Н. А. Добролюбов, А. Н. Радищев). Во-вторых, если в первый период заметно преобладание естественнонаучной литературы, то в последний — основное внимание уделяется выпуску общественно-политических книг. Наконец, в-третьих,— и это самое существенное различие,— в последний период издательский репертуар Полякова отличается повышенной социально-политической остротой («Капитал» К. Маркса, «Исторические

письма» П. Л. Лаврова, книги В. В. Берви-Флеровского, сочинения Ф. Лассаля, Г. Спенсера, В. Лекки, Н. А. Добролюбова, А. Н. Радищева и др.).

Как уже отмечалось, в 1866—1868 гг. товарищество во главе с Поляковым выпускало исключительно переводную западную литературу, преимущественно — научную. Защищая и разъясняя это направление своей деятельности, издатели в предисловии к первому тому «Избранных сочинений» И. Бентама (1867) отмечали, что это необходимо и для выработки самостоятельного русского научного мышления, и в конечном итоге для строительства «новой цивилизации». Причин для интенсивного издания переводов лучшей зарубежной научной литературы было две. «...Во-первых,— указывали издатели,— русская научная мысль еще далеко не обнимает всего содержания знаний о человеке и природе, какое в настоящее время разрабатывается европейской наукой,— мы еще не имеем целых огромных отделов европейского знания, не касались вовсе до целых областей науки, которые еще не были до сих пор возможны отчасти по внешним причинам.., а еще больше по недостаточности общего господствующего уровня знаний и понятий.., во-вторых, это должен быть труд изучения прошедшего, изучения истории человеческого мышления, потому что только этим путем можно приобрести прочную опору для самостоятельной работы». Соответственно этим причинам предполагались и два основных направления в издательской практике: выпуск трудов, отражающих современное состояние науки, и издание «знаменитейших произведений так называемых „классических" западноевропейских писателей», произведений, отметивших «исторический ход развития общечеловеческой мысли». Первое направление было достаточно привычным, оно в какой-то мере напоминало и продолжало репертуар изданий Н. Л. Тиблена (социология — преимущественно) и В. О. Ковалевского (естествознание). Второе направление было для 60-х гг. XIX в. довольно оригинальным, малопривычным и даже не всегда понятным. Новизны идей в классических научных трудах, тем более идей живых, работающих, мало кто решился бы искать, и товарищество проявило незаурядность и известную смелость, предприняв подобные издания.

Н. П. Поляков и его товарищи выбирали наиболее ценные труды из передовой зарубежной науки, чтобы сделать ее достижения достоянием русских читателей. К тому же все это были книги сильного общественного

ФИЛОСОФІЯ

ИСТОРІИ

сочиненія

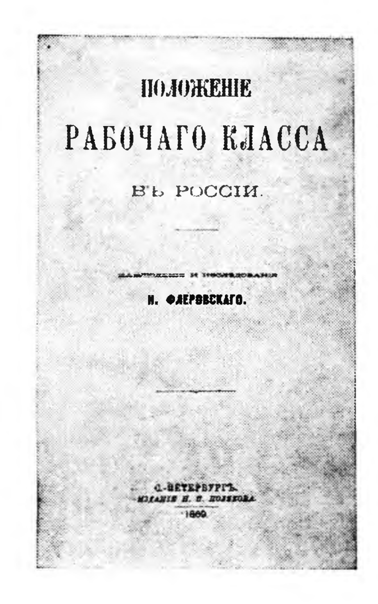
Фр. М. ВОЛЬТЕРА

переводъ съ французскаго подъ редакціею

В. ЗАЙЦЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1868

ПОЛОЖЕНІЕ

РАБОЧАГО КЛАССА

ВЪ РОССІИ.

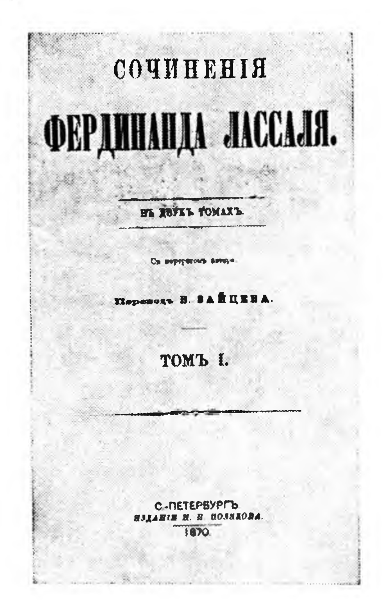
наблюденія и изслѣдованія

Н. ФЛЕРОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Н. П. Полякова

1869

СОЧИНЕНІЯ

ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора.

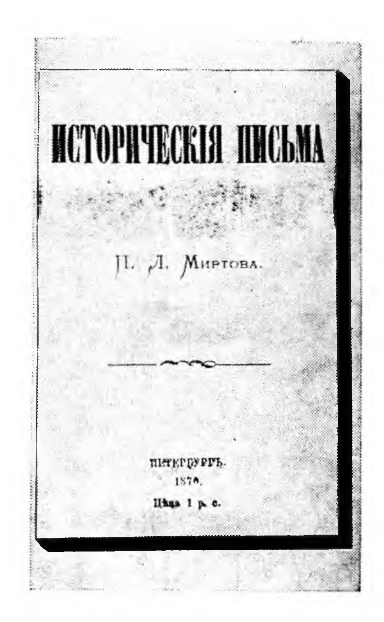
Переводъ В. ЗАЙЦЕВА.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Н. П. Полякова.

1870.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

П. Л. Миртова.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Цѣна 1 р. с.

Издания Н. П. Полякова

звучания. Вслед за книгой Марша в конце 1866 г. вышла книга А. Кетле «Социальная система и законы, ею управляющие» в переводе князя Л. Н. Шаховского, близкого знакомого Н. А. Неклюдова. Бельгийский математик, социолог-позитивист и статистик Адольф Кетле (1796—1874) — признанный «отец научной статистики», организатор международных статистических конгрессов. Он первым применил к изучению общественных явлений статистический метод и указал на закономерности их. Его труды внимательно читались основоположниками марксизма и их последователями. «Социальная система...» вышла впервые в 1848 г. Ее главный вывод был выражен афористично: «Крайняя бедность одних и чрезмерное богатство других суть аномалии, которые нужно стараться уничтожать с точки зрения политики и человеколюбия».

Третьей и последней книгой, вышедшей с маркой: «Издание Н. Полякова и К⁰», была работа швейцарского историка литературы и культуры И. И. Гонеггера «Очерк литературы и культуры девятнадцатого столетия», вышедшая в переводе В. А. Зайцева в начале 1867 г. Цензор А. И. Смирнов в своем отзыве о книге Гонеггера написал: «Это краткий „критический" обзор политических, литературных и художественных явлений первой половины текущего века. Автор имеет в виду исключительно Западную Европу, он стоит за прогресс, с ожесточением отзывается о реакциях, сожалеет о неудачах революций, восторженно говорит о политических деятелях и писателях, старавшихся разрушить установившиеся веками положения в области религии, политики и социального быта и порицает приверженцев этих идей...» [51]. Книгу все-таки не стали задерживать, ограничившись купюрами.

Книга Гонеггера была явно социалистической по своей направленности. «Реформа,— подчеркивал автор,— стремится выполнить эту задачу,— уравнение прав труда и капитала; если не она, то это сделает революция... Всемирный переворот, который имеется в виду и который сбудется, во что бы то ни стало, заключается в улучшении и упрочении общественного положения низших классов соответственно успехам научных открытий, преобразованиям в условиях труда, совершенству и распространению теоретического и практического знания, переменам в образе жизни, возвышению потребностей — словом, изменению всех условий культуры. Переворот этот обусловливается прогрессом идей, настоятельно выдвигающих социальный вопрос и углубляющих взгляд на него; он

обусловливается необходимостью исторического прогресса в будущем, что совершенно зависит от успеха этого переворота в настоящем» (с. 376—377). Смирнов несколько покривил душой, написав, что книга Гонеггера касается «исключительно» проблем Западной Европы. В издании сохранился текст, недвусмысленно характеризующий и Россию первой четверти XIX в.: «Положение России после падения Наполеона было совершенно исключительное. Тупости косной и развращенной массы рабов, механизму до невероятности безнравственной бюрократии, общей гнили, подтачивавшей Россию со всех сторон, Александр противопоставил благонамеренные, но бессильные реформы, а потом отказался и от них» (с. 177).

Книгу Гонеггера перевел с немецкого В. А. Зайцев, в недавнем прошлом боевой публицист революционно-демократического журнала «Русское слово», соратник Д. И. Писарева. После того как весной 1866 г. «Русское слово» вместе с некрасовским «Современником» было закрыто царским правительством, Зайцев стал в основном заниматься переводами, предлагая читателям идейно близкие ему произведения западных авторов. Эту работу он продолжал и после отъезда за границу в 1869 г., где стал членом I Интернационала. Публикация его переводов в России давала ему основные средства для жизни. Зайцев, пожалуй, самый активный и продуктивный переводчик в изданиях Полякова: он был переводчиком или редактором перевода, по крайней мере, восьми изданий, причем пять из них подверглись запрещению. Поляков пытался издать и собственные сочинения Зайцева (очевидно, по примеру Павленкова, начавшего издавать многотомное собрание сочинений Писарева еще при жизни критика, что было тогда небывалым событием). Было напечатано семь листов, однако издание было уничтожено в неоконченном виде.

В „Русской книжной торговле“

В 1867 г. удалось получить разрешение на создание книготоргового объединения «Русская книжная торговля», в котором слились книжные магазины Тиблена и Печаткина. Название свое объединение взяло от названия магазина Печаткина и разместилось в помещении этого магазина — доме Армянской церкви (Невский проспект, д. 42). Однако в рекламных объяв-

лениях и каталогах указывалось «Русская книжная торговля» (бывшая Н. Тиблена), очевидно, по двум причинам: во-первых, нельзя было упоминать фамилию Печаткина, которому запретили заниматься книжной торговлей, во-вторых, основной книжный товар поступил из магазина Тиблена. Новая фирма стала выпускать под своей маркой и книги. Преемственная связь двух издательских объединений: «Н. Поляков и К°» и «Русская книжная торговля» несомненна. Издания, осуществленные второй фирмой, были намечены в основном в рекламных объявлениях первой. Пока не обнаружены документальные основания для точного определения состава этих книжных товариществ, но можно предположить, что, кроме Н. П. Полякова, туда, вероятно, входили: Е. П. Печаткин, Н. Л. Тиблен, А. А. Жук (он стал заведовать магазином «Русской книжной торговли»)[52], Н. А. Неклюдов, В. О. Ковалевский. Вполне возможно также участие в товариществе И. И. Билибина[53], В. И. Яковлева, Л. Н. Симонова, П. А. Хлебникова. В своем первоначальном составе «Русская книжная торговля» существовала до 1869 г., когда ее магазин был продан К. Н. Дурышкину и В. И. Яковлеву.

Таким образом, бо́льшая часть изданий 1866—1869 гг. выпущена Поляковым не единолично, а совместно с другими участниками книжной компании — «Н. Поляков и К°» и «Русская книжная торговля».

Согласно первому списку изданий Полякова, составленному И. С. Книжником-Ветровым[54], в 1866—1869 гг. издатель выпустил 16 названий книг, включая и «Философию истории» Вольтера, отпечатанную в 1868 г. и запрещенную цензурой (несмотря на это, часть тиража попала к читателям). Однако поляковские издания довольно трудно выявлять, и список их вряд ли может быть исчерпывающе полным. «Трудно установить,— писал Книжник-Ветров еще в 1947 г.,— какие книги издал и подготовил к изданию Поляков, так как не на всех книгах обозначен издатель. На некоторых из них (для маскировки от цензуры) издателем значится «Русская книжная торговля», и лишь из объявлений на обложках некоторых изданий Полякова о печатаемых и подготовляемых им к изданию книгах и из архивных материалов цензуры можно видеть, что издателем их был Н. П. Поляков»[55]. Ссылаясь на С. Р. Минцлова, рассказывавшего, что у одного петербургского библиофила имелась записная книжка Полякова, в которой содержались сведения об осуществленных и подготовлявшихся изданиях,

Книжник-Ветров написал: «Если когда-нибудь представится возможным использовать эту записную книжку, то обнаружится, быть может, еще несколько книг, издания которых добивался Поляков».

В начале 1970-х гг. в запасном фонде библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС главным библиотекарем М. Д. Дворкиной была обнаружена тетрадь, принадлежавшая Полякову. Тетрадь была приобретена еще в 1925 г. через букинистический магазин, но многие годы не привлекала внимания исследователей. Оказалось, что это — каталог личной библиотеки, составленный самим издателем [56]. Возможно, что это и есть та самая записная книжка Полякова, о которой говорил С. Р. Минцлов. Тетрадь-каталог оказалась необыкновенно ценным источником в поиске еще неизвестных изданий Полякова. Очевидно, в ней отражена не вся библиотека издателя, а только наиболее ценная часть ее — редкие и редчайшие книги, а также рукописи.

Опись систематизирована по следующим разделам. I. Сожженные цензурою книги. II. Полные экземпляры, без перепечаток, книг, выпущенных в обращение с выпусками. III. Рукописи. IV. Заграничные, запрещенные издания. V. Экземпляры книг, напечатанных на веленевой бумаге, большею частью единственные. VI. Редкие русские книги.

В каталоге оказалось большинство известных изданий самого Полякова, зарегистрированных в списке Книжника-Ветрова (39 завершенных изданием томов — из 48 учтенных). Лишь несколько книг не попало в каталог: четырехтомник Добролюбова, «Исторические письма» Лаврова, книги Марша и Кетле, первое и третье издания книги Берви-Флеровского «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» и два (3 и 4-й) из четырех выпусков книги Риндфлейша.

Судя по составу книг, занесенных в каталог, Поляков был страстным библиофилом. Один экземпляр, предназначенный для личной библиотеки, издатель сознательно делал уникальным, печатая его на особой бумаге (чаще всего на веленевой). Очевидно, те несколько его изданий, которые не попали в каталог редких и редчайших книг, по каким-то причинам не были напечатаны на особой бумаге. Кстати, в каталоге немало и обыкновенных экземпляров поляковских изданий, запрещенных и уничтоженных царской цензурой, а иногда просто более полных (без цензурных изъятий) по сравнению с вышедшими в свет.

Естественно было предположить, что в каталоге зарегистрированы и те издания Полякова, которые еще неизвестны исследователям (или хотя бы многие из них).

Публикуя каталог, М. Д. Дворкина выдвинула ряд предположений о принадлежности тех или иных книг или даже групп книг Полякову как издателю. «Вероятно, если не все, то многие из неоконченных изданий, сохранявшихся Поляковым, подготавливались им самим»,— пишет Дворкина [57].

Трудно допустить, что неоконченные издания могли храниться не у того, кто имел непосредственное отношение к их подготовке. Вероятно, что *все* неоконченные издания, хранившиеся у Полякова, являются его *собственными* изданиями. Например, в личной библиотеке Полякова находилось неоконченное издание «Сочинений» В. А. Зайцева — всего 7 печ. л. Зайцев был одним из основных переводчиков у Полякова, и деньги, получаемые за переводы (а издатель оплачивал и те, которые не вышли в свет), были главным подспорьем для него после закрытия журнала «Русское слово». Зная близость переводчика к издателю, можно с полным основанием утверждать, что издание «Сочинений» Зайцева осуществлялось именно Поляковым.

Каталог подтвердил причастность Полякова к выпуску однотомника произведений Джонатана Свифта, уничтоженного цензурой в неоконченном виде [58].

М. Д. Дворкина справедливо идентифицирует зарегистрированное в каталоге библиотеки Полякова неоконченное издание книги американского религиозного утописта, «отца библейского коммунизма», Дж. Нойеса «История социальных опытов в Америке» с поляковским изданием, известным под названием «История американских обществ и ассоциаций». Исследовательница считает, что это перевод книги Дж. Нойеса «History of american socialisms...» (Philadelphia, 1870) [59].

Вероятно, изданием Полякова является также и книга О. Конта «Курс позитивной философии», последнее из пяти неоконченных изданий, хранившихся у издателя.

О разделе «Экземпляры книг, напечатанных на веленевой бумаге, большею частью единственные» М. Д. Дворкина пишет: «Вполне вероятно, что многие книги, перечисленные здесь, являются неизвестными изданиями Полякова» [60], однако не приводит каких-либо конкретных примеров или доказательств. Помету «Единственный веленевый экземпляр» мог сделать только человек, очень близко стоявший к изданию этих книг. По-

этому можно предположить, что все книги с указанной пометой — издания Полякова. Всего «единственных веленевых экземпляров» в каталоге (в разделах I и V) — 39 томов (31 название). Из них — 30 томов (22 названия) учтены в списке Книжника-Ветрова! Остальные 9 томов (9 названий), очевидно, также являются изданиями Полякова. И если для некоторых из них удастся найти дополнительные архивные и литературные сведения, доказывающие их принадлежность к изданиям Полякова, атрибуцию всех девяти изданий можно считать окончательной.

Приведем список этих «условных» изданий Полякова (в том виде, как они описаны в каталоге, но расположив фамилии авторов по алфавиту):

№ 114. Браун-Секар. Лекции. Спб., 1867.

№ 97. Диксон. Духовные жены. Спб., 1869.

№ 95. Диксон. Новая Америка. Спб., 1867.

№ 96. Диксон. Новая Америка. Спб., 1868, изд. 2-е.

№ 111. Дрэпер. Руководство к изучению анатомии, физиологии и гигиены. Спб., 1868.

№ 107. Макиавелли. Государь. Спб., 1869.

№ 116. Милль. Обзор философии Гамильтона. Спб., 1869.

№ 119. Пэдж. Философия геологии. Спб., 1867.

№ 108. Юманс и Милль. Новейшее образование. Спб., 1867.

Все эти девять изданий были просмотрены de visu. На семи из них указано, что они изданы «Русской книжной торговлей» (№ 114, 97, 96, 111, 107, 116 и 108). В списке Книжника-Ветрова также названы шесть книг, выпущенных в 1867—1871 гг. под фирмой «Русская книжная торговля». Возможно, некоторые из них выпускались не единолично Поляковым, а на коллективных началах. Следовательно, для семи атрибутируемых изданий есть еще одно доказательство участия в их выпуске Н. П. Полякова. Более того, для одного из них — «Новейшего образования» Юманса и Милля — найдено документальное подтверждение принадлежности к поляковским изданиям.

Сохранилась записка А. Н. Пыпина о его денежных расчетах с Поляковым за перевод книг. В ней есть фраза: «По Юмансу, Уэвеллю и Бентаму (т. 1) счеты сведены и деньги получены...» [61]. Книги Уэвелля и Бентама, в переводе которых участвовал Пыпин, упомянуты в списке Книжника-Ветрова. Книги Юманса там нет. В книге Юманса и Милля «Новейшее образование» речь Милля

является лишь дополнением, введенным русским издателем. Основу же тома составляет сборник, подготовленный профессором Э. Юмансом и выпущенный в Англии отдельным изданием. Других книг Юманса, кроме этого сборника, в переводе Пыпина нет. Следовательно, книга Юманса и Милля — несомненное издание Полякова.

Нашлось документальное доказательство принадлежности к изданиям Полякова и для одной из двух книг, на которых не указаны сведения об издателе. Это — книга Пэджа (правильно Пэйджа) «Философия геологии» [62].

При просмотре девяти атрибутируемых книг и сопоставлении их с известными изданиями Полякова выявляются дополнительные признаки, свидетельствующие о тесной связи этих изданий, их издательской «общности». Все девять рассматриваемых книг напечатаны в типографии Н. Л. Тиблена, принадлежавшей в эти годы Н. А. Неклюдову. В этой типографии напечатано большинство изданий Полякова. Дополнительные доказательства принадлежности рассматриваемых девяти изданий Полякову нашлись и в книготорговых объявлениях, помещенных в книгах, выпущенных им и его компаньонами в 1867—1869 гг. под маркой «Русской книжной торговли». В списках печатаемых этой фирмой книг многие из атрибутируемых нами изданий соседствуют с известными изданиями Полякова. Так, в 1867 г. вместе с «Левиафаном» Гоббса и «Историей политической литературы XIX столетия» Жуковского неоднократно упоминается «Государь» Макиавелли, вышедший через два года. В 1867 г. «Русская книжная торговля» выпустила книгу Брауна-Секара «Лекции о физиологии и патологии центральной нервной системы», включенную Книжником-Ветровым в список поляковских изданий. На обложке этой книги есть объявление о том, что среди изданий, которые будут выпущены фирмой и поступят в продажу в течение 1867 г.,— «Диагностика и лечение главнейших форм паралича нижних конечностей» Брауна-Секара. Книга вышла под несколько измененным названием — «Лекции о распознавании и лечении главных форм паралича нижних конечностей». Упомянутые в каталоге Полякова «Лекции» и есть именно это издание, поскольку всего две книги Брауна-Секара были выпущены в России в 1860-е гг. На обложке книги, в свою очередь, есть объявление «Русской книжной торговли» о том, что печатается книга В. Диксона «Новая Америка». Издание 1867 г. упоминается и в каталоге Полякова. Однако в самой книге нет сведений об издателе. И толь-

ко из объявления узнаем, что ее выпустила издательская фирма, которую возглавлял Поляков.

Таким образом, можно с твердым основанием говорить о принадлежности Полякову как издателю всех этих девяти книг, выпущенных в 1867—1868 гг.

Журнал „Современное обозрение“

7 августа 1869 г. уехавший за границу Тиблен составил в Берне (Швейцария) прошение, в котором доверял Полякову ходатайствовать «об утверждении новым редактором „Современного обозрения“ его самого или другое какое-либо лицо по его выбору». Он предоставлял Полякову также право собственности на залог, внесенный им при выдаче разрешения на издание журнала [63]. Этот факт, еще не известный в литературе, свидетельствует не только о близких отношениях Полякова с Тибленом, но и о возможной причастности первого к выпуску «Современного обозрения».

Этот журнал был тесно связан с фирмой «Русская книжная торговля». Кроме Тиблена, в организации и ведении журнала активно участвовал А. А. Жук, принявший на себя заведование конторой «Современного обозрения» (Тиблен в одном из писем называл его также в числе авторов, однако статьи его пока неизвестны; возможно, например, он участвовал в составлении редакционного предисловия и заметок от редакции). Среди сотрудников журнала было немало авторов, переводчиков и редакторов книг, выпущенных «Русской книжной торговлей», а затем и одним Поляковым. Как уже отмечалось выше, несомненна связь предисловия к книге Марша и редакционных материалов «Современного обозрения». Вполне вероятно, что этот журнал был изданием не одного Тиблена, а всей компании.

Разрешение на издание ежемесячного журнала «Современное обозрение» было получено в конце ноября 1867 г. [64] По замыслу Тиблена, заявившего себя его издателем-редактором, журнал должен был заменить закрытый правительством «Современник». Тиблен обратился к Некрасову и другим бывшим сотрудникам «Современника» с предложением участвовать в новом журнале. Публицист революционно-демократического направления Г. З. Елисеев вспоминал, что Тиблен объявил ему, что «предпринимает издание журнала

единственно для пользы публики, гибнущей голодом «от неимения такой здоровой пищи, какою питал ее „Современник“[65]. Тиблен предполагал издавать свой журнал на «коммунальных принципах» и делить прибыль в равных долях с сотрудниками. Однако Некрасов с 1868 г. взял на себя редактирование журнала «Отечественные записки», одним из главных сотрудников которых стал Елисеев, а затем и Салтыков-Щедрин. Трое же других основных сотрудников «Современника» — М. А. Антонович, А. Н. Пыпин и Ю. Г. Жуковский — приняли предложение Тиблена. Впрочем, Антонович, бывший в это время за границей, фактически в издании не участвовал. Жуковский и Пыпин приняли участие лишь в выработке издательской программы, изложенной в первом номере, в составлении и редактировании этого номера. Сотрудничество вскоре было прервано из-за несогласия Жуковского и Пыпина с направлением, в котором Тиблен вел журнал. По их мнению, сугубо научные проблемы занимали в журнале слишком большое место, снижая общественно-политическую заостренность издания[66]. И уже в февральском номере Жуковский и Пыпин заявили о своем выходе из редакции.

Конечно, идейная программа «Современного обозрения» немало утратила по сравнению с позицией «Современника»[67]. Это диктовалось и условиями реакции, наступившей в стране после покушения Каракозова, и спадом революционных настроений, отразившихся на позиции руководителей практически всех радикальных периодических органов. Но, несмотря на довольно короткое время существования, «Современное обозрение» стало одним из лучших русских журналов прогрессивного направления, наряду с «Отечественными записками», «Искрой» и «Делом». Идейным руководителем журнала был П. Л. Лавров, близкий друг и единомышленник Тиблена, находившийся в это время в вологодской ссылке. Он напечатал две большие статьи и участвовал не только в выработке общего направления журнала, но даже и в выборе его сотрудников.

Очевидно, позиция журнала постепенно должна была стать более радикальной. Цензура обратила внимание на то, что если первые номера журнала не вызывали серьезных замечаний, то последний, шестой, номер отличался «крайностью» суждений и оценок[68]. Заведовать научным отделом в журнале приглашался Д. А. Клеменц[69], в 70-е гг. ставший одним из видных деятелей революционно-народнического движения в России. В журнале со-

трудничали бывшие члены первой организации «Земли и воли» П. А. Ровинский (знакомый Чернышевского), А. А. Слепцов, А. А. Жук. Близкое участие в журнале принял Н. К. Михайловский. Обещал свое сотрудничество профессор Артиллерийской академии А. Н. Энгельгардт. Основная роль в журнале отводилась редакцией научному отделу, где помещались работы П. Л. Лаврова, В. В. Лесевича, П. А. Ровинского, П. А. Хлебникова, Ю. Г. Жуковского, Л. Н. Симонова и др. Интересны были переводные статьи Г. Спенсера, Ф. Лассаля, Г. Кирхгофа. Опубликована была «Ареопагитика» Мильтона, созвучная последовательно проводившейся «Современным обозрением» защите свободы печати. В литературном отделе появились произведения М. В. Авдеева, Ф. М. Решетникова, Ф. Д. Нефедова, И. И. Гольца-Миллера, А. К. Шеллера-Михайлова и др. В приложении давались переводы новых произведений Ч. Диккенса, Ф. Шпильгагена, Андре Лео.

Однако журнал, уже с первых номеров зарекомендовавший себя как незаурядное явление отечественной прессы, вынужден был прекратить свое существование.

12 марта 1868 г. в связи с поездкой за границу на месяц Тиблен писал в Главное управление по делам печати, что если по делам журнала «Современное обозрение» будет нужда «в каких-либо справках или объяснениях, таковы будут во всякое время представлены или профессором статским советником Хлебниковым, который будет заведывать текущими делами редакции, или управляющим конторою дворянином Александром Жуком»[70]. Вероятно, эта поездка не состоялась.

23 июня 1868 г. Тиблен вновь подает прошение в цензурное ведомство, назвав ответственным лицом по журналу на время его поездки за границу «Александра Антоновича Жука, жительствующего в самой редакции»[71].

Летом 1868 г. Тиблен уехал за границу и на родину больше не вернулся. Современники считали, что он бежал от долгов. Возможно, что была другая причина — более деликатная, чем денежные затруднения.

Бегство Тиблена вызвало много толков и пересудов. Судьба его за границей остается неизвестной. 25 января 1869 г. Н. С. Лесков писал П. К. Щебальскому: «Носятся слухи, что сбежавший редактор Тиблен „был виден" в Нью-Йорке, где он намеревался издать какую-то книгу о России»[72]. Н. К. Михайловский, сотрудничавший в «Современном обозрении», вспоминал о Тиблене: «Бед-

ному малому, как я потом слышал, очень плохо приходилось за границей» [73].

Получив доверенность Тиблена, Поляков 17 августа 1869 г. обратился в цензуру со следующим письмом: «Представляя при сем прошение бывшего редактора-издателя журнала „Современное обозрение“ коллежского секретаря Николая Тиблена, засвидетельствованное в императорской миссии в Швейцарии, я покорнейше прошу Главное управление по делам печати возвратить мне залог по прекратившемуся журналу „Современное обозрение“, право собственности на который передано мне представляемым прошением» [74]. В ответ на это письмо Полякову сообщили, что залог 2540 руб. уже выдали другому поверенному Тиблена, присяжному стряпчему Е. П. Печаткину еще осенью 1868 г. [75]

И снова неизвестный друг

Прогрессивная пресса не обделяла своим вниманием издания Полякова. Почти каждая выпущенная им книга удостаивалась отзыва, чаще всего положительного. Их рецензировали П. Л. Лавров, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Курочкин, А. П. Пятковский и многие другие. Обычно в этих рецензиях разбирались достоинства и недостатки конкретных книг, иногда в связи с выходом изданий Полякова писались серьезные публицистические статьи. Отзывов, в которых оценивалась издательская работа Полякова в целом, было немного. Об одном из них — в «Книжном вестнике» — уже говорилось. Еще большее общественное звучание имел другой анонимный отзыв, появившийся в журнале «Отечественные записки» (1869, № 11) в связи с выходом книги Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», которая рекомендовалась «как одно из замечательных и приятных явлений в нашем книжном мире». Журнал обещал дать подробную рецензию о ней в одном из ближайших номеров.

Отметив, что имя автора было «почти неизвестно в литературе», что он — ссыльный и не имеет «средств для издания», «Отечественные записки» писали, что его произведению («большой том убористой печати») «суждено бы было долго пролежать под спудом, а может быть, и вовсе не явиться в свет, если б г. Поляков не предложил ему своих услуг и выгодных условий для издания». «В этом отношении,—отмечал журнал Некрасова и Сал-

тыкова-Щедрина,— полезная издательская деятельность г. Полякова давно уже резко выделяется из деятельности других спекулирующих промышленников-издателей. *Г. Поляков имеет искреннее желание служить своею издательскою деятельностью делу общественного развития* и не жалеет средств ни на издание хороших, по его разумению, книг, ни на приличное вознаграждение их авторов и переводчиков (курсив мой — *А. Т.*)» [76]. Горячо сочувствуя общей направленности «полезной издательской деятельности» Полякова, «Отечественные записки» выражали сожаление, что она «очень разбросана, не концентрирована для более определенных целей, с строгим применением к данному состоянию и насущным или, по крайней мере, действительно пробивающимся потребностям нашего общества. Оттого выбор издаваемых им сочинений бывает не всегда удачен и прекрасные намерения издателя не достигаются по непригодности избираемых им для нашего общества средств» [77].

Демократический журнал, несомненно, считал, что «делу общественного развития», «насущным потребностям нашего общества» может служить, прежде всего, литература социально-политического звучания. И хотя все естественнонаучные издания Полякова лежали в общем русле пропаганды материалистических идей русской революционной демократии, но, конечно, такие пособия, как «Руководство к патологической гистологии» Риндфлейша, «Руководство к изучению анатомии, физиологии и гигиены...» Дрэпера, «Лекции о параличе нижних членов или о патологии центральной нервной системы» Брауна-Секара несмотря на то, что эти работы отражали последнее слово мировой физиологии и медицины и значительно обогащали отечественную науку, оказывались не самым главным средством общественного развития России, стоявшей, по мнению К. Маркса и прогрессивных русских деятелей, на пороге социального переворота.

В этом отзыве Полякову прямо предлагалось сосредоточить усилия на выпуске книг, подобных «Положению рабочего класса в России», книг, имеющих более важное общественно-политическое значение для русского общества. Заслуживает внимания вопрос об авторе этого анонимного отзыва.

Прежде всего, заметна определенная связь двух отзывов — в «Книжном вестнике» и «Отечественных записках». Сходна их позиция по отношению к деятельности Полякова — общее одобрение и замечания, помогающие выработке более четкого направления в выборе изда-

тельского репертуара. Причем второй отзыв отличается большей радикальностью, непосредственно ориентируя издателя на выпуск литературы, необходимой «делу общественного развития».

Отзыв отражал не только личную точку зрения рецензента, но и революционно-демократическую позицию редакции прогрессивнейшего русского журнала этого времени. Скорее всего, отзыв был написан одним из ближайших сотрудников журнала, членом редакции. («Мы много виноваты перед почтенным автором и издателем этой книги, что до сих пор не дали о ней нашего отзыва. В одной из ближайших книжек нашего журнала мы постараемся подробно познакомить наших читателей с содержанием книги г. Флеровского» [78].)

Заведовал отделом критики и библиографии в «Отечественных записках» Н. С. Курочкин, ранее, в 1866—1867 гг., возглавлявший «Книжный вестник». Одним из основных сотрудников этого отдела был также Н. К. Михайловский. По причинам, которые мы уже приводили, Курочкин не мог быть автором рецензии как в «Книжном вестнике», так и в «Отечественных записках».

Отзыв о деятельности Полякова в «Отечественных записках» предшествовал появлению большой, также анонимной, статьи, посвященной книге Берви-Флеровского и напечатанной под названием «Отчего трудно поправляться нашему рабочему?» (1870, № 2). Здесь же было указано, что это — «статья первая». Однако «статья вторая» в журнале так и не появилась, наверное по цензурным обстоятельствам [79].

О. В. Аптекман, входивший в кружок «чайковцев», к тому же хорошо осведомленный во всем, что касалось Берви-Флеровского и его книг, прямо указывал, что автором предварительного отзыва о «Положении рабочего класса в России», помещенной в «Отечественных записках», был Н. К. Михайловский. «Вся печать заговорила об этой книге. Покойный Н. К. Михайловский посвятил ей первый сочувственную заметку, а затем в „Отечественных записках“ появилась об этой книге обстоятельная критическая статья» [80].

Михайловский — один из самых активных и влиятельных критиков «Отечественных записок» — был автором целого ряда рецензий на издания Полякова: «Капитал» К. Маркса (1872, № 4), первый том «Истории Великой французской революции» Л. Блана (1871, № 8, 9), «Романы и повести» Вольтера (1870, № 6, 9, 10), первый том «Истории политической литературы XIX столетия»

Ю. Г. Жуковского (1871, № 4). В журнале не было другого рецензента, который бы так часто обращался к изданиям Полякова. Виднейший критик и публицист, один из идеологов народнического движения 1870 — начала 1880-х гг., он проявлял большой интерес к издательской работе Полякова, поощрял ее и старался направить в русло социальной борьбы.

Сопоставление предварительного отзыва о книге Берви-Флеровского с рецензиями Михайловского на издания Полякова (сравнение идей, манеры изложения и проч.) убедительно подтверждает указание О. В. Аптекмана.

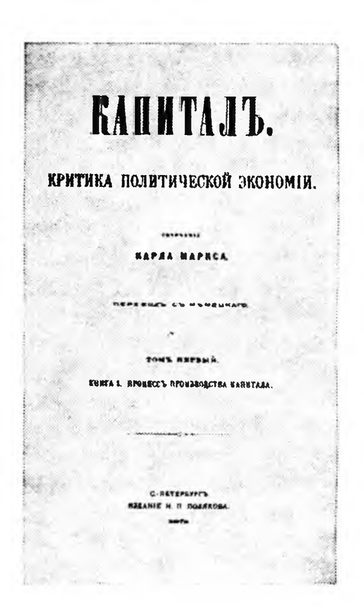
Главная книга

4 августа 1868 г. в газете «С.-Петербургские ведомости» появилось объявление Н. П. Полякова о предстоящем выходе в свет перевода «Капитала». 18 (30) сентября 1868 г. Н. Ф. Даниельсон извещал К. Маркса: «Значение Вашего последнего труда — „Капитал. Критика политической экономики“ — побудило одного из здешних издателей (Н. П. Полякова) предпринять перевод этой работы на русский язык» [81]. С удивлением и радостью Маркс передавал это известие своим друзьям. Ф. Лесснер на подаренном ему автором экземпляре «Капитала» записал в начале октября 1868 г.: «Только что я узнал через издателя этого труда, что эта же книга находится в печати в Санкт-Петербурге на русском языке. Итак, эти русские, которых постоянно хулят, оказались впереди прогрессивных англичан и производящих там много шума французов. Я надеюсь, что это событие пристыдит вышеназванные народы» [82]. Заметку о предстоящем русском переводе поместила выходившая в Германии газета В. Либкнехта «Demokratisches Wochenblatt» (1868, № 44). Откликаясь на эту новость, Л. Кугельман писал Марксу 15 октября 1868 г.: «Знаменательно, что первое признание Ваш труд получил в России!» [83].

Необыкновенным был интерес к «Капиталу» Маркса в России. Многие представители передовой русской интеллигенции прочли уже первое издание его на немецком языке, что поразило даже издателя книги Отто Мейснера. Сообщая в конце 1871 г. Марксу, что это издание почти полностью распродано, он отметил: «Особенно активны были читатели из России» [84]. К сожалению, известны лишь имена немногих из них. Сам Маркс

подарил экземпляры книги М. А. Бакунину и А. А. Серно-Соловьевичу — членам I Интернационала. Одним из первых рецензентов «Капитала» был русский социолог и философ-позитивист Е. В. де Роберти. Среди первых читателей гениального труда в России был профессор химии Петровской земледельческой академии в Москве П. А. Ильенков. К. А. Тимирязев вспоминал, как осенью 1867 г. он заехал к нему: «...перед ним лежал толстый, свеженький немецкий том с еще заложенным в него разрезальным ножом, это был первый том „Капитала" Маркса. Так как он вышел в конце 1867 г., то, очевидно, это был один из первых экземпляров, попавших в русские руки. Павел Антонович тут же с восхищением и свойственным ему умением прочел мне чуть не целую лекцию о том, что уже успел прочесть; с предшествовавшею деятельностью Маркса он был знаком, так как провел 1848 г. за границей...» [85]. Первым читателем «Капитала», поступившего в библиотеку Академии наук в Петербурге, стал в начале 1868 г. экономист и географ академик В. П. Безобразов, близкий знакомый Льва Толстого. К числу читателей немецкого издания принадлежали также экономист Н. И. Зибер, социолог М. М. Ковалевский, публицист Г. З. Елисеев. Впервые на русском языке материалы из «Капитала» были напечатаны в статье эмигрантов В. А. Зайцева и П. И. Якоби «О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения», помещенной в узкоспециальном «Архиве судебной медицины и общественной гигиены» (1870, № 3), и в статье В. И. Покровского «Что такое рабочий день? (По Марксу, Das Kapital. Hamburg, 1867)», опубликованной в «Отечественных записках» (1870, № 4). О первой публикации и последовавших затем событиях стало известно Марксу. Он писал в Нью-Йорк З. Мейеру, что «цензор получил сильный нагоняй от министра внутренних дел, главный редактор смещен, а самый номер журнала — все экземпляры, которые еще можно было захватить,— сожжен!» [86]. В это время готовился и перевод «Капитала» для отдельного издания на русском языке.

Инициатором перевода «Капитала» стал Николай Францевич Даниельсон (1844—1918). Служащий крупного частного банка — Петербургского общества взаимного кредита (прослужил здесь более полувека), он стал участником организованного его другом и сослуживцем Г. А. Лопатиным революционно-просветительского кружка, получившего название «Рублевое общество». Кружок

КАПИТАЛЪ.

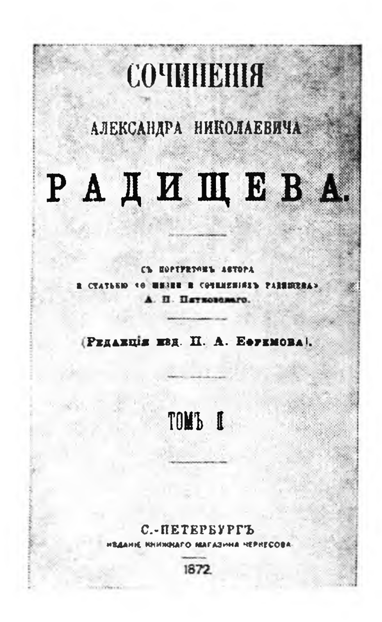
КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

КАРЛА МАРКСА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

СОЧИНЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

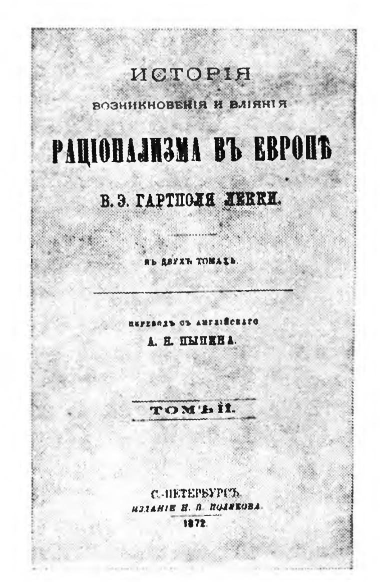
РАДИЩЕВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И СТАТЬЕЮ «О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ РАДИЩЕВА»
А. П. Пятковскаго.

(Редакція изд. П. А. Ефремова).

ТОМЪ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА
1872

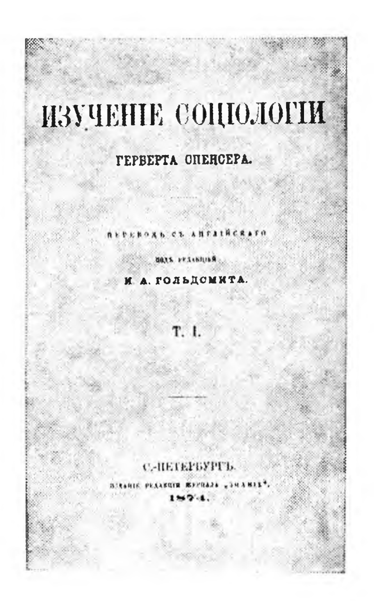

ИСТОРІЯ
ВОЗНИКНОВЕНІЯ И ВЛІЯНІЯ
РАЦІОНАЛИЗМА ВЪ ЕВРОПѢ
В. Э. ГАРТПОЛЯ ЛЕККИ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
А. Н. ПЫПИНА.

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.
1872.

ИЗУЧЕНІЕ СОЦІОЛОГІИ
ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И. А. ГОЛЬДСМИТА.

Т. I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ЗНАНІЕ».
1874.

Издания Н. П. Полякова

ставил своей целью издание и распространение книг для народного просвещения. Была и другая, тайная задача — «знакомство с экономическим положением народа и его способностью откликнуться на агитацию революционеров». По словам Ф. В. Волховского, одного из членов «Рублевого общества», это был «кружок молодых людей, честных, способных, и у которых сердце было на настоящем месте»[87]. Они серьезно интересовались рабочим движением, социальными и экономическими вопросами. Узнав о выходе «Капитала», они выписали его. А затем, оценив все значение книги, решили перевести на русский язык. Издание перевода принял на себя Поляков. Возможно, что с некоторыми членами «Рублевого общества» он был знаком уже в годы учения в Петербургском университете. Один из активных членов «Рублевого общества» М. Ф. Негрескул был зятем П. Л. Лаврова. Основателем Общества взаимного кредита и директором был В. И. Ламанский, а его брат Сергей Иванович — близкий друг Е. П. Печаткина и В. О. Ковалевского, один из переводчиков «Физиологических писем» К. Фогта, изданных Поляковым. Все это были люди одной среды, и возможностей для их сближения было более чем достаточно.

Хотя Поляков и сообщил о готовящемся издании «Капитала», книга в это время еще не была переведена. Непросто оказалось найти переводчика для труда, трактующего сложнейшие научные проблемы. Сам инициатор перевода Н. Ф. Даниельсон, экономист и социолог, имел солидную теоретическую подготовку, но из-за занятости по службе и болезненной скромности не решался взяться за перевод этой сложной книги. Г. А. Лопатин, которому предлагалось перевести «Капитал», был арестован и в августе 1868 г. (когда появилось объявление Полякова) сослан в Ставрополь. Интересно, что намеревался переводить труд Маркса А. А. Серно-Соловьевич, получивший экземпляр книги от автора. «Мне хотелось бы перевести „Das Kapital“ K. Marxa. Найдется ли издатель?»[88] — спрашивал он М. В. Трубникову 14 июня 1868 г., еще до объявления Полякова. В неизвестном нам письме М. В. Трубникова, очевидно, сообщила Серно-Соловьевичу, что переводом «Капитала» занимаются В. О. Ковалевский с товарищами. И 18 октября 1868 г. Серно-Соловьевич снова спрашивает: «Так же не понял, что Вы пишете о Ковалевском и о Марксе: переводят „Капитал“, или только хотели переводить, да бросили?»[89]. А затем и в письме от 29 октября 1868 г.:

«А что слышно о книге Маркса?»[90]. Усугубившаяся душевная болезнь Серно-Соловьевича оставляла лишь небольшие просветы для нормальной деятельности и вряд ли дала бы ему возможность выполнить столь сложную работу (в 1869 г., поняв, что его болезнь неизлечима, он покончил с собой).

Шло время, а переводчика для книги все еще не было. Летом 1869 г. Николай Николаевич Любавин, член «Рублевого общества», был в Берлине, где узнал, что «Бакунин очень нуждается и ему необходима срочная помощь». Бакунин входил в I Интернационал и уже перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Ему же, одному из первых, Маркс подарил немецкое издание «Капитала». И было решено поручить перевод «Капитала» Бакунину, на что тот охотно согласился. Русский эмигрант Н. И. Жуковский, друг Бакунина, «любил повторять, что сам Бакунин советовал преклоняться пред автором „Капитала“». «Где бы и когда бы вы ни встретили Маркса,— говорил нам Бакунин,— отвесьте ему низкий, низкий поклон за это его произведение»[91].

29 сентября 1869 г. Поляков переслал Бакунину аванс — 300 руб., что составляло четвертую часть обусловленного гонорара. К концу года Бакунин перевел и переслал Любавину «один, самое большее два печатных листа»[92]. Затем произошло непредвиденное. В марте 1870 г. Любавин получил письмо, в котором ему угрожали расправой, если он не освободит Бакунина от обязательств по переводу «Капитала». Было ясно, что письмо написано с ведома самого Бакунина. На возмущенный запрос Любавина Бакунин не ответил. На этом отношения были прерваны. Идейные позиции Маркса и Бакунина в I Интернационале настолько расходились, что в конце концов привели к открытой борьбе двух взаимоисключающих идейно-политических учений — марксизма и анархизма. По мнению Даниельсона, бакунинский перевод части первой главы был «настолько плох, что им так и не пришлось воспользоваться»[93]. Снова нужно было искать человека, который бы взялся за перевод со знанием дела. Такие люди, конечно, были. И, прежде всего, в самом «Рублевом обществе».

В январе 1870 г. Герман Лопатин, бежав из ссылки, оказывается в Париже. И не один. Перед этим ему удается организовать побег из вологодской ссылки П. Л. Лаврова. За границей Лопатин продолжает изучать «Капитал», вступает в одну из секций I Интернационала. Встре-

тившийся с Лопатиным Бакунин подтвердил ему, что он отказывается продолжать перевод книги — из-за «грубости» Любавина. И после долгих сомнений Лопатин решает сам переводить «Капитал». Летом 1870 г. он отправляется в Англию, чтобы познакомиться с Марксом. Их знакомство быстро перерастает в дружбу. Маркс характеризовал Лопатина как единственного «солидного» русского из всех, кого встречал до сих пор [94]. Это было признание незаурядности личности, ума, эрудиции молодого революционера.

Беседы с Марксом окончательно склонили Лопатина взяться, не откладывая, за перевод «Капитала». 30 августа 1870 г. он пишет из Лондона Лаврову: «...мне предлагали много раз переводить „Капитал" Маркса; я постоянно отказывался; но в последнее время, когда я прочел почти всю эту книгу, я увидел, что я могу перевести ее, особенно если взять во внимание проживание в одном городе с автором» [95]. Теперь он мог пользоваться консультациями самого Маркса. Более того, он до такой степени увлекся работой, что даже высказал автору ряд замечаний и дополнений, которые были с благодарностью приняты. Так, Лопатин нашел, что первая глава наиболее трудна для понимания и ее следовало бы переработать. Об этом Марксу говорили также Ф. Энгельс, Л. Кугельман и Ш. Келлер — переводчик «Капитала» на французский язык. Маркс согласился с этим, причем обещал Лопатину соединить первую главу и приложение в одно целое, сделав их изложение более доступным. Лопатину же он посоветовал пока начать перевод со второй главы. Русский переводчик внимательно изучал в подлиннике произведения авторов, цитируемых в «Капитале», и порой подмечал в них еще бо́льшую путаницу понятий, чем это отражено у Маркса. В соответствии с замечаниями Лопатина Маркс иногда дополнял текст новыми примечаниями. Несомненной заслугой Лопатина стало то, что им положено начало созданию научной политэкономической терминологии на русском языке. Так, именно он ввел в русскую научную литературу одно из основных понятий «Капитала» — «прибавочная стоимость», переведя таким образом термин «Mehrwert». Всего Лопатин успел перевести примерно треть тома.

В конце 1870 г. Лопатин возвращается в Россию (не предупредив о своей поездке даже Маркса), чтобы организовать освобождение Чернышевского из сибирской ссылки. Он надеялся, что эта поездка займет всего несколько месяцев и по возвращении в Лондон он закончит

работу над переводом. 15 декабря 1870 г. Г. А. Лопатин сообщал К. Марксу: «Второй том произведений Лассаля в русском переводе также конфискован правительством, и никто не знает, будет ли он разрешен к продаже или нет. На обложке этой книги было напечатано сообщение о выходе в ближайшие месяцы „Капитала". Но даже и это невинное объявление, как мне передавали, не ускользнуло от бдительного ока правительственных чиновников. Главный цензор запросил издателя, не является ли „Капитал" произведением того самого Маркса, который играет такую видную роль в Интернационале, и если это так, то как он допустил подобное объявление? Несмотря на это, мой издатель надеется, что дело с „Капиталом" еще может уладиться к нашему общему удовольствию, и мой труд не пропадет даром...» [96].

Однако уже в Петербурге, убедившись, что его сибирское «приключение» может затянуться, Лопатин оставил переведенную им часть «Капитала» Даниельсону и просил своего товарища закончить перевод. Даниельсон попрежнему считал себя недостаточно подготовленным к такой серьезной работе, но поскольку другого переводчика, достойного всей важности задачи, найти не удалось, он взялся продолжать перевод вместе с Любавиным, причем Любавин перевел первую, наиболее трудную главу, которую Маркс еще не успел переработать, а также приложение о форме стоимости. Весь остальной текст (большую часть книги) перевел Даниельсон. Впоследствии, уже после смерти Маркса, он перевел также второй и третий тома «Капитала».

Пока первый том переводился, Поляков через Даниельсона предложил Марксу одолжить деньги для напечатания немецкого издания второго тома «Капитала» с тем, чтобы проценты за пользование деньгами пошли на удешевление издания на русском языке [97]. Но второй том еще не был готов к печати. Он вышел в свет под редакцией Энгельса уже после смерти автора.

Рукопись первого тома «Капитала» была отдана для напечатания в типографию Министерства путей сообщения, арендованную Александром Егоровичем Бенке и расположенную на набережной Фонтанки между Обуховским и Измайловским мостами (здание сохранилось, ныне дом № 117). Это — единственное из изданий Полякова, напечатанное в этой типографии.

Поляков хотел приложить к тому портрет Маркса. Книга из-за своего большого объема (около 700 с.) выходила без предварительной цензуры, но портрет должен

был ее пройти. И вот в журнале заседаний С.-Петербургского цензурного комитета от 8 марта 1872 г. появилась такая запись:

«Ст<атья> 5. Прошение дворянина Полякова о дозволении к отпечатанию в 3-х тысячах экземпляров портрета Карла Маркса, который Поляков желает приложить к издаваемому им без предварительной цензуры переводу сочинения Маркса „Капитал. Критика политической экономии". Том 1. Определено: имея в виду, что деятельность Маркса, известного социалиста и председателя Интернационального Общества, весьма двусмысленна, между тем дозволение портрета его при сочинении „Капитал", неизвестном Комитету, можно было бы принять за выражение особенного уважения к личности автора, портрет Карла Маркса к напечатанию не дозволять» [98].

Судьба самой книги могла быть определена только после напечатания. Можно представить, с каким волнением после запрещения портрета Поляков, Даниельсон и их друзья ждали решения цензурных властей. Наконец, книга вышла в свет! Это произошло не позднее 25 марта (6 апреля) 1872 г. Цензура явно недооценила революционного воздействия книги Маркса. В отзыве цензора Скуратова говорилось следующее: «Как ни сильны, как ни резки отзывы Маркса об отношениях капиталистов к работникам, они не могут принести... вред, так как... тонут в огромной массе отвлеченной, частью темной, политэкономической аргументации, составляющей содержание этой книги. Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее. Притом же исследование автора относится исключительно к заграничным порядкам фабричной промышленности... о русских фабриках упоминается только вскользь, в двух или трех местах» [99]. По словам другого цензора, де-Роберти, в книге Маркса «социалистические выводы... тонут в массе технических подробностей процесса экономических явлений» [100].

И вывод цензуры оказался благоприятен для этого издания труда Маркса: «Несмотря на явно социалистическое направление сочинения Карла Маркса, не представляется возможности к возбуждению судебного преследования по отсутствию закона, применение которого давало бы надежду на осуждение этого сочинения в русском переводе» [101].

Экземпляр вышедшей книги Даниельсон послал Марксу в Лондон. Позднее Ф. Лесснер вспоминал: «Когда готовый экземпляр русского „Капитала" дошел, наконец,

из Петербурга, то это событие, как важное знамение времени, превратилось для Маркса, его семьи и для его друзей в настоящее торжество»[102]. Благодаря Даниельсона за книгу, Маркс отметил: «Перевод сделан *мастерски*»[103]. Порадовала его и быстрая распродажа книги в России: за полтора месяца, к 15 мая 1872 г., было продано 900 экз.— почти треть тиража! Для сравнения вспомним, что 1000 экз. первого немецкого издания «Капитала» распродавалась более четырех лет (хотя и тут был отмечен огромный интерес к этому изданию именно со стороны русских читателей). Прием, оказанный «Капиталу» в России 1870-х гг., просто поразителен: одних отзывов и упоминаний о нем в печати зарегистрировано около 170!

Г. А. Лопатин. 1860-е гг.

Первые три объявления о продаже книги поместил петербургский книжный магазин «А. Черкесов и К°». Книгу продавали и другие магазины: например, в Петербурге — Я. А. Исакова, в Москве — И. Г. Соловьева. Нами обнаружено, что книга продавалась также в петербургском «Магазине для иногородних», принадлежавшем Ф. Ф. Павленкову, а после его ссылки в Вятку переданном им в управление его другу М. П. Надеину.

В заключение этой главки расскажем об одной издательской контрафакции и политической авантюре, самым непосредственным образом связанной с поляковским изданием «Капитала». В 1897 г. П. А. Кропоткин получил в подарок первый том «Капитала» Маркса, на котором было указано, что это издание Н. П. Полякова, причем даже с надписью: «Петру Алексеевичу Кропоткину от издат<еля>»[104]. Однако надпись на книге была сделана отнюдь не Поляковым, поскольку книгу, подаренную Кропоткину, выпустил в Нью-Йорке в том же 1897 г. некий А. М. Еваленко[105]. Он полностью замаскировал ее под издание Полякова — совпадали не только выходные сведения, но и шрифты, и расположение текста на полосах. Лишь несколько едва заметных деталей помогают

сейчас различить эти издания. Еваленко был агентом царской охранки. И издание первого тома «Капитала» — чистейшая контрафакция! — было повторено им, очевидно, для того, чтобы укрепить свое положение среди русских революционеров-эмигрантов.

Братья Кропоткины

До недавнего времени в литературе не имелось сведений об участии видных представителей русской радикальной молодежи 1860-х гг., братьев А. А. и П. А. Кропоткиных, в изданиях Полякова. Первое свидетельство об этом появилось в обзоре архива Кропоткиных, хранящегося в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Здесь в одном из примечаний сообщалось, что в письме А. А. Кропоткина к Е. Ф. Коршу от 3 февраля 1883 г. говорится об участи переведенной им книги Г.-Ф. Кольба (G.-F. Colbe. Culturgeschichte der Menschheit), сожженной по приказу правительства вместе с другими изданиями Н. П. Полякова (ГБЛ, ф. 465) [106]. Судя по этому примечанию, книга Кольба, переведенная А. А. Кропоткиным, возможно, была изданием Полякова. Знакомство с оригиналом письма подтвердило это предположение, а многие материалы из личного архива Кропоткиных (ГБЛ) и других архивов Москвы и Ленинграда позволили выяснить взаимоотношения братьев Кропоткиных с Поляковым, их причастность к ряду его изданий в 1867—1872 гг.

Скажем несколько слов о братьях Кропоткиных. Александр (1841—1886) и Петр (1842—1921) — сыновья родовитого князя Алексея Кропоткина. Князь был прямым потомком Рюрика, и позднее русские революционеры в эмиграции шутили, что у Петра Кропоткина больше прав на российский престол, чем у любого из Романовых. Александр в 1859 г. окончил Московский кадетский корпус, но в военную службу решил не выходить. Это уже было веяние времени («войско — опора деспотизма»), первое проявление оппозиционного отношения юноши к русскому самодержавию. Он поступил вольнослушателем в Московский университет и осенью 1861 г. принял активное участие в студенческих волнениях. В 1863 г. Александр, верный своим убеждениям, записывается волонтером в польское повстанческое ополчение, чтобы сражаться за освобождение Польши, и только тяжелая болезнь помешала ему это сделать. В это вре-

мя Петр Кропоткин, окончив Пажеский корпус, служит офицером в Сибири в Амурском казачьем полку. Братья были очень дружны, и впоследствии Петр писал о большом влиянии старшего брата на формирование своего мировоззрения. Служа в казачьем полку, Петр много времени посвящает географическим экспедициям в малоизученные районы Сибири и Северного Китая, становится признанным исследователем этого региона. В 1864 г. Александр поступает на военную службу с зачислением хорунжим в Иркутский казачий полк. Братья нередко встречаются, постоянно переписываются.

В 1866 г. братья принимаются за перевод книги американского геолога Дэвида Пэйджа «Философия геологии». Судя по их переписке, этот перевод в основном делает Петр Кропоткин, увлекавшийся геологией. Из экспедиции Петр Кропоткин писал брату 13 мая 1866 г.: «...вчера целый день сидел дома, писал письмо в Отдел (Сибирское отделение Русского географического общества.— *А. Т.*) и исправлял перевод Page „Philosophy of Geology", посылаю, что сделал»[107]. 27 мая 1866 г.: «...геология и этнография решительно все время отнимают, переводится очень медленно, исправил очень мало. Впрочем, главы 2 есть готовых...»[108] 4 июня 1866 г.: «...исправил остатки Пэджа...»[109] и 27 июня 1866 г.: «Выпиши немедленно книгу David Page «Geology for general readers»[110]. В последнем письме есть фраза: «Пора все это бросить и в Питер»[111]. Подавление восстания ссыльных поляков в Сибири произвело сильное впечатление на Кропоткиных, и братья решили бросить военную службу и выйти в отставку.

«Восстание польских ссыльных <...>,— вспоминал П. А. Кропоткин в „Записках революционера",— открыло нам глаза и показало то фальшивое положение, которое мы оба занимали как офицеры русской армии»[112].

В январе 1867 г. Александр Кропоткин был командирован помощником начальника каравана с золотом, следующего из Нерчинских заводов в Петербург. Очевидно, он вез с собой и рукопись перевода «Философии геологии», которую предложил выпустить Н. П. Полякову. На вышедшей книге издатель не указан, и о том, что им был никто иной, как Поляков, мы узнаем из письма А. А. Кропоткина к издателю Л. Ф. Пантелееву из Томска от 18 января 1882 г. Находясь в сибирской ссылке, он предлагал для издания перевод книги Ньюкомба «Популярная астрономия» и прибавлял: «За достоинства же моего *перевода* может ручаться то, что я уже не раз переводил

с английского (*Спенсер*: Основ<ания> биологии изд. Полякова; *Пэдж*: Филос<офия> геологии, ib<id>; а недавно я послал еще г. Билибину перевод сочинения *Максуэлля*: Теория теплоты)»[113]. Из этого письма мы узнаем о двух изданиях Полякова, в переводе которых участвовал А. А. Кропоткин,— «Основания биологии» Герберта Спенсера и «Философия геологии» Дэвида Пэйджа. Об истории печатания последней есть строки в двух письмах А. А. Кропоткина к брату Петру из Петербурга, написанные в июне 1867 г. (Петр также вернулся к этому времени из Сибири и отдыхал в калужском имении отца.) «Отдаю сегодня исправленную корректуру 2-х последних листов Пэджа,— сообщал Александр.— Перевод вообще щегольской: сомнительны только 2 предложения. Будет напечатано: с англ<ийского> перевод П и А. К<ропоткиных>; согласен с тобою, что это может принести пользу»[114]. И спустя три дня: «Пэджа кончил печатать, по крайней мере, я уже прокорректировал последний лист»[115]. Цензурное разрешение книги датировано 28 июня 1867 г. Значит, Поляков представил в цензурный комитет не рукопись, а корректурные листы книги Пэйджа. На титульном листе, как того хотели переводчики, но в несколько иной редакции стояло: «С английского перевели П. и А. Крапоткины» (фамилия Кропоткиных часто писалась через *а*).

5 августа 1867 г. с разрешения военного министра Александр Кропоткин был зачислен штатным слушателем в Военно-юридическую академию. Помимо юридических наук, он много и углубленно занимается биологией, философией и астрономией. В это время его жена Вера Себастьяновна писала о нем: «Он хочет жить бедно, потому что быть богатым, когда другие страдают, возмущало бы его...»[116]. Петр Кропоткин поступает на физико-математический факультет Петербургского университета, где занимается преимущественно географией и геологией. Немало времени он отдает сотрудничеству в газете «С.-Петербургские ведомости». За свои исследования Сибири и Северного Китая он в 1868 г. избирается членом Русского географического общества, становится его секретарем. Осенью этого же года определен на службу в Министерство внутренних дел с откомандированием для занятий в центральный статистический комитет: «Занятия в университете и научные труды поглотили все мое время в течение пяти следующих лет»,— вспоминал он в своих «Записках революционера»[117].

Вторым изданием Полякова, в переводе которого

участвовали братья Кропоткины, был двухтомник Герберта Спенсера «Основания биологии», вышедший в свет в 1870 г. Переводчики на книге не обозначены, лишь указано: «Перевод с английского под редакцией А. Герда». Спустя почти 30 лет, в 1897 г., Поляков сообщал Н. А. Рубакину: «Действительным переводчиком изданных мною „Оснований биологии“ Спенсера был князь Александр Алексеевич Крапоткин, брат известного эмигранта Петра Ал<ексеевича> Кр<опоткина>. Редакция покойного Ал<ександра> Як<овлевича> Герда была только номинальная: я не считал возможным выпустить в свет книгу вовсе без имени переводчика, а напечатать имя Александра Алексеевича Крапоткина было неудобно, так как он в то время был уже сослан — административным путем (как политический) в Сибирь, в Минусинск»[118].

Очевидно, Поляков не совсем точно помнил события, связанные с А. Кропоткиным. За революционную деятельность А. Кропоткин был выслан в Минусинск в 1875 г., т. е. через пять лет после выхода в свет книги Спенсера. В 1870 г. у него еще не было и репутации «неблагонадежного» в глазах полицейских властей, что как-то могло отразиться на судьбе книги. Скорее всего дело заключалось в следующем. С 1 сентября 1869 г., после окончания Военно-юридической академии, до 18 февраля 1870 г. Александр Кропоткин служил в Главном военно-судном управлении, сотрудникам которого запрещалось подписывать своим именем литературные и научные работы. Ошибся Поляков и в другом. Александр Кропоткин не был единственным переводчиком «Оснований биологии», а редакция А. Я. Герда вовсе не была номинальной. Из неопубликованного письма А. Я. Герда к Н. П. Полякову стало известно, что в первом томе труда Спенсера он перевел 11 л. (в том числе и лист приложения) и отредактировал 18 л., во втором томе отредактировал 10 л.[119] Александр Кропоткин был основным переводчиком: в первом томе он перевел 18 л. из 29, второй том был переведен им почти полностью. Неожиданно обнаружился и третий переводчик — Петр Кропоткин. В составленном им перечне собственных статей и брошюр за 1861—1871 гг. он отметил, что им переведена «зоологическая часть» во втором томе «Оснований биологии»[120].

Из письма Герда видно, что еще до 13 августа 1869 г. перевод «Оснований биологии» был полностью завершен.

В начале 1870-х гг. братья Кропоткины стали активными участниками кружка «чайковцев». Особенно они сблизились с Д. А. Клеменцем. В. С. Кропоткина вспоми-

нала впоследствии: «В это же время бывал часто у нас Дмитрий Александрович Клеменц. Все мы его очень любили за его милый, веселый характер и ценили за его глубокий и острый ум. Он приносил нам книги, издававшиеся кружком «чайковцев» и распространявшиеся по дешевым ценам среди молодежи»[121].

В 1872 г. «чайковцы» намеревались переиздать последнюю главу «Оснований биологии» Спенсера.

Вполне возможно, что их интерес к Спенсеру был вызван запрещением царским правительством в конце апреля 1872 г. и уничтожением напечатанной Н. П. Поляковым книги Спенсера «Социальная статика». Она была запрещена за изложение «крайне радикального учения, клонящегося в окончательном выводе к разрушению всего существующего государственного строя и оправдывающего ввиду этой цели самые насильственные средства»[122].

Главу из «Оснований биологии» «чайковцы» хотели просто перепечатать из книги, изданной Поляковым. Об этом Д. А. Клеменц сообщил встреченному им в Москве А. А. Кропоткину. Тот предложил перевести главу заново. 8 (20) мая 1872 г. Александр Кропоткин писал жене из Москвы: «...после обеда писал в исправленном виде последнюю главу *Биологии* Спенсера для Клеменца; ему она нужна для чего-то, так и не поинтересовался я до сих пор узнать. Они хотели прямо перепечатать, но я предложил доставить в исправленном виде. Дня 3 еще уйдет на это...»[123]. Конечно, слова Кропоткина о том, что он не знает, для чего нужен «чайковцам» этот перевод,— чистый камуфляж.

10 (22) мая А. А. Кропоткин писал жене: «Утром вчера я писал для Клеменца исправленный перевод последней главы *Биологии* Спенсера»[124].

К сожалению, остается неизвестным, было ли осуществлено «чайковцами» издание последней главы «Оснований биологии» Спенсера. Во всяком случае, в каталогах и указателях запрещенных цензурой и нелегальных изданий она не значится.

21 августа 1869 г. Александр Кропоткин писал брату Петру: «Экзамены (в Военно-юридической академии.— *А. Т.*) подвигаются к концу <...> Я был у Полякова. Места никакого не может достать. Но зато говорит, что почти ручается, что будет переводная работа (Louis Blanc. Hist<oire> de la Rev<olution> de 1789)»[125].

По неизвестной причине Поляков не дал Александру Кропоткину для перевода книгу Луи Блана, а поручил

ему перевести другой большой труд — «Историю человеческой культуры» Г. Ф. Кольба. Как можно заключить из неопубликованного письма А. А. Кропоткина к Н. П. Полякову, первый том книги Кольба был переведен уже в 1869 г.[126] Кропоткин начал работу над вторым томом. Однако Поляков, желая поскорее напечатать книгу, решил отдать перевод оставшейся части второго тома другому переводчику, с тем чтобы Кропоткин успел в это время исправить корректуру первого тома. По просьбе Кропоткина перевод второго тома остался за ним и был завершен в 1870 г. В качестве аванса за эту работу Поляков заплатил 900 руб. Этих денег Александру Кропоткину и его семье хватило ненадолго: богатый отец ему совершенно не помогал, жалованье он получал небольшое. И он пишет Полякову 16 декабря 1870 г.: «Если Вам никак нельзя будет дать мне по 1 января 300 рублей, то уж, по крайней мере, убедительнейше прошу дать рублей 50, а то буквально нечего будет есть и пить, так как мы кругом должаемся в разных лавках и надо прислуге еще хоть что-ниб<удь> дать на праздник (отложив уплату жалованья до января, когда Вы получите за Жук<овского>)»[127].

До мая 1872 г. перевод Кольба не сумели напечатать. А 15 (27) мая 1872 г., навестив Полякова, Кропоткин узнает, что ему предстоит заново перерабатывать свой перевод. Вот как он описал эту встречу с издателем в письме к жене: «...утром рано я был у Полякова. Новая оч<ень> и оч<ень> невеселая работа. Кольб издает *совершенно* переделанное издание своей *Culturgeschichte* — так вот переделывать перевод; Поляков хотел было, чтоб я взял по 5 р. за лист кругом, но я отказался и сказал, что высчитаю по часам, а за час возьму все равно как бы за перевод вновь, т. е. по 1 р. примерно за час. Это *гораздо* труднее перевода, несравненно труднее»[128].

Через несколько дней после разговора с Поляковым А. А. Кропоткин выехал в Швейцарию, где предполагал надолго поселиться. Перевод Кольба он взял с собой, и сохранившиеся за этот период его письма к брату Петру пестрят упоминаниями о работе над Кольбом. 26 мая (7 июня) 1872 г., спустя 5 дней после приезда в Цюрих, он пишет: «Я принялся уже за Кольба; но не совсем еще ладно идет. Невеселая работа»[129]. В письме от 5 (17) июня он делится впечатлениями о своей жизни в Швейцарии: «...бесспорно, что здесь жизнь в 1000 раз > [более] нам сходная, чем в России, хотя теперь Россия начинает уже как кошмар давить и манить, благодаря

сознанию всех ужаснейших мерзостей, которые в ней творятся. Авось пройдет»[130]. И далее: «Я считаю Полякова сумасшедшим, что он не отказывается от издания Кольба в надлежащем виде»[131]. Книга Кольба в переводе А. А. Кропоткина так в свет и не вышла. Никаких упоминаний о ее судьбе в материалах цензурного ведомства не сохранилось. Не известно ни одного ее сохранившегося экземпляра. Она не упоминается ни в работе Л. М. Добровольского «Запрещенная книга в России. 1825—1904 гг.» (М., 1962), ни в «Свободном каталоге русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» (М., 1971), ни в других публикациях, посвященных истории русской книги или цензуры. Свет на ее судьбу проливает лишь неопубликованное письмо А. А. Кропоткина к Е. Ф. Коршу от 3 февраля 1883 г. из Томска, где он был в ссылке: «...из области наук, касающихся человека, я еще в начале 70-х годов переводил для Н. П. Полякова «Culturgeschichte der Menschheit» Кольба: весь первый том и одна глава второго были мною уже переведены и окончательно отпечатаны, за работу мне было уплочено (900 р.); только по приказанию Правительства книга была сожжена вместе со многими другими изданиями Полякова». Внизу страницы он сделал сноску, в которой пояснил: «Мой перевод не имеет ничего общего с явившимся вскоре после этого сокращенным переводом Белозерской и Марко Вовчка»[132].

Александр Кропоткин участвовал в подготовке к изданию труда Герберта Спенсера «Основания психологии». И. С. Книжник-Ветров указывает ее среди книг, подготовленных Поляковым к печати, но не вышедших в свет[133]. В каталоге личной библиотеки Полякова значится рукопись первого тома «Оснований психологии» Спенсера, переведенного с английского А. Я. Гердом[134]. Этот перевод Поляков отдал для редактирования Александру Кропоткину, как человеку, выполнившему основную работу по переводу «Оснований биологии» Спенсера. Тот нашел его чрезвычайно неудачным. «Перевод Герда до того рабски верен подлиннику,— писал А. А. Кропоткин жене из Москвы 27 апреля 1872 г.,— что просто сил нет исправлять. Я вчера для опыта читал Леночке (сестре П. и А. Кропоткиных.— *А. Т.*) исправленные мною и неисправленные места. Вторых она вовсе не понимала. Главная беда в том, что марать *негде* и нельзя много, потому что наборщики не разберут»[135].

Постепенно А. А. Кропоткин приходит к убеждению, что перевод Герда настолько неудовлетворителен, что

книгу надо переводить заново и что он мог бы за это взяться сам. 1 мая 1872 г. он пишет жене: «Я сегодня все утро переводил Спенсера, *Основ<ания> психологии.* Для чего? Право, сам не знаю: от нечего делать, по инерции. Надеяться, чтобы Поляков решился для блага русской публики пожертвовать теми 1000 р., которые он уже заплатил Герду за перевод 1 тома,— нет никакой возможности. Но на всякий случай я переведу ему 2, 3 главы, чтобы он мог лично убедиться, что значит хороший перевод и что дурной: в моем он все поймет, в гердовском же ничего. Попробую, впрочем, еще раз редактировать гердовский перевод — карандашом, чтоб можно было вытереть, если положительно нельзя ничего сделать, не перемарав все до тла» [136]. Наконец, Кропоткин решает написать письмо Полякову, предложив ему перевести заново первый том «Оснований психологии» Спенсера, а также и второй — за значительно меньший гонорар (20 руб. за лист вместо 30, уплаченных Герду), потому что, как писал Кропоткин, «мне самому больно было бы видеть, что Спенсер так плохо переведен на русский язык» [137]. 5 (17) мая 1872 г. он сообщает жене: «Насчет перевода *Психологии* Спенсера я так решил: пишу сегодня письмо Полякову, в котором объявляю ему, что исправлять перевод Герда нет никакой возможности, и что необходимо все снова перевести. <...> Не знаю, что скажет Поляков; но для большей убедительности я перевел ему из физиологической и психологической части книги по полулисту, чтобы он воочию мог убедиться, до какой степени непозволителен гердовский перевод» [138]. И чуть далее: «...писал несколько раз письмо Полякову» [139]. Среди сохранившихся четырех писем его к Полякову письма об этой книге Спенсера нет [140].

По возвращении из Москвы в Петербург Александр Кропоткин хотел увидеться с Поляковым и договориться о переводе «Оснований психологии». Известно, что 15 (27) мая они встретились, однако разговор у них шел только об исправлении перевода «Истории человеческой культуры» Кольба по новому авторскому изданию. Встреча по поводу «Оснований психологии» была намечена на 17 мая. Накануне Кропоткин писал жене: «Завтра утром — к Полякову, покончить дело о *Психол<огии>*» [141]. Больше упоминаний об этой работе в переписке А. А. Кропоткина нет. Скорее всего, Поляков не мог предложить ничего большего, чем отложить окончательный разговор до завершения работы над Кольбом. О том, что именно таким был исход их беседы, можно судить

по тому факту, что перевод Герда оказался в 80-е гг. в личной библиотеке издателя, т. е. был возвращен последнему Кропоткиным. А затем для Полякова как издателя наступил самый тяжелый период: царская цензура стала запрещать и уничтожать его издания одно за другим. В таких обстоятельствах нечего было и думать об издании книги Спенсера. Перевод ее первого тома так и остался в рукописи, как и некоторые другие произведения, намеченные Поляковым к изданию («Система приобретенных прав» Лассаля, первый том «Романов и повестей» Дидро, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского и др.).

Для Александра Кропоткина Поляков стал довольно близким человеком, принимавшим заинтересованное участие в его творческих и даже житейских делах. После смерти отца братьям Кропоткиным досталась лишь небольшая часть имения. Как вспоминала В. С. Кропоткина: «...бóльшая часть имения, весь инвентарь дома и домашняя обстановка перешли к мачехе и единокровной сестре П. А. и моего мужа, им досталось только 600 десятин земли, дом без сада, земля без всякого инвентаря и скота...» [142]. Александр Кропоткин обратился к Полякову за советом, как распорядиться землей, полученной им и Петром в наследство. 23 сентября 1871 г. Александр писал из Петербурга брату Петру: «Сегодня вечером я был у Полякова. Он говорит, что в Борисоглебском уезде смело можно требовать по 9—10 руб. арендной платы с десятины» [143].

Братья Кропоткины воспользовались советом Полякова: наследственную землю они стали сдавать в аренду крестьянам [144].

В 1870—1871 гг. Александр Кропоткин служил в Телеграфном департаменте Министерства внутренних дел [145]. Осенью 1871 г. он решил уйти со службы, надеясь на средства, получаемые за сданную в аренду наследственную землю. Остальное он предполагал подрабатывать переводами и издательской работой. Желание заняться последней было явно вызвано примером Полякова. И советуясь с ним о том, как поступить с наследством, Кропоткин выяснял возможности заняться издательской деятельностью, видя в ней свое будущее. 24 сентября 1871 г. он сообщал Петру: «Я говорил вчера с Поляковым об издательской деятельности, и он обещал представить мне расчет того, что можно сделать, имея землю в 25 000 р., годовой доход в 1500 р. и потребность для прожития в 2000 р. Он говорит, что хотя и трудно

что-нибудь выдумать, не заложив земли хоть на 2—3 — 4000 р., но все-таки он еще не теряет надежды»[146]. И в письме от 27 сентября 1871 г.: «Я еще ничего не успел придумать относительно будущего и со вторника начну ходить в Департамент. Н. П. Поляков обещал помочь мне, и я уже дал ему табличку с разными данными»[147]. 21 октября 1871 г. А. А. Кропоткин был уволен со службы «по домашним обстоятельствам»[148]. Он все более склоняется к тому, чтобы заняться книгоизданием. В его переписке нередко фигурирует «книжка собственного издания». Так, 2 октября 1871 г. он пишет жене: «...теперь вопросы сводятся к тому, чтобы: 1) выбрать книжку, 2) издать ее и 3) заручиться получением ежемесячно по 176 р. на прожитие...»[149]. Весной 1872 г. Александр Кропоткин выписал для перевода и издания книги Дистервега, Дарвина, Спенсера, Милля и др. Однако возникло неожиданное препятствие... в лице П. А. Кропоткина, который вдруг стал решительно возражать против намерения брата заняться издательским делом. Неожиданным это было потому, что еще в Сибири Петр мечтал о выпуске собственного научного журнала, да и впоследствии разделял интерес Александра к издательской работе. В письме же от 13 (25) марта 1872 г. Петр категорически восстает против издательской работы, видя в любом издателе предпринимателя, получающего процент со своего капитала, живущего книжной спекуляцией, обирающего авторов, переводчиков и покупателей, и полагая, что издательская деятельность и социалистическая пропаганда несовместимы. Приведем отрывки из этого чрезвычайно любопытного письма: «Ты хочешь „смешивать два эти ремесла“ — делать из него средство к жизни, заработка (довольно легкого: 60 р. за 5—6 дней работы) и развивающей пропаганды. Очевидно — нелепость. И не вздумай приводить в пример Полякова. Самая его невозможность <?> в настоящее время доказывает тебе нелепость, несовместимость сочетания: эксплуатировать противу эксплуататорских стремлений,— которое приводит к шаткости, эфемерности существования»[150].

В ответном письме Александр Кропоткин защищал свои позиции, ссылался на пример Лассаля, говорил, что он выписал для перевода и издания книги, принадлежавшие представителям передовой общественной и научной мысли. «Если ты не понял моей основной идеи,— писал Петр 25 марта (6 апреля) 1872 г.,— то я не стану вновь ее объяснять. Я остаюсь при прежнем. <...> Ты выписал

Дистервега, (далее одна фамилия неразборчива.— *А. Т.*), Дарвина, Спенсера, Милля. Издай их всех ты, без конкуренции. Побольше капитала! Посмотри на Полякова»[151]. А затем вновь продолжал убеждать брата: «Неужели ты не понимаешь, что 60 р. за 5—6 дней работы не заработок, а процент с капитала вещественного и умственного? <...> Если я вчера думал, что можно издавать хорошие книги и наживаться на этом, то спасибо тем, которые вовремя разубедили меня в этом сегодня»[152].

Александр Кропоткин так и не стал издателем. И этому помешали не только доводы любимого брата, который был ближайшим другом, единомышленником, «вторым я», но и жизненные обстоятельства, так неудачно сложившиеся для него. Из дальнейших писем видно, что он не изменил своего отношения к Полякову, надеялся на продолжение сотрудничества с ним.

Остается неизвестным, поддерживал ли Поляков отношения с братьями Кропоткиными после своего разорения в результате цензурных преследований и прекращения издательской деятельности (1872—1873 гг.). Вполне возможно, что они продолжались и позднее — вплоть до ареста Кропоткиных за революционную деятельность (Петр был арестован в 1874 г., Александр — в 1875 г.). Поляков мог быть с ними связан и через кружок «чайковцев», и через книжный магазин «А. Черкесов и К°», к которому и Поляков, и Кропоткины имели близкое отношение.

„Чайковцы"

В 1869 г. Поляков сближается с кружком радикальной молодежи, впоследствии получившей название «чайковцев». Кружок был создан весной того же года по инициативе 19-летнего студента Медико-хирургической академии, активного участника студенческих волнений 1869 г. Марка Натансона, который стал руководителем кружка. Первичное ядро кружка состояло из студентов Медико-хирургической академии: самого Натансона, Василия Александрова, Анатолия Сердюкова, Николая Лопатина и студента естественного факультета Петербургского университета Николая Чайковского. Натансон был также активным организатором тайного общества «Земля и воля», из которого впоследствии вышла «Народная воля».

Поначалу члены кружка преследовали цели самообразования, в первую очередь общественно-политического. «Чайковцы» считали, что к революции необходимо готовиться серьезно. Едва ли не главным своим делом они считали распространение среди студенческой молодежи прогрессивной литературы по доступной цене, для чего вошли в контакты с наиболее либеральными издателями и книгопродавцами: Н. П. Поляковым, А. А. Черкесовым, В. Я. Евдокимовым, М. П. Надеиным.

«Книжное дело» в кружке «чайковцев» велось с огромным размахом и энергией, отличалось хорошей организацией. Прежде всего оно отлично служило пропагандистским задачам кружка, в немалой степени способствуя и организационным целям. Берви-Флеровский так характеризовал книжную деятельность «чайковцев»: «Молодые люди, создавшие организацию, работали в ней с полным самоотвержением. Они ворочали большим капиталом, а сами часто голодали или брали ничтожные деньги за переводы серьезных книг, издававшихся чуть ли не исключительно Поляковым. Всю работу издания и распространения книг они производили окончательно безвозмездно... У них были агенты во всех городах, даже в медвежьих углах, где был какой-нибудь десяток интеллигентных молодых людей, и все эти агенты действовали с тем же самым самоотвержением, как и центральная организация»[153].

Судя по всему, Поляков поддерживал отношения непосредственно с Натансоном и Чайковским. Натансон был библиотекарем студенческой библиотеки Медико-хирургической академии, и он мог познакомиться с Поляковым, приобретая книги для этой библиотеки, т. е. еще до организации кружка «чайковцев». В своем «Открытом письме к друзьям» Н. В. Чайковский писал, что его роль в кружке «главным образом» основывалась на «деловых сношениях с книгопродавцами и издателями, для которых у меня имелись некоторые практические навыки»[154].

Для «чайковцев» Поляков был своим человеком, более тесных связей у них не было ни с одним другим издателем или книготорговцем. Это были отношения не просто дружеские, это были отношения идейных соратников, единомышленников. В 1869—1872 гг. «чайковцы» участвовали в распространении по дешевым ценам примерно 40 названий. Среди них было не менее одиннадцати книг, изданных Поляковым. В 1869 г. вышли книги Берви-Флеровского «Свобода речи, терпимость и наши

законы о печати» («чайковцы» распространяли также второе 1870 г. и третье 1872 г. издания этой работы) и «Положение рабочего класса в России», а также двухтомник «Сочинений» Людвига Бёрне. В 1870 г.— «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» А. П. Щапова, оба тома «Сочинений» Ф. Лассаля, «Исторические письма» Миртова (П. Л. Лаврова), «Основания биологии» в двух томах Герберта Спенсера. В 1871 г.— четырехтомник «Сочинений» Добролюбова, первый том «Истории возникновения и влияния рационализма в Европе» Лекки (второй том был запрещен) и первый том «Истории Великой Французской революции» Луи Блана. Наконец, в 1872 г.— первый том «Капитала» К. Маркса. Многие экземпляры этих изданий Полякова были распространены «чайковцами».

Сохранилось свидетельство Полякова об условиях, на которых «чайковцы» приобрели изданные им «Сочинения» Добролюбова: из 4-тысячного тиража 1000 экз. они взяли по 2 р. 40 к. за экземпляр, следовательно, каждый том им обошелся в 60 к. [155]

Собственное издание — «Азбуку социальных наук» Берви-Флеровского, изданную ими при посредничестве Полякова, «чайковцы» распространяли в основном своими силами: лишь 800 экз. книги были отданы ими в книжные магазины Черкесова и Надеина, остальные 1690 экз. они взялись распространить сами и с помощью студентов-посредников.

Совместно с «чайковцами» Поляков пытался осуществить и издание книги Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты», которая была уничтожена в неоконченном виде (у Полякова остались неполная рукопись перевода этой книги и даже листы самого издания).

Было бы несправедливо по отношению к Полякову считать, что он получал задания от «чайковцев» на выпуск тех или иных изданий. Получив идейную закалку среди тех, кто «остался после Чернышевского», он был старшим товарищем «чайковцев», отчасти даже влиявшим на их решения. Соглашение Полякова с «чайковцами» предусматривало продажу им части тиража его изданий по дешевой цене, что для идейного издателя было чрезвычайно важно. Его книги попадали непосредственно тем, кому были адресованы,— революционной молодежи. Немаловажное значение для Полякова имело целенаправленное и оперативное распространение его изданий. В те годы книжный рынок страны переживал

кризис, а книги Полякова расходились достаточно быстро, поскольку он выпускал самую необходимую для общественно-политического самообразования молодежи литературу.

Берви-Флеровский

Потомок шотландского консула Бервика, поселившегося в России, сын профессора Казанского университета, Василий Васильевич (по документам — Вильгельм Вильгельмович) Берви (1829—1918) в начале 60-х гг. служил в Министерстве юстиции, где занимал должность чиновника особых поручений и имел чин надворного советника. Человек необыкновенного благородства, отличный юрист, он принял деятельное участие в подготовке реформ и поначалу разделял надежды и упования на «царя-освободителя», однако эти либеральные иллюзии рассеялись после реализации Положений 19 февраля 1861 г.

Осенью 1861 г. Берви был свидетелем сходки в университете, после расправы со студентами участвовал в составлении петиции в их защиту и сборе подписей под ней. Перед этим К. Д. Кавелин пригласил Берви стать профессором гражданского права в Петербургском университете, что было заветной мечтой Василия Васильевича. Он должен был поехать для стажировки и подготовки к профессорскому званию за границу. Однако петиция в защиту студентов дорого обошлась молодому ученому — за границу его не пустили.

После ареста в 1862 г. группы тверских мировых посредников, осудивших реформу 1861 г., Берви обратился с прошением к царю, где писал о несправедливости этой расправы, одновременно составив циркулярное обращение к предводителям дворянства и особое обращение к английскому посольству. Эти обращения вызвали недовольство в правящих сферах. Берви был арестован, уволен со службы и выслан в Астрахань под надзор полиции. Начались гонения и преследования честного и мужественного человека, продолжавшиеся 26 лет! Из Астрахани он был выслан в Кузнецк Томской губернии, затем перемещен в Томск, из него — в Вологду, где прожил с 1866 по осень 1868 г. Находясь в Вологде в административной ссылке, Берви закончил свой большой социологический труд «Положение рабочего класса в России». В это время в вологодской ссылке находились

П. Л. Лавров, Н. В. Шелгунов, М. П. Сажин. Благодаря помощи Лаврова Берви удалось опубликовать в периодической печати несколько отрывков из своей книги «Положение рабочего класса в России». Но попытки издать всю книгу были напрасными. Наконец, издатель был найден. Им оказался Поляков. Скорее всего, Берви и Поляков познакомились в конце 1868 или в 1869 г., когда Берви жил в Твери [156], хотя, конечно, Поляков мог знать Берви еще со времен студенческих волнений 1861 г. В конце 1860-х — начале 1870-х гг. они неоднократно встречались. Берви оставил самую подробную и высокую оценку Полякова как идейного издателя [157].

В своих воспоминаниях Берви-Флеровский, в частности, рассказал и о коммерческих основаниях издательской практики Полякова: «При издании „Положения рабочего класса" я у такого добросовестного издателя, как Поляков, получал с экземпляра 41 коп., все издержки по изданию ему стоили 62 коп. Проведя издание сквозь цензуру, он его немедленно продавал за наличные деньги книгопродавцу и получал 1 руб. 17 коп. Это делалось для того, чтобы можно было немедленно употребить капитал на новые издания. Книгопродавец продавал по три рубля за экземпляр» [158].

Первым произведением Берви-Флеровского, изданным Поляковым, стало не «Положение рабочего класса в России», а «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати». В это время в русском обществе были широко распространены слухи, причем небезосновательные, о подготовке правительством новых законов о печати. «Когда я был переведен из Вологды в Тверь,— вспоминал Берви,— мне сообщили из Петербурга, что весьма желательно было бы, чтобы я написал книгу о свободе речи, что момент теперь благоприятный и что редакция меня поддержит. Вопрос о свободе речи был единственным вопросом, по которому редакторы держали себя самостоятельно относительно правительства, и я не сомневался, что они сделают для меня все, что было обещано. Я употребил сорок дней на то, чтобы написать книгу, и она быстро появилась в продаже. В книге моей я доказывал, что невозможен хороший закон о печати, что всякий такой закон может породить только притеснение, а не правильную судебную деятельность. В окончательном результате у меня выходило, что навязывать в России юридические воззрения путем законов о печати и нелепо, и несправедливо, и что, если правительство хочет оставаться в пределах здравой и честной юридической

философии, то оно должно вовсе отстранить все специальные законы о печати; существующие законы, карающие за нарушение тишины и спокойствия, совершенно достаточны для охраны общественного порядка». Далее Берви писал, что «мысль о бесполезности специальных законов о печати была высказана десять лет ранее Чернышевским, я прибавил к ней аргументацию, доказывающую нелепость таких законов» [159].

В. В. Берви-Флеровский.

Поляков выпустил книгу, не указав на ней ни имени автора, ни издателя [160].

«Свобода речи...» вызвала большой интерес в обществе. В ее распространении участвовали «чайковцы». Широкий отклик получила книга в прессе. Берви-Флеровский впоследствии вспоминал: «...все журналы и газеты заговорили о моей книге, некоторые так пространно, как говорилось только о книгах первостепенных» [161]. Говоря о пространных рецензиях, автор, несомненно, имел в виду рецензию в «Отечественных записках», написанную М. Е. Салтыковым-Щедриным [162],— она занимает 30 журнальных полос! Великий сатирик связал выводы книги Берви с насущными потребностями русской литературы. Утверждая, что «единственная задача, которую имеет в виду литература,— исследование истины», он отнес книгу «Свобода речи...» «к числу... полезных заявлений, указывающих на действительные причины нашего литературного бессилия, а равно и на то вредное влияние, которое оказывает это бессилие на нашу общественную жизнь...» и подчеркнул, что здесь «очень верно указаны как причины, возбуждающие в неразвитых людях недоброжелательство к свободе речи, так и те задачи, которые может иметь в виду литература и выполнение которых собственно и навлекает на нее все гонения».

Так же полностью, как и Салтыков-Щедрин, поддержал концепцию книги Берви и другой представитель революционно-демократического лагеря — Н. В. Шелгунов. «Давно нам не приходилось читать такой умной книги,— писал он,— проникнутой таким искренним желанием

добра и пользы России, как „Свобода речи“ неизвестного автора. В книге этой защищается одно из самых капитальных и драгоценных прав каждого образованного общества,— защищается с таким знанием исторического развития этого права и соединенных с ним политических и социальных последствий, что в нашей литературе мы не знаем другого примера более обстоятельной и добросовестной разработки предмета... Главная его (автора.— *А. Т.*) цель состоит в том, чтобы не только убедить в необходимости свободы слова, но и доказать, что это убеждение должно быть всеобщим и что без такого всеобщего убеждения спокойное и нормальное развитие невозможно»[163].

Книга в короткий срок беспрепятственно выдержала еще два издания. Последнее вышло в начале 1872 г. Создается впечатление, что они разрешались, чтобы успокоить и обмануть общественное мнение. Руководствуясь мнением «либерального» министра внутренних дел Валуева, что между правительством и печатью не может быть ничего, кроме вражды, власти готовили еще более жесткие цензурные правила, утвержденные 7 июня 1872 г., по сравнению с которыми осуждаемые в книге Берви положения о печати 6 апреля 1865 г. казались уже необычайно мягкими. «...Книга моя,— вспоминал автор,— оказалась в положении критика, который разбирает и порицает законодательство былых либеральных времен, заменившихся реакцией, с которой приходится говорить совсем другим языком»[164].

Сразу же за первым изданием «Свободы речи...» Поляков выпустил «Положение рабочего класса в России». Кроме обширных статистических материалов, книга вобрала и личные наблюдения, накопленные Берви за годы скитаний в ссылках по российским губерниям. «Я убеждался,— писал автор,— что Россия страна повального пауперизма, что все выгоды, доставляемые народу общинным владением землею и самостоятельным хозяйством, вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором держится. <...> На Западе не было ни одной страны, где люди были так бедны, загнаны и несчастны»[165]. И добавлял к этому: «Я жил страданиями этого народа, я желал на себе испытать всю трудность его положения, чтобы изображать его во всей его реальности»[166]. Первую главу книги удалось напечатать: помогла рекомендация П. Л. Лаврова. Затем начались затруднения с публикациями других глав. Долго не удавалось найти издателя для всей книги. «Ре-

дакции журналов,— писал автор в своих воспоминаниях,— осыпали рукопись насмешками, издатели находили, что она никуда не годится. Жена моя (Э. И. Берви.— *А. Т.*), хлопотавшая по этому делу в Петербурге, измучилась и пришла в отчаяние. С большим трудом можно было поместить несколько статей в радикальном тогда журнале „Дело“»[167].

Выпуск этой книги Берви-Флеровского — большая заслуга Полякова. Это одно из важнейших по общественности значимости его изданий.

Капитальный, основанный на большом своде документальных фактов, труд русского экономиста был крайне недоброжелательно встречен многими органами печати как консервативной, так и либеральной.

П. К. Щебальский саркастически писал в катковском «Русском вестнике»: «Мы начали было читать книгу г. Флеровского серьезным образом, так как она имеет внешность серьезную, но кончили тем, что перелистывали ее»[168]. А Ф. Н. Берг прямо утверждал в «Заре»: «Труд г. Флеровского не может иметь никакого серьезного значения»[169].

С другой стороны, радикальная пресса горячо приветствовала книгу Флеровского, хотя и не могла по цензурным обстоятельствам сказать всю правду об ее истинном значении.

Необыкновенно велико было пропагандистское значение этой книги, ее воздействие на революционную молодежь. Видный участник революционного движения 70-х гг. О. В. Аптекман писал: «Как современник, я без преувеличения могу засвидетельствовать, что появление этой книги было призывным набатом, раздавшимся неожиданно в тиши глубокой ночи: — спящие, проснитесь! Все мыслящее общество встрепенулось, а особенно молодежь. Она, молодежь, получила... книгу, раскрывшую ей глаза на тогдашнюю русскую действительность, книгу о народе, об обожаемом народе, о его жизни, экономическом положении, взглядах и идеалах. Молодежь была потрясена до глубины души»[170].

В другой своей книге О. В. Аптекман проводит любопытную параллель между воздействием книги Флеровского и «Историческими письмами» П. Л. Лаврова: «Обе книги читались одновременно, обе действовали на нас неотразимо. Параллель почти насильно навязывается. „Исторические письма“ — наш „символ веры“, указывавший нам путь к „прогрессу“, будивший нашу „критическую мысль“, формировавший в известной мере наше

мировоззрение, утверждавший нашу „личность", „прогресс творящую личность". „Положение рабочего класса" же ярко выпуклым, конкретным содержанием его, богатством и разнообразием красок, выхваченных из самой глуши народной жизни, кровью сердца автора написанными страницами будило наше чувство, заставляло биться наше сердце, возбуждая в нас беззаветную преданность и любовь к народу. „Письма" стимулировали наш ум, давали синтез, философию жизни. „Положение рабочего класса" давало конкретные факты действительности, „кричащие", зовущие на помощь. Одно дополняло другое, оба одинаково действовали на нас, подготовляли нас к борьбе за лучшие идеалы жизни; оба в конечном счете подготовляли нас к предстоящей революционной деятельности, когда наступила пора» [171].

«Положение рабочего класса в России» оказалось первой книгой, которую прочел Карл Маркс на русском языке. «Из книги *Флеровского*,— писал Маркс Энгельсу 10 февраля 1870 г.,— я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани). Это — первый труд, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Автор — решительный враг того, что он сам именует „русским оптимизмом". У меня никогда не было особенно радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Флеровский превосходит все ожидания. Поистине удивительным и во всяком случае показателем какого-то перелома является то, что подобная вещь могла быть напечатана в Петербурге <...> Видно, что человек этот сам всюду побывал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторонник общинной собственности), никаких нигилистических крайностей. Кое-где есть небольшая доза благодушного пустословия, которое, однако, вполне соответствует уровню развития тех людей, для которых предназначается данное сочинение. Во всяком случае, это — самая значительная книга среди всех, появившихся после твоего труда о „Положении рабочего класса"...» [172]. Спустя полтора месяца, 24 марта 1870 г., в письме членам комитета Русской секции I Интернационала Маркс снова чрезвычайно высоко оценил книгу Флеровского: «Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского „Положение рабочего класса в России". Это настоящее открытие для Европы. *Русский оптимизм*, распространенный

на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической. Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса. Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» [173].

12 февраля 1870 г. Маркс пишет Энгельсу, также чрезвычайно заинтересовавшемуся книгой Берви-Флеровского и желавшему приобрести ее для изучения: «Из его книги неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не может дольше продолжаться, что отмена крепостного права в сущности лишь ускорила процесс разложения и что предстоит грозная социальная революция» [174]. В окружении Маркса и на основании его отзывов появилась мысль о переводе книги Берви-Флеровского на один из европейских языков [175].

Летом 1870 г. русские жандармы, получив секретным путем сведения, что некий «Флеровский» навестил в Петербурге Полякова, а затем уехал к себе в Тверь, искали «Флеровского» там и, конечно, не нашли. Только 14 апреля 1871 г. (!) им наконец-то удалось выяснить, что Флеровский — псевдоним В. В. Берви.

III отделение довольно поздно забило тревогу по поводу выхода книги Флеровского. Любопытна записка управляющего этим отделением Шульца его шефу графу П. А. Шувалову, датированная 15 апреля 1871 г. Обещая в непродолжительном времени представить об этой книге «подробную записку», Шульц писал: «Сочинение, вышедшее в конце 1869 г. под заглавием „Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования Н. Флеровского“, замечательно во многих отношениях. Во-первых, у него нельзя отнять серьезность, благодаря которой оно для исследователей народного быта в разных местностях России приобрело значение источника, в научном смысле этого слова; во-вторых, в связи с серьезностью, в нем впервые весьма ловко и, так сказать, в непосредственном применении к делу, проведены социалистические тенденции, составляющие программу

„Интернационального Общества“ (I Интернационала.— *А. Т.*), с легкими изменениями, естественно вытекающими из различий между положением рабочего класса в России и Западной Европе; в-третьих, появление этой книги достопримечательно в цензурном отношении, как доказательство несостоятельности цензурных правил, если они призваны предупредить какую-либо агитацию, конечно, не совсем грубую. Наконец, что более всего заинтересовало в упомянутом сочинении, это таинственность автора»[176]. Граф Шувалов, которого за неограниченность его власти называли «Петром IV», прочел записку Шульца и на полях ее приписал карандашом: «Я словно передал К. Ф. Филиппеусу (заведующему агентурой III отделения.— *А. Т.*) о необходимости выяснить местопребывание Берви, с тем, чтобы над ним учредить особое наблюдение. Не может быть сомнения в том, что он теперь в центре социалистов»[177]. Берви-Флеровский в это время действительно был «в центре социалистов», близко сойдясь с кружком революционной молодежи — «чайковцами». Скорее всего, познакомился он с ними благодаря Полякову. В этой умной, славной молодежи Берви увидел своих сподвижников, надежду будущей России.

Позднее Берви-Флеровский вспоминал об истоках его тесного союза с молодежью: «Я находил, что в данную минуту наше дело должно заключаться в том, чтобы прежде всего и более всего внести новые идеи в среду народа. В этом отношении я вполне сошелся в мыслях с молодежью; книжное дело дало им возможность создать обширную организацию, и теперь они поглощены были стремлением сосредоточить все эти силы на пропаганде в народе»[178]. Уже при первом свидании с «чайковцами», как вспоминал Берви-Флеровский, «мы решили, что они будут впредь издавать все мои сочинения. Так как первое издание „Положения рабочего класса“ было уже почти распродано, то они предложили мне сделать второе издание. Но у меня было намерение превратить эту книгу в постоянно возобновляемый новейшими данными сборник сведений о положении рабочего класса, а потому, согласившись отдать им второе издание, я хотел сначала его переделать. А между тем я отдал им для напечатания готовую у меня книгу — „Азбуку социальных наук“. Я ценил „Азбуку“ выше „Рабочего класса“, так как я с нею начинал высказывать свое мировоззрение... В переданных молодежи двух частях книги я проследил значение и вредное общественного мнения в

обществах дикарей, в обществах неподвижного обычая и застоя, в обществах социального преобладания теократического влияния, и, наконец, в странах восточной цивилизации (Китай, Япония, Индия, малайская цивилизация на Яве и пр.). Молодежь исполнила свое дело, как нельзя лучше...» [179].

«Азбука социальных наук» была первым собственным изданием кружка М. А. Натансона. Назваться официальным издателем книги было предложено члену кружка Ф. Лермонтову, который не находился на подозрении. Это могло придать изданию не политический, а чисто коммерческий вид. Однако, как свидетельствует анонимный автор очерка истории этого кружка, «Лермонтов отклонил предложение без объяснения мотивов, хотя и знал, что в таком случае ответственным лицом придется быть Чайковскому или Натансону, к которым были приставлены три постоянные шпиона» [180]. Именно тогда, очевидно, руководители кружка обратились к Полякову с просьбой выступить формальным издателем книги. На деле это сводилось к посредничеству между типографией и кружком. Официальная ответственность за книгу в случае судебного преследования падала на автора. Тесно связанный с этим кружком, Поляков, конечно, согласился. Корректуру «Азбуки» держал М. Натансон.

Книга была напечатана в типографии В. Нусвальта и 23 сентября 1871 г. представлена в цензурный комитет. Поскольку на ней не были указаны ни издатель, ни автор, комитет запросил об этом типографию, которая ответила, что «издатель книги „Азбука социальных наук" есть дворянин Николай Петрович Поляков, жительствующий по 10 линии Васильевского острова в доме № 5. Сочинение оригинальное. Имя автора типографии неизвестно» [181]. Цензор Н. Е. Лебедев дал положительное заключение о книге, и на этом основании уже 24 сентября был получен билет на ее выпуск в свет. Поляков немедля получил из типографии 2490 экз. Согласно его позднейшим показаниям, 600 экз. он передал в петербургский магазин «А. Черкесов и К°», 200 экз. — в Магазин для иногородних (Ф. Павленкова — М. Надеина), а 1690 экз.— Чайковскому, который передал для распространения студенту Медико-хирургической академии Ивану Рождественскому — 300 экз., студенту Технологического института Александру Вербицкому — 200 экз., члену кружка Дмитрию Клеменцу — 50 экз. Остальные экземпляры Чайковский продавал в розницу.

III отделение давно внимательно следило за деятель-

ностью кружка «чайковцев». К осени 1871 г. здесь скопилось целое собрание «обильных материалов и фактов, хотя не имеющих силы юридических доказательств на суде, даже не удобных к оглашению пред судом, но дающих нравственное убеждение не только в самом существовании организации, но и в том, кто именно суть лица, непосредственно руководящие делом»[182]. С юридической точки зрения, члены кружка совершали лишь одно «преступное» действие — хранение запрещенных книг, за что закон определял «весьма малое наказание», и поэтому некоторое время охранка лишь наблюдала за деятельностью кружка. Выход «Азбуки» переполнил чашу терпения. Рецензент III отделения отметил: «Автор этой книги, Берви (имя анонимного автора уже не было секретом.— *А. Т.*), разбирая различные общественные формы, группирует все данные так, что становится очевидным намерение его привести читателя к убеждению о несостоятельности существующего порядка вещей»[183]. И рецензент делал вывод: «Не подлежит сомнению, что книга эта, в случае ее распространения, имела бы самое пагубное влияние в особенности на молодежь, не установившуюся еще в своем мировоззрении и лишенную всяких средств критического отношения к подобного рода произведениям, в особенности, когда они, как это было в данном случае, написаны увлекательным языком». Граф Шувалов, шеф III отделения, подает «всеподданнейший» доклад, в котором, в частности, сообщает: «По уставу русской ветви „Интернационального общества“, найденному при одном обыске в Москве, в апреле текущего года, предположено, между прочим, образование обществ или тайных кружков для издания сочинений по политическим наукам. Недавно в Петербурге в продажу поступила книга под заглавием „Азбука социальных наук“. На обертке нет ни имени автора, ни издателя, а значится только, что книга напечатана в типографии Нусвальта. Имеются достоверные сведения, что „Азбука социальных наук“ сочинена известным социалистическим писателем Флеровским (Берви), издана же тайным кружком, образованным из лиц, состоящих под постоянным наблюдением III отделения е. и. в. канцелярии. Тем книга эта, как первое явственное осуществление программы русской ветви „Интернационального общества“ по издательской части, приобретает особое значение, независимо от содержания. Издатели предполагают доставить означенному сочинению возможно большее распространение в среде моло-

дежи, для чего, отпечатав 2500 экземпляров, они его продают молодым людям с значительною уступкою против магазинной цены. Составляя объемистый том в 500 страниц, „Азбука социальных наук" не могла еще быть просмотрена вполне. Краткое изложение из ее содержания будет представлено вслед за сим на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества». На полях доклада царь «начертал»: «Азбуку эту не следует допустить к продаже, о чем М. В. Д. сделать нужное распоряжение. 15 октября 1871 года» [184].

В следующем докладе Шувалов привел обещанные им извлечения из книги Берви-Флеровского со своим «объяснением»: «Задача вышедших двух частей... состоит в том, чтоб разъяснить значение и влияние различных общественных форм и показать их неудовлетворительность. Третья часть, еще не появившаяся в свет, вероятно, представит собственный социальный идеал автора» [185].

Третий «всеподданнейший» по поводу «Азбуки» доклад от 30 октября 1871 г. также содержал примеры, рассказывающие о нелегальном распространении изданий Полякова: «Вообще до сих пор сочинения социалистические, как, например, 1-й том сочинений Лассаля, сочинение Флеровского „Положение рабочего класса в России" и т. п., свободно продавались в магазинах и немало содействовали распространению социалистических идей в среде учащейся молодежи. В настоящее время, когда уже достаточно выяснился вред подобного порядка вещей, казалось бы, необходимо принять меры к отвращению зла, все более и более проникающего в молодые умы и совращающего их нередко с законного пути» [186].

Рукою Левашева на полях помечено: «Его величеству угодно было повелеть запретить обращение этой книги („Азбуки".— *А. Т.*) в публике с судебным преследованием, обратив внимание кн. Урусова (товарища министра юстиции.— *А. Т.*) на необходимость немедленно дополнить закон таким образом, чтобы издание подобных сочинений не могло оставаться без наказания».

Царский приказ стал немедленно исполняться. 1 ноября «заведывающий» Главным управлением по делам печати генерал-майор Шидловский послал отношения петербургскому обер-полицеймейстеру и московскому генерал-губернатору «о безотлагательном заарестовании всех экземпляров» «Азбуки», «находящихся у книгопродавцев и в складах». На другой день Шидловский сооб-

щил Петербургскому цензурному комитету, что «в виду крайне вредного направления, в политическом и религиозном отношениях», «Азбуки социальных наук» «министр внутренних дел признал необходимым возбудить против виновных в напечатании оной судебное преследование»[187]. Столичный цензурный комитет 19 ноября отправил Полякову просьбу сообщить «в возможно непродолжительном времени сведения об имени, отчестве, фамилии, звании и местожительстве автора» «Азбуки», что, как мы знаем, было уже известно III отделению и даже самому царю. Поляков не спешил с ответом. Он решил встретиться с Берви, чтобы выработать план действий. Тем временем III отделение решительно взялось искоренять крамолу. 20 ноября Левашев подал царю очередной доклад. Связав издание «Азбуки» со «значительными успехами» «противуправительственной агитации в среде молодежи», Левашев писал: «Распространение тайными путями этой и подобной ей книг составляет специальное занятие одной части лиц, участвующих в организации. III-му Отд. собственной вашего императорского величества канцелярии было известно заранее, что в предвидении возможности запрещения названного сочинения 800 экземпляров его были припрятаны». Устно Левашев добавил, что производимые обыски не могут принести «желаемой пользы», поскольку неизвестно, как поступать с участниками кружков, которых на основе действующих законов невозможно осудить. Разрешение этого вопроса царь отложил до возвращения из отпуска графа Шувалова.

«Азбука» была дана на вторичный просмотр цензорам. На этот раз они нашли, что «цель автора осуждать современный общественный порядок и проводить самые вредные учения в читающую публику оказывается несомненною»[188]. На основе их отзыва было составлено отношение цензурного комитета к прокурору судебной палаты (от 24 ноября 1871 г.) с просьбой возбудить «против издателя оной дворянина Николая Петровича Полякова (жительствующего на Васильевском острове на углу 10 линии и Большого проспекта в д. Брейтфуса) судебное преследование на основании статей 181, 1035, 1036 и 1037 Улож. о наказ.». «Имя и местожительство автора книги,— отмечалось в отношении,— несмотря на сделанные о сем сношения с издателем, Комитету неизвестны». Кроме того, «имея в виду крайне вредную тенденциозность книги, проводящей целую доктрину новых социальных учений с видимою целию поколебать в об-

ществе доверие к существующему ныне государственному и общественному строю и пропагандировать крайние социалистические учения, Комитет считает долгом требовать применения к сему сочинению («Азбуке».— *А. Т.*) ст. 1045 Улож. о наказ. об уничтожении самой книги»[189].

Тем временем III Отделение стало производить обыски. Временно был закрыт магазин «А. Черкесов и К°», где продавалась книга. «Магазин был закрыт,— писал Берви-Флеровский,— и вывешено объявление, что он закрывается по распоряжению Третьего Отделения. Когда по обыкновению вся фешенебельная публика высыпала на Невский для прогулки и читала эту надпись, произошел громадный скандал»[190]. 27 ноября Натансон был вызван в III отделение и там задержан. Обыски были произведены и в Москве.

Жандармы поняли, что они имеют дело с целой организацией: центр ее — петербургский кружок Натансона, филиалы — группы в Москве, Харькове, Одессе и других крупных городах. Больше всего охранку напугало, что за кружками, занимающимися «книжным делом», стоит русская секция «Международного товарищества рабочих» — I Интернационала.

Шувалов в докладе 30 ноября 1871 г. предлагает еще более усилить административную власть охранки в борьбе с крамолой. Вместе с тем он заявлял, что «организованная торговля посредством тайной книжной торговли окончательно уничтожена, ибо уничтожение ее в Петербурге неминуемо повлечет за собою исчезновение ее во всех других местах». В январе 1872 г. Марк Натансон был сослан в Архангельскую губернию в административном порядке. Туда же выслали руководителя московского кружка «чайковцев» А. Пругавина.

«Бесчинство и безобразие Третьего Отделения возбудило всеобщее негодование, оно разыскивало книгу, которая продавалась открыто во всех магазинах, не была осуждена судом и которую конфисковать оно не имело никакого права...»,— писал Берви-Флеровский[191].

«Азбуку социальных наук» не удалось предать суду. Прокуратура отказалась составлять обвинительный акт, так как полагала, что нет оснований для ее судебного преследования. Судьба книги обсуждалась в высших сферах, и сам министр юстиции доказал невозможность ее обвинения по существующим законам. Этот инцидент послужил непосредственным поводом к утверждению нового порядка, при котором дозволялось изъятие книг из обращения административным порядком — решением

комитета министров по представлению министра внутренних дел. При этом авторы, издатели и книготорговцы перестали подлежать судебному преследованию.

По решению комитета министров все конфискованные экземпляры «Азбуки» были уничтожены.

Жандармские репрессии не остановили деятельность «чайковцев». Вслед за «Азбукой социальных наук» они решили напечатать сборник статей Берви-Флеровского по современным вопросам. Первоначально он должен был состоять из трех частей: 1) Толки прессы по нечаевскому делу, 2) Школа и 3) Философия податей. Первое известие об этом сборнике содержится в донесении начальника новгородского губернского жандармского управления Жолобова в III отделение от 6 декабря 1871 г.[192] В одном из донесений от 17 февраля 1872 г. Жолобов сообщил, что в печатании сборника Берви-Флеровского произошла задержка от того, «что будто Поляков, маскированный издатель этих произведений, осведомился от кого-то из цензоров, что, по настоянию сильной власти, означенных произведений пропустить нельзя, а потому ему был дан совет изменить название статей и затем представить их для пропуска, вследствие чего сочинение это озаглавлено теперь: „Четыре вопроса и четыре ответа" под вымышленной редакцией Чернышева»[193]. III отделение мгновенно сообщило руководителям охранки: «Об упомянутом выше изменении предупреждается Главное управление по делам печати»[194]. «Чайковцы» подстраховали себя: книга анонимного автора была представлена в цензуру 8 марта 1872 г. под третьим названием — «Исследования по текущим вопросам», а издателем указан не Поляков, а «жена коллежского секретаря Елизавета Яковлевна Волженская». Впрочем, это не помогло. На запрос цензурного комитета типография Нусвальта сообщила, что автор книги — «дворянин Василий Васильевич Берви (под псевдонимом Г. Иванов), жительствует в Новгородской губернии в селе Любань»[195]. Против автора возбуждено было судебное преследование, но затем остановлено в связи с передачей решения о судьбе книги комитету министров. В представлении комитету министр внутренних дел Тимашев писал: «Рассматриваемое сочинение опирается на такие начала, которые опровергают основания всякого государственного строя, подбирает и извращает исторические факты с целью выставить в самом бедственном состоянии большинство населения государств, возбуждает не только недоверие, но и ненависть к существую-

щим государственным и общественным порядкам и законам, правительству, высшим и имущественным сословиям, к существующим образам правления и христианству; оправдывает побуждения государственных преступников и революций и представляет Парижскую коммуну единственным путем к достижению благосостояния, а коноводов ее — олицетворением честности и благородства»[196]. В результате почти весь тираж книги был уничтожен.

Было уничтожено и второе издание книги «Положение рабочего класса в России», напечатанное «чайковцами».

Сотрудничество Полякова с Берви-Флеровским не ограничилось выпуском оригинальных сочинений писателя. Известно, что для Полякова Берви-Флеровский также перевел и несколько зарубежных трудов. «Переводы я получал от Полякова,— вспоминал впоследствии Берви-Флеровский.— Это были все книги первостепенного значения. В том числе была книга Лассаля «Теория приобретенных прав»[197]. Переводчик назвал лишь самую капитальную из этих работ. В библиотеке издателя сохранялись рукописи двух неопубликованных переводов Берви-Флеровского: наряду с книгой Лассаля — «Гражданская свобода и самоуправление» Ф. Либера[198]. Наконец, по свидетельству Э. И. Берви, в Твери, где они жили с осени 1868 по 1870 г., Берви-Флеровский «переводил Лассаля „Теорию приобретенных прав“, Либера о Гражданской войне, Спенсера Соц<иальная> статистика»[199]. Последнее свидетельство чрезвычайно важно: здесь указывается неизвестный перевод Берви-Флеровского.

Книга Спенсера «Социальная статика», напечатанная Поляковым, была запрещена и уничтожена. Однако имя переводчика этой книги оставалось неизвестным, поскольку в цензурных документах он не упоминался, и только свидетельство Э. И. Берви позволяет установить его. Участь трудов, переведенных Берви-Флеровским для Полякова, печальна: два так и остались в рукописи (и, очевидно, погибли), а третий был напечатан, затем запрещен и сохранился в считанных экземплярах. Останавливаясь на судьбе этих своих переводов, Берви-Флеровский писал: «Но и тут меня постигло несчастие. Поляков за пристрастие к издательству хороших книг подвергся таким же преследованиям, как и я. У него было арестовано книг (изданий) на 80 тыс. руб. и из богатого человека он оказался чуть ли не банкро-

том. В том числе пропали и мои переводы и не появились в свет» [200].

Не позднее 1867 г. у Полякова был замысел издать перевод книги американского писателя и ученого Франца Либера (Lieber) «Civil liberty», оригинальное издание которой вышло в 1853 г. В объявлении на обложке книги Ш.-Э. Брауна-Секара «Лекции о физиологии и патологии центральной нервной системы...» (1867 г.) среди печатаемых «Русской книжной торговлей» изданий указана, вместе с «Левиафаном» Гоббса и «Государем» Макиавелли, книга Либера «О гражданской свободе». Скорее всего, перевода тогда у Полякова еще не было,— Э. И. Берви относит время его создания к тверскому периоду административной ссылки Берви-Флеровского, и был он выполнен не ранее 1870 г. Однако Поляков нередко делал объявления о печатании книг, не имея на руках готового перевода, очевидно, с целью проверить реакцию властей, а также и потенциальных читателей. (Например, еще в 1868 г. появилось объявление о «Капитале» Маркса, перевод которого был получен Поляковым только в 1871 г.)

Шквал репрессий, обрушившихся на Полякова в 1872—1873 гг., разорил его и заставил прекратить издательскую деятельность. Многие рукописи, полученные Поляковым, так и не дошли до печатного станка. Среди них был и перевод книги Либера «Гражданская свобода и самоуправление».

Такая же судьба постигла и перевод труда Фердинанда Лассаля «Теория приобретенных прав». Выпуская в 1870 г. «Сочинения» Лассаля в двух томах в переводе В. А. Зайцева, Поляков в предисловии к первому тому заявил, что «Теория приобретенных прав» — «обширное (70 печ. л.) исследование», которое «приготовляется в настоящее время к печати и выйдет в течение 1871 г. совершенно отдельным изданием». Берви-Флеровский рассказал, что побудило его взяться за этот перевод: «Я принял на себя этот труд потому, что перевода желали лучшие сотрудники крестьянской реформы. Когда-то, когда они занимались делом реформы, из нее они почерпали свои идеи и в том числе ту идею, по которой свобода предоставлялась крепостным безвозмездно» [201]. Диссертация Лассаля «Das System der erworbenen Rechte» вышла как раз накануне крестьянской реформы в России — в 1860 г. Судя по всему, мысль о переводе «Теории приобретенных прав» была подсказана К. Д. Кавелиным, довольно близким знакомым Берви-Флеровского.

В 1870-е гг. Кавелин помог Берви-Флеровскому выпустить одну из его «крамольных» книг за счет Литературного фонда. Поляков также, несомненно, знал Кавелина еще по Петербургскому университету.

Сохранилось свидетельство Берви-Флеровского о трудностях работы над переводом диссертации Лассаля: «Это была философская книга, написанная труднейшим гегелевским слогом. Слог этот был в поразительном контрасте с изящным и легким слогом его (Лассаля.— *А. Т.*) популярных сочинений. Мне стоило много труда, чтобы сделать перевод доступным для обыкновенного читателя» [202].

Арест второго тома «Сочинений» Лассаля в ноябре 1870 г., запрещение и уничтожение этого тома, а также и вышедшего первого, сделало невозможным и издание перевода «Теории приобретенных прав».

На переводе книги Герберта Спенсера «Социальная статика» стоит остановиться подробнее. Это единственный из переводов Берви-Флеровского, который был напечатан. Но цензура не разрешила выпустить его в свет. Это открыто революционная книга, полностью отрицающая монархический образ правления, оправдывающая его ниспровержение насильственным путем. Она характеризует политическое настроение и Берви-Флеровского, и Полякова. Поляков, в этом нет сомнения, сознательно не выставил на этой книге имени переводчика. Это дало бы еще один повод к преследованию писателя властями. По существующему тогда закону за выпуск переводного произведения издатель один нес всю юридическую ответственность.

Отпечатанная без предварительной цензуры книга Герберта Спенсера «Социальная статика. Изложение социальных законов, обусловливающих счастие человечества» поступила на рассмотрение в Петербургский цензурный комитет 4 января 1872 г. Прочитавшие ее цензоры А. И. Смирнов и Е. М. Богданов в заседании комитета заявили, что книга эта совершенно невозможна к выпуску в свет, поскольку «в крайних выводах автор приходит к отрицанию права собственности на землю, доказывает, что всякое правительство есть зло и в таком духе изложено все сочинение» [203]. Комитет определил: книгу арестовать, а против ее издателя Н. П. Полякова возбудить судебное преследование [204]. 6 января тираж книги в количестве 2985 экз. (15 экз. было прежде отдано в цензуру) был опечатан в типографии Неклюдова [205].

По мнению цензоров, «...автор приходит к заключению вообще о ненормальности порядка, существующего в государствах, построенного, по его мнению, на безнравственности и зле; о праве народа на верховную власть, узурпированную, как он утверждает, правителями; о праве всех людей на пользование землею; о праве игнорировать государство и сопротивляться различным требованиям его, не согласным с законом равной свободы, о равноправности отношений, вытекающих из союза семейственного, и о необходимости регулировать государственное устройство сообразно проводимому им учению» [206].

Действительно, объясняя происхождение революций несообразностями между политическими учреждениями и народными свойствами, Спенсер оправдывает их как историческую необходимость. «Существование правительства,— говорит он,— не подчиняющегося народной воле, т. е. правительства деспотического, предполагает такую обстановку, при которой возможна одна насильственная перемена».

Упорно проводил Спенсер и мысль о праве народа на власть: «Первоначальный владелец власти есть народ, а правительство не более как агент общества; правительство может пользоваться властью только так, как этого желают те, которые его назначили; народ, если захочет, может снова взять у правительства власть в свое владение; право народа выше права правительства...»

Надо было обладать подлинным гражданским мужеством, чтобы решиться издать такую книгу в самодержавной России. Поляков прекрасно понимал, на какой риск он идет. Сделать такой отважный шаг мог лишь поистине идейный издатель.

Прокурор судебной палаты В. Попов полагал приостановить производство этого дела до тех пор, пока не будет получено решения министра юстиции «на сделанные ему представления по вполне однородным с настоящим делом многим другим литературным делам» (запись от 15 марта 1872 г.) [207]. В тот же день он послал запрос в Комитет цензуры иностранной, было ли воспрещено «к обращению в империи» оригинальное издание книги Спенсера «Социальная статика» на английском языке. 18 марта 1872 г. Комитет цензуры иностранной в ответе за подписью председателя Комитета Ф. И. Тютчева уведомил прокурора, что сочинение Герберта Спенсера «Social Statics», изданное в Лондоне в 1861 г., «дозволено иностранной цензурою в мае 1862 г.» [208].

Судебного постановления о книге и ее издателе так и не состоялось. 4 апреля 1873 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев подписал заключение: «Вся книга посвящена изложению крайне радикального учения, клонящегося в окончательном выводе к разрушению всего существующего государственного строя и оправдывающего ввиду этой цели самые насильственные средства. Распространение такой книги в массе русских читателей произвело бы на них самое вредное и опасное впечатление. Уничтожая достоинство верховной власти и правительства вообще, как установлений безнравственных, объясняя авторитет их дикостью нравов, внушая враждебное настроение ко всем их проявлениям, возбуждая и оправдывая противодействие распоряжениям правительства, книга Спенсера послужила бы опорой всем анархическим стремлениям, оправданием самых преступных увлечений» [209]. Комитет министров нашел, что распространение перевода книги Спенсера «крайне вредно», и постановил выпуск в свет этого издания «воспретить».

„Исторические письма“

Одним из самых замечательных изданий Полякова стали «Исторические письма» П. Л. Лаврова. Давний знакомый Н. Л. Тиблена, принимавший близкое участие в «Современном обозрении» и «Библиографе» 1869 г., П. Л. Лавров, несомненно, был хорошо известен Полякову. Вполне возможно, что они были знакомы еще до ареста и ссылки Лаврова.

Первоначально в 1868—1869 гг. «Исторические письма» под псевдонимом «П. Л. Миртов» печатались в газете «Неделя». По словам Лаврова, содержание «Писем» составили вопросы, которые «наиболее занимали прессу в данную минуту», «не всегда, по мнению автора, самые важные по существу» [210]. Однако «Письма» произвели огромное впечатление на читателей, особенно на молодежь. Успех «Писем» у читателей заставил автора переработать их «в более последовательное целое» для отдельного издания. Чтобы обезопасить рукопись книги от полицейского сыска, Лавров отдавал ее по частям переписывать знакомым вологодским семинаристам, а затем копию посылал в Петербург. Герман Лопатин, сам бежавший из ссылки и перед отъездом за границу в феврале 1870 г. заехавший в Кадников, чтобы устроить побег Лаврова, впоследствии вспоминал: «Одно только

обстоятельство несколько озабочивало Лаврова. Дело в том, что в это время Лавров начал издавать отдельной книжкой свои „Исторические письма", и рукописи его в целях конспирации переписывались в Вологде местными семинаристами. Петр Лаврович дал мне адрес этих семинаристов и усиленно просил забрать все рукописи»[211], что и было сделано. Следовательно, в феврале 1870 г. текст всей книги был доставлен в Петербург и передан для напечатания в типографию А. М. Котомина. На самой книге издатель не был указан. О том, что им был Поляков, известно из цензурного дела. Цензор Скуратов нашел книгу явно неблагонамеренной, полагая, что она «может быть источником значительного вреда в сравнительно тесном кругу учащейся молодежи». Вместе с тем, по его мнению, это «философское сочинение, не могущее рассчитывать на обширный круг читателей», к тому же оно «не представляет достаточных оснований к судебному преследованию»[212]. Член Главного управления по делам печати Еленев практически согласился со Скуратовым. Он, конечно же, увидел, что в «Письмах» «систематически развивалось учение об организации борьбы против существующего общественного строя, и что они „противны нашим государственным принципам", однако также считал, что она понятна лишь „известному классу читателей" и не видел возможности прибегнуть к судебному преследованию»[213]. В сентябре 1870 г. книга вышла в свет. «...Единственные два ее экземпляра, достигшие до автора,— писал Лавров спустя двадцать лет,— получены были им в Париже, как раз накануне того дня, когда германская армия, обложившая Париж, отрезала его на несколько месяцев от сообщений со всем остальным миром, в том числе и с Россиею»[214].

Многие русские революционеры 70—80-х гг. отмечали огромную популярность «Исторических писем». Среди них — Н. В. Чайковский, Л. Э. Шишко, П. А. Кропоткин, Н. Г. Кулябко-Корецкий, О. В. Аптекман, В. К. Дебагорий-Мокриевич, М. Г. Ланганс, П. Б. Аксельрод, Г. В. Плеханов. «Эта небольшая по размерам работа,— писал П. А. Кропоткин,— появилась как раз в надлежащий момент, а именно, когда наша молодежь стремилась найти новую программу деятельности среди народа. Лавров проповедовал в этих „Письмах" работу среди народа и для народа, указывая образованной молодежи на ее задолженность народу и на ее обязанность уплатить долг беднейшим классам населения, так как образование было получено на их счет. Проповедь сопровождалась, при

этом, обильными историческими намеками, философическими выводами и практическими советами. Эти „Письма“ имели громадное влияние на молодежь»[215]. По выражению О. В. Аптекмана, для революционной молодежи «Исторические письма» явились «революционным евангелием, философией революции».

П. Л. Лавров. 1870-е гг.

Тесные связи Полякова с П. Л. Лавровым подтверждаются целым рядом материалов. Так, М. А. Маркович (Марко Вовчок) писала Лаврову в конце декабря 1870 г.: «Теперь перехожу к Вашим другим поручениям и Вашим проектам. Дочка Ваша сказала мне, что П<оляков> готов издавать, только хочет несколько пообождать, и что она также желает с ним переговорить. Также с Г<ольдсмитом>. Я отдала ей Вашу наставительную записку об этих делах»[216].

Неизвестно, об издании какой книги Лаврова говорила его дочь М. П. Негрескул с Поляковым. Возможно, о первом томе «Опыта истории мысли», который был почти полностью завершен. (Вскоре рукопись была потеряна автором. Восстановить же ее, по словам Лаврова, было почти невозможно, так как это был результат многолетней работы. Эта потеря, в известной мере, и помешала Лаврову окончить свой труд, известный под заглавием «Опыт истории мысли нового времени»[217]). А может быть, в декабре 1870 г. Поляков думал о втором издании «Исторических писем» и именно об этом говорил с дочерью Лаврова?

В марте 1872 г. Лаврову было предложено подготовить второе издание «Исторических писем» для России. По его словам, он «с радостью принялся за это дело»[218], и вскоре значительно дополненный и исправленный оригинал был отправлен в Петербург. Книгу вновь хотел

выпустить Поляков. По сведениям самого Лаврова, «даже чуть ли не было приступлено к печатанию нового издания»[219]. Однако оно не состоялось. Очевидно, цензуре стало известно подлинное имя автора — политического эмигранта и книга была запрещена. «Тогда же,— писал Лавров,— или вскоре после того и первое издание было извлечено из обращения по распоряжению администрации»[220]. Оказались невозможными в России и многие последующие издания «Исторических писем» вплоть до 1906 г. Даже в 1904 и 1905 гг. они запрещались[221].

Трагическая утрата рукописи первого тома «Опыта истории мысли» не заставила Лаврова отказаться от создания этого труда, который он считал своей главной теоретической работой и до конца жизни продолжал его. В 1874 г. он завершил первый выпуск первого тома этого произведения, назвав его первоначально «История западноевропейской мысли», и переслал для издания в Россию. Из писем Лаврова известно, что Поляков намеревался вместе с редакцией журнала «Знание» участвовать в издании этой книги[222]. Она вышла в Петербурге в 1875 г. под названием «Опыт истории мысли» (т. 1) как издание редакции журнала «Знание».

27 июня 1872 г. агент III отделения доносил о том, что «чайковцами» уже собраны средства на издание заграничного журнала, но Поляков считает нужным «прежде журнала наладить распространение народных книжек»[223]. Речь шла о выпуске будущего журнала «Вперед!», который стал издаваться под руководством Лаврова. Когда же этот журнал стал выходить, Поляков оказал ему финансовую поддержку[224].

„Сочинения“ Радищева

Известна причастность Н. П. Полякова к изданию двухтомных «Сочинений» Радищева 1872 г., запрещенных царской цензурой[225].

...Почти 80 лет радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» находилось в России под полным запретом. В 1858 г. оно было перепечатано в Лондоне А. И. Герценом. Многие экземпляры этого издания проникли в Россию. Сын Радищева, Павел Александрович, и в 1858, и в 1859 г. пытался добиться разрешения на новое издание «Путешествия», но каждый раз получал отказ. Даже после отмены крепостного права попытки выпустить его остались безуспешными. Последняя из

них была предпринята П. А. Радищевым в конце 1865 г. вместе с литературоведом и библиографом Петром Александровичем Ефремовым (1830—1907), много лет собиравшим материалы для издания сочинений Радищева. Ефремов договорился с издателем И. И. Глазуновым, что тот будет финансировать издание, однако цензура вновь не разрешила напечатать радищевскую книгу.

И вдруг весной 1868 г. появляется сочинение «Радищев и его книга „Путешествие из Петербурга в Москву"». Это была перепечатка радищевского «Путешествия», осуществленная без предварительной цензуры. Однако ее издатель — «крестьянин Н. А. Шигин», который хотел сыграть на интересе к сочинению Радищева, боясь последующего запрещения книги и возможных убытков, сам изъял все «нецензурное». Книга сначала была арестована. Совет Главного управления по делам печати не усмотрел в ней ничего предосудительного, полагал возможным «ходатайствовать о высочайшем соизволении на отмену наложенного на сочинение Радищева запрещения, с тем, чтобы новые его издания были подчинены общим правилам действующих ныне узаконений о печати». Министр внутренних дел согласился с этим, к тому же нашел, что «сочинение Радищева представляет интересный памятник языка и понятий того времени» и что «новое издание этого сочинения, составляющего теперь библиографическую редкость, было бы небесполезно для истории отечественной литературы». 22 марта 1868 г. Александр II санкционировал мнение цензурного ведомства, которое приобрело силу высочайшего повеления [226].

Таким образом, шигинское издание принесло несомненную пользу: оно помогло формально снять запрет с последующих изданий радищевского «Путешествия». Однако содержание этой книги не могло удовлетворить читателей. Отклики в печати были на редкость единодушны: книга Шигина была расценена как чистейшей воды спекуляция. «Я слышал,— писал в рецензии на шигинское издание Незнакомец (А. С. Суворин),— что в непродолжительном времени выйдет другое издание этой книги, гораздо более удовлетворительное во всех отношениях» [227].

Речь, несомненно, шла о ефремовском издании.

Летом 1868 г. императорский указ об отмене запрещения на «Путешествие из Петербурга в Москву» был обнародован в печати. Появилась реальная надежда на то, что удастся выпустить все сочинения Радищева, в

том числе и «Путешествие». Однако прошло еще больше года, прежде чем Ефремову удалось найти единомышленников, которые бы взялись за издание сочинений Радищева.

15 сентября 1869 г. В. Я. Евдокимов писал Пыпину: «Мы задумали издать Путешествие Радищева под редакцией Ефремова. Возьметесь ли Вы написать к этому изданию предисловие. Я бы Вас очень просил об этом»[228]. Пыпин согласился.

Василий Яковлевич Евдокимов (1839 или 1840 — не ранее 1920) считался только заведующим петербургским магазином книжной фирмы А. А. Черкесова, однако на самом деле, как подтверждают материалы, фактически управлял делами всей фирмы. Как и Черкесов, Евдокимов был тесно связан с революционным подпольем. Александр Николаевич Пыпин (1833—1904), известный литературовед, профессор Петербургского университета, сотрудник (официальный редактор) некрасовского «Современника», был родственником Н. Г. Чернышевского и поддерживал регулярную связь с сосланным в Сибирь «государственным преступником».

В октябре 1869 г. в газете «С.-Петербургские ведомости» публикуется следующее объявление: «Печатаются и в конце нынешнего года появятся в свет издания книжного магазина Черкесова: Сочинения А. Н. Радищева, все, какие остались, со включением полного текста „Путешествия из Петербурга в Москву", по подлинному тексту издания 1790 г. с приложением портрета, новой статьи о Радищеве А. Н. Пыпина и примечаниями. Редакция издания П. А. Ефремова. Сочинения К. Ф. Рылеева, с портретом, биографической статьею и примечаниями. Редакция издания П. А. Ефремова»[229].

К концу 1869 г. ни то, ни другое издание не было завершено. Сочинения Радищева набирались еще два с лишним года. Издатели как бы выжидали наиболее подходящего момента для их выпуска. Пыпин был привлечен товарищами по изданию — Ефремовым и Евдокимовым — не только к написанию вступительной статьи, но и к фактическому соредакторству и участвовал в редакторской работе над изданием даже в начале 1872 г., т. е. незадолго до его полного напечатания. Однако какие-то обстоятельства мешали ему приняться за статью о Радищеве, и Евдокимов с Ефремовым, потеряв надежду получить ее (после двух лет ожидания), решили заказать статью другому автору.

На обложке и титульном листе, текст которого был

составлен Ефремовым, указывалось, что издание выходит со «статьею „О жизни и сочинения Радищева" А. П. Пятковского». Статья так и не была написана, однако Пятковский принял участие в чтении последних листов издания; в частности Ефремов и Евдокимов советовались с ним, в каком виде публиковать наиболее уязвимое в цензурном отношении произведение — оду «Вольность»[230].

В начале апреля 1872 г. оба тома «Сочинений» Радищева были полностью отпечатаны. Для напечатанных без предварительной цензуры изданий существовало тогда следующее правило выпуска в свет: установленное число экземпляров представлялось в цензурный комитет, и ровно через трое суток цензура обязана была или дать разрешение на выпуск издания, или арестовать его, чтобы затем возбудить судебное преследование против издателя или автора. При сдаче «Сочинений» Радищева в цензуру произошел чрезвычайно редкий в издательской практике того времени случай: издание представлялось дважды. Первый раз — 13 апреля 1872 г. Но уже на другой день, 14 апреля, типография Н. Неклюдова, в которой печаталась книга, обратилась в цензурное ведомство с таким прошением:

«В С.-Петербургский цензурный комитет.

Контора типографии Неклюдова имеет честь всепокорнейше просить С.-Петербургский цензурный комитет о возвращении представленных ею 13 сего месяца экземпляров сочинений Радищева т. I и II издания магазина Черкесова под редакцией Ефремова, так как редакция с согласия издателя намерена сделать в ней изменения, по исполнении которых книга Радищева т. I и II вновь будут представлены в цензурный комитет, на законном основании.

За содержателя типографии фактор типографии Неклюдова И. Мордуховский»[231].

Был ли это тактический ход издателя и редактора, чтобы «узаконить» появление полных, без цензурных купюр, экземпляров, или действие, вызванное переменой обстоятельств, или просто случайная ошибка типографских служащих,— это остается неизвестным. 13 апреля были представлены экземпляры с меньшим числом купюр, вызванных цензурными причинами; возможно даже, это были экземпляры, напечатанные полностью, без

пропусков. Один из таких экземпляров затем оказался в личной библиотеке Н. П. Полякова [232].

24 апреля 1872 г. книга была снова представлена в цензурный комитет. В тот же день Петербургский цензурный комитет просит петербургского обер-полицеймейстера «сделать зависящее распоряжение о наложении ареста на отпечатанные экземпляры», предупредив, что «срок выхода книги в свет наступит 27 текущего апреля в 1 ч. 30 мин. пополудни» [233]. И 27 апреля генерал-адъютант Трепов, обер-полицеймейстер, сообщает, что «отпечатанная в типографии Неклюдова книга „Сочинения Александра Васильевича (так!) Радищева, тома I и II“ арестована и, по опечатании, сдана на хранение фактору типографии» [234].

После ареста книги первый том ее было поручено рассмотреть штатному цензору А. И. Смирнову, второй — чиновнику особых поручений (с правами цензора) А. Н. Юферову. И пока они читали издание, канцелярия Петербургского цензурного комитета 28 апреля запросила типографию: на заглавном листе книги значится, что «она есть издание книжного магазина Черкесова», «кто именно является ответственным лицом по сему изданию, причем сообщит об имени, отчестве, фамилии, звании и месте жительства сего лица» [235]. И тут, несколько неожиданно, объявился еще один участник издания. Фактор типографии Неклюдова И. Мордуховский отвечает только через две недели — 11 мая 1872 г.:

«Контора типографии Неклюдова честь имеет известить С.-Петербургский цензурный комитет, что ответственное лицо по изданию Радищева дворянин Николай Петрович Поляков. <...> Жительство имеет: Васильевский Остров, в 10 линии по Большому проспекту, д. № 5, кв. № 5» [236].

Возможно, Поляков оказал Евдокимову исключительно дружескую услугу, согласившись выступить «ответственным лицом по изданию». Издатель-боец, поднаторевший в многочисленных баталиях с цензурой, согласился пострадать еще за одну книгу. Только что вышел первый том «Капитала» К. Маркса, выпущенный им. Он еще не знал, что больше цензура не пропустит ни одного его издания: будут запрещены больше десятка книг — на 65 тыс. руб. Таким образом, можно предположить, что Поляков был лишь чисто номинальным издателем «Сочинений» Радищева, благородно согласившимся взять на себя юридическую ответственность за крамольную книгу.

Но это лишь одна из версий. Можно предложить и другую.

Как известно, в 1876 г. вместе с Д. Е. Кожанчиковым и В. О. Ковалевским Поляков входил в администрацию книжного магазина Черкесова. Полноправным владельцем магазина был в это время Евдокимов. Известны иски кредиторов, предъявляемые одновременно Полякову и книжному магазину Черкесова в 1875 г. Вполне возможно, что Поляков был компаньоном Черкесова и Евдокимова уже в 1872 г. или раньше. И тогда его участие в издании сочинений Радищева могло носить, вероятно, не только юридический характер. В этом случае, он был не просто «ответственным за издание», а одним из издателей [237].

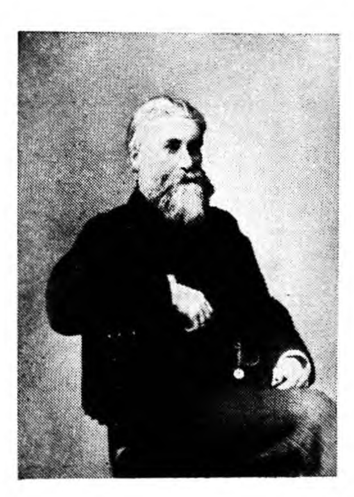
Вывод обоих цензоров был единодушен: возбудить судебное преследование против издателя «Сочинений» Радищева с тем, конечно, чтобы книгу запретить.

Цензурный комитет полностью согласился с мнением своих сотрудников. На основе их докладов было составлено отношение к прокурору С.-Петербургской судебной палаты от 23 мая 1872 г.— «О возбуждении судебного преследования против дворянина Николая Полякова, 1 и 2 т. книги „Сочинения Александра Николаевича Радищева“».

«В предисловии к представленной ныне в Комитет отпечатанной без цензуры книге Сочинения А. Н. Радищева,— говорится в документе,— издатель предуведомляет, что он сделал небольшие пропуски, применяясь к последовавшему в 1868 году разрешению напечатания этого сочинения, то есть к тому, чтобы оно было перепечатываемо на основании действующих ныне цензурных постановлений, но... на просмотре книги Комитет нашел, что и с этими пропусками она заключает в себе прямые нарушения законов о печати и распространение оной в таком виде и в настоящее время должно быть признано вредным <...>

Нападки автора относятся частию не к настоящему, а уже к минувшему порядку вещей, но принцип самодержавной власти, монархические учреждения, окружающие престол, авторитет и права власти светской и духовной, начала военной дисциплины,— все эти основные черты нашего государственного строя и в настоящее время те же, что были в последние годы царствования императрицы Екатерины II <...>

При сем Комитет имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что имея в виду опасное впечатление,

В. Я. Евдокимов

какое книга могла произвести не только своим преступным содержанием, но и крайней резкостью и несдержанностью изложения, принял чрез посредство г. оберполицеймейстера меры к задержанию экземпляров оной до выпуска их из типографии»[238].

Однако судебное преследование Н. П. Полякова за издание сочинений Радищева так и не состоялось. Летом 1872 г. по настоянию министра внутренних дел Тимашева были введены новые правила, значительно облегчившие расправу с «неугодными» изданиями. Теперь она становилась более скорой и крутой, чем при судебном разбирательстве, которое иногда издателю удавалось склонить в свою пользу.

И далее на протяжении почти девяти месяцев не появляется ни одного документа об издании «Сочинений» Радищева. То ли двухтомник Радищева просто ждал своей очереди, то ли не знали, как поступить с ним. Ведь в самом Главном управлении по делам печати были члены Совета, явно поддерживавшие мысль об издании «радищевского „Путешествия"». Это и Ф. Ф. Веселаго, во многом благодаря положительным отзывам которого в 1861 и 1868 гг. появилось распоряжение Александра II об отмене запрещения на издание «Путешествия» и была разрешена шигинская книга. Это и В. М. Лазаревский, который предоставил свой экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» 1790 г. Ефремову и именно с его экземпляра набиралось «Путешествие» в издании 1872 г.

21 апреля 1873 г. министр внутренних дел Тимашев подписал записку в Комитет министров, требующую запрещения книги Радищева.

9 мая 1873 г. Комитет министров согласился с мнением министра внутренних дел и запретил издание[239].

Разорение

В 1872 г. Полякову удалось выпустить в свет всего две книги: третье издание «Свободы речи...» Берви-Флеровского и «Капитал» Маркса. После этого цензура не пропускала ни одной книги, на которой стояла его фамилия как издателя. Более того, запрещают и уничтожают и те книги, на которых издатель не обозначен, но цензуре или III отделению известно, что к их выпуску причастен Поляков.

А у него столько издательских планов! Скопилось немало отпечатанных книг, ждущих разрешения, получены рукописи многих других задуманных изданий...

В 1872 г. он представляет в цензуру еще несколько отпечатанных изданий: «Социальную статику» Спенсера, второй том «Романов и повестей» Дидро, второй том «Истории возникновения и влияния рационализма в Европе» Лекки, два тома «Сочинений» Радищева, «Естественную историю миротворения» Геккеля, испрашивает разрешения представить на рассмотрение «Историю американских общин и ассоциаций» Нойеса в корректурных листах... Но все его издания —и новые, и арестованные старые, и даже некоторые уже разошедшиеся — ждет одинаковая участь: они безоговорочно запрещаются. Поводы для запрещения разные, а причина одна: издательская деятельность Полякова сочтена властями «в высшей степени неодобрительной».

Активная издательская деятельность Полякова насильственно прекращена. Воспроизведем печальный мартиролог его книг:

22 августа 1872 г. Комитет министров принял решение о запрещении распространения обоих томов «Сочинений» Лассаля (причем первый из них ранее был разрешен к выпуску).

7 сентября 1872 г. Полякову сообщено, что ему не разрешается представить в цензуру книги Нойеса в корректурных листах.

Затем уничтожаются: 9 декабря 1872 г.— «Философия истории» Вольтера и первый том «Исторических характеристик и этюдов» Шерра; 24 января 1873 г.— «Азбука социальных наук» Берви-Флеровского; 26 мая 1873 г.— «Социальная статика» Спенсера; 11 июня 1873 г.— оба тома «Сочинений» Радищева; 22 июня 1873 г.— «Исследования по текущим вопросам» Берви-Флеровского; 18 июля 1873 г.— «Естественная история миротворения» Геккеля; 24 июля 1873 г.— второй том «Истории возник-

новения и влияния рационализма в Европе» Лекки; 27 июля 1873 г. Комитет министров принимает решение о запрещении и уничтожении второго тома «Романов и повестей» Дидро; 23 июля 1874 г. уничтожается «Левиафан» Гоббса.

За полтора года у Полякова уничтожено 12 названий — 14 объемистых томов! Однако этот подсчет сделан только по известным сведениям. Некоторые документы о запрещении и уничтожении изданий Полякова не сохранились (например, дела об уничтожении сочинений Свифта в переводе В. Зайцева, «Истории человеческой культуры» Кольба в переводе А. Кропоткина, «Философии нищеты» Прудона и т. д.).

Поляков разорен. Уничтожено его изданий на сумму в 65 тыс. руб. Спустя 20 лет он напишет А. Н. Пыпину, что правительство уничтожило у него массу изданий «бесправно»[240]. Виновником своих бед он считал лично министра внутренних дел Тимашева («...личность, распоряжающаяся в настоящую минуту судьбами печати, такого сорта, что ждать от нее не то что уж разумного, а хоть не безумного отношения к таким делам...— невозможно... Она почитает нас, не нравящихся ей издателей, своими личными врагами — это буквально»[241],— писал Поляков Пыпину). За 10 лет тимашевского «управления» русской печатью была уничтожена треть всех книг, запрещенных за 80 лет — с 1825 по 1904 г. Впрочем, необыкновенно смелому идейному издателю, каким был Поляков, вряд ли было бы лучше и при другом «Герострате родной печати». Ведь расправлялись не столько с ним лично, сколько с ненавистными царизму идеями многих его книг.

Письмо к наследнику престола

Сознание того, что бóльшее число его изданий уничтожено бесправно, заставляет Полякова прибегнуть к защите... наследника престола великого князя Александра Александровича. В конце 1874 или в самом начале 1875 г. он обращается к нему с письмом-прошением. «Когда еще Александр III был наследником, Поляков обратился к нему с письмом (отвез его сам во дворец и передал адъютанту), в котором просил защиты. У Полякова пожгли уйму изданий, и на 65 тысяч рублей заставили понести убытков, и, кроме того, его предали суду за выпуск одной книги, воспользовавшись законом,

вышедшим позже этого издания. В письме к наследнику, написанному вообще резко, была между прочим такая фраза: „говорят, что Вы человек справедливый, докажите же это на деле“, главное, на что упирал Поляков — юрист сам — что суду его предавать не смели, так как закон обратной силы не имеет»[242].

Книга, о которой упоминал Поляков,— это, вероятнее всего, «Азбука социальных наук» В. В. Берви-Флеровского, которая была разрешена к выпуску в свет, а затем — по настоянию III отделения и лично царя — власти стали конфисковывать оставшиеся нераспроданными экземпляры книги, постановив на этот раз запретить «Азбуку» и привлечь к судебной ответственности ее формального издателя — Полякова.

Обращение Полякова к цесаревичу нашло отражение в письмах последнего к К. П. Победоносцеву. В недатированном письме (по связи со следующим письмом его следует датировать январем 1875 г.) Александр писал: «Прочтите, пожалуйста, любезный Константин Петрович, эту просьбу Полякова. Я сам нахожусь в таком же безвыходном положении, как и он, относительно его просьбы. <...> Просьба замечательно хорошо и толково написана, но положительно неисполнимая. Не можете ли Вы призвать Полякова к себе и переговорить с ним на словах, что возможно для него сделать? Я не знаю совершенно эту личность, может быть, Вам он известен. Единственное, что можно для него сделать, это помочь ему в денежном отношении, но опять сумма так велика, что я один не могу этого сделать, а, кроме того, личность его мне неизвестна и стоит ли того, чтобы давать ему сумму»[243]. 30 января Александр писал Победоносцеву: «Я Вам очень благодарен, любезный Константин Петрович, что Вы так заинтересовались этим бедным Поляковым. Я Вас совершенно уполномачиваю сказать Тимашеву (министру внутренних дел, которого Поляков считал главным виновником своих бедствий.— *А. Т.*), что я принимаю участие в Полякове»[244]. Наконец, в письме от 13 марта 1875 г. снова речь идет об издателе: «Насчет Полякова,— писал Александр,— я говорил с В. В. Зиновьевым и надеюсь, что можно будет устроить его просьбу. Я просил В. В. переговорить еще с Вами об этом деле»[245].

И снова вернемся к рассказу Полякова, записанному Минцловым: «Письмо возымело действие. Под председательством наследника было три тайных заседания Комитета министров, и Поляков был освобожден от суда, при-

чем из сумм Министерства внутренних дел ему вернули 10% потерь его. Письмо же его наследник пометил в резких местах синим карандашом и велел передать Полякову, что хотя письмо его написано смело, но оно ему понравилось, так как так мог писать лишь невинный и честный человек, и что он его не забудет» [246].

Конечно, это были только слова. Вскоре Александр III, как он признавался впоследствии, «совершенно забыл это дело Полякова» [247].

Хотя разорение Полякова и повлекло за собой прекращение его регулярной и масштабной книгоиздательской деятельности, однако он и позднее продолжал участвовать в выпуске книг. Правда, это делалось не единолично, а на кооперативных началах, к тому же негласно: Поляков перестал выставлять в книгах свое имя. Возвращенная властями благодаря его хлопотам часть убытков позволила ему продолжать книгоиздание в небольших масштабах.

Последние издания

Сохранились сведения о двух изданиях, выпуск которых он предпринял совместно с редакцией научного журнала «Знание», выходившего с 1870 по 1877 г. Это был журнал прогрессивного направления, тесно связанный с революционными народниками. Фактическими редакторами его были И. А. Гольдсмит и Д. А. Коропчевский. Одним из основных его авторов стал П. Л. Лавров. Сотрудничество в «Знании» было предложено даже К. Марксу. Журнал широко распространялся в среде русской интеллигенции, радикальной молодежи, его посылали в Вилюйск Чернышевскому [248], его читали русские эмигранты за границей, в частности Н. П. Огарев.

В «Знании» публиковались оригинальные и переводные статьи по естествознанию и социологии, обстоятельные обзоры и рецензии, а также библиографический указатель новых русских и иностранных книг. В журнале сотрудничали видные русские ученые: социологи, экономисты, этнографы, историки, медики, физики, химики, математики, такие как В. В. Берви-Флеровский, Н. И. Зибер, М. П. Драгоманов, П. И. Якоби, Ю. Э. Янсон, Ф. А. Бредихин, Д. А. Клеменц, Н. Г. Кулябко-Корецкий, братья П. А. и А. А. Кропоткины и др. Многие из этих людей были активными участниками революционно-на-

роднического движения или были близки к нему. С редакцией «Знания» поддерживали связь Г. А. Лопатин, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер.

Цензура отмечала, что журнал представляет «обширное поле для проведения материалистических и социалистических тенденций», что почти в каждом его номере содержатся статьи, в которых «возвещается необходимость полного переворота... общественного строя путем пропаганды, революций и проч.» [249].

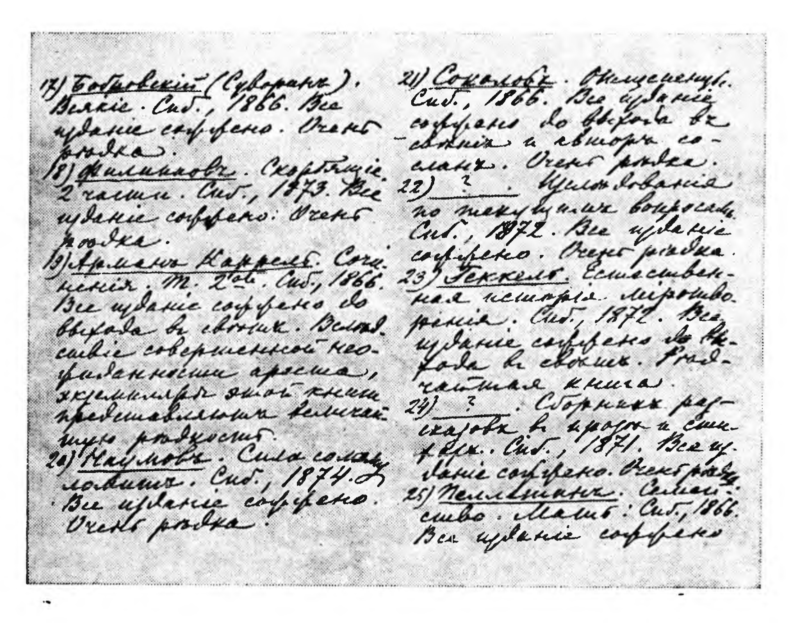
Журнал «Знание» был как бы преемником двух журналов, выпускавшихся «Русской книжной торговлей»,— «Современного обозрения» и «Библиографа» и по идейно-тематической направленности, и по составу сотрудников. Во всех трех изданиях активно участвовал П. Л. Лавров, в известной мере формируя и их идейную позицию. Номинальным редактором «Знания» был профессор П. А. Хлебников, один из ближайших сотрудников «Современного обозрения». Перешел в редакцию «Знания» и заведующий конторой «Современного обозрения» А. А. Жук. Активно стал сотрудничать в новом журнале А. А. Слепцов. Даже один из фактических редакторов «Знания» — ученый-антрополог Д. А. Коропчевский — был сотрудником «Современного обозрения». Так что не удивительна и близкая связь с редакцией «Знания» Н. П. Полякова.

Наряду с выпусками журнала его редакция издавала и отдельные книги. За семь лет существования журнала было выпущено 25 книг отечественных и зарубежных авторов, в том числе первый том основного труда П. Л. Лаврова «Опыт истории мысли», сборник очерков В. Н. Майнова «Поездка в Обонежье и Корелу», переводы произведений западноевропейских ученых: «Первобытная культура» Э. Тейлора, «Начало цивилизации» Д. Леббока, «Древнейшая история учреждений» Г. Мэна и др. Двенадцать переводных изданий вышло в серии «Международная научная библиотека» (она выходила также на французском, английском, немецком и итальянском языках): «Изучение социологии» Г. Спенсера, «Естествознание и политика» В. Беджгота, «История отношений между католицизмом и наукой» Д. Дрэпера, «Учение о развитии органического мира» О. Шмидта и др.[250]

Из переписки Лаврова известно, что Поляков вместе с редакцией журнала «Знание» намеревался участвовать в издании его труда «История западноевропейской мысли» [251]. Эта книга и была выпущена в качестве первого тома «Опыта истории мысли». Вышел он весной 1875 г.

как «издание редакции журнала „Знание“». Связь Лаврова как политического эмигранта с этой редакцией была, конечно, тщательно законспирирована, и его книга вышла анонимно. Не было в книге указания и на то, что в ее издании участвовал Поляков.

Один из присланных из Петербурга экземпляров книги Лавров подарил Марксу, написав на титульном листе: «Учителю социалистов Карлу Марксу от автора в знак дружбы и уважения» [252].

17) Бобровский (Суворанъ). Веянія. Спб., 1866. Все изданіе сожжено. Очень редка.
18) Михайловъ. Скорбящіе. 2 части. Спб., 1873. Все изданіе сожжено. Очень редка.
19) Арманъ Каррель. Сочиненія. Т. 2ой. Спб., 1866. Все изданіе сожжено до выхода въ свѣтъ. Вслѣдствіе совершенной неожиданности ареста, экземпляръ этой книги представляютъ величайшую рѣдкость.
20) Наумовъ. Сила солому ломитъ. Спб., 1874. Все изданіе сожжено. Очень редка.
21) Соколовъ. Отщепенцы. Спб., 1866. Все изданіе сожжено до выхода въ свѣтъ и авторъ сосланъ. Очень редка.
22) ? Изслѣдованія по текущимъ вопросамъ. Спб., 1872. Все изданіе сожжено. Очень редка.
23) Геккель. Естественная исторія міротворенія. Спб., 1872. Все изданіе сожжено до выхода въ свѣтъ. Редчайшая книга.
24) ? Сборникъ разсказовъ въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1871. Все изданіе сожжено. Очень редка.
25) Пелльманъ. Семейство. Мать: Спб., 1866. Все изданіе сожжено

Рукописный каталог личной библиотеки Н. П. Полякова

Передавая слова И. А. Гольдсмита, Лавров сообщал Лопатину и о другом совместном издании: «Редакция „Знание“ предполагает издать это сочинение („Социол<огия>“ Спенс<ера>) вместе с Н. П. Поляковым,— писал Лавров 25 июня 1875 г.—Последний обязался доставить перевод вышедших выпусков, и, как кажется, передал эту работу Лопатину через посредство Даниэльсона» [253].

Прежде всего, следует уточнить, о какой книге в письме идет речь.

Это вовсе не «Основания социологии», изданные И. И. Билибиным в 1876—1877 гг., как предполагают не-

которые исследователи[254], а «Изучение социологии» (в двух томах), вышедшее как издание редакции журнала «Знание» в 1874—1875 г. Если Поляков действительно поручил перевод этой книги Герману Лопатину (переводчик на книге не указан), то книга Спенсера — второе поляковское издание (после «Капитала» Маркса), в переводе которого участвовал этот выдающийся русский революционер. Важно и другое: и после выхода «Капитала» Поляков сохранил добрые отношения с членами бывшего «Рублевого общества», прежде всего с Н. Ф. Даниельсоном[255].

В воспоминаниях И. А. Гольдсмита описан эпизод, связанный и с преследованиями спенсеровского «Изучения социологии»: «Продолжая вести бесконечную войну с нашей цензурой, я вынужден был доказывать ей тогда вещи, положительно смешные, напр. что та или иная статья не заключает в себе ничего, направленного против правительства или против религии,.. что когда Герберт Спенсер в своем „Изучении социологии“ говорит, что все правительства — разбойники, он не имеет в виду русского... и т. д.»[256].

В книжном магазине Черкесова

Начиная с 1869 г. издания Полякова продавались практически во всех книжных магазинах. Но один из них стал особенно близок нашему издателю — магазин «А. Черкесов и К⁰»[257]. Это было, пожалуй, самое прогрессивное книготорговое заведение, тесно связанное с революционными кружками 60—70-х гг. Открыт магазин был на паевых началах еще в 1861 г. одним из организаторов тайного общества «Земля и воля», соратником Чернышевского и Герцена Н. А. Серно-Соловьевичем. Магазин, а также организованная при нем библиотека для чтения служили легальными опорными пунктами тайного революционного общества. Этот магазин снабжал Петербург и провинции прогрессивной легальной и нелегальной литературой, в том числе изданиями «Вольной русской типографии» Герцена. Служащими магазина были не обычные приказчики, а идейные единомышленники Серно-Соловьевича, братья, друзья, его товарищи по «Земле и воле», их близкие: А. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов, А. А. Рихтер, А. А. Черкесов, В. Я. Евдокимов, Анна Энгельгардт.

В 1862 г. Николай Серно-Соловьевич был арестован.

Сосланный по приговору суда в Сибирь, он вскоре погиб. Его брат Александр стал политическим эмигрантом. Некоторое время магазином управлял член «Земли и воли» А. А. Рихтер, но дела шли у него плохо. Близкий друг братьев Серно-Соловьевичей, Александр Александрович Черкесов в 1862 г. также уехал за границу. Сын богатого новгородского помещика, он, как и братья Серно-Соловьевичи, окончил Александровский лицей — одно из самых привилегированных учебных заведений. Затем, недолго пробыв на государственной службе, вышел «по болезни» в отставку и переехал из Москвы в Петербург, где стал одним из помощников Н. А. Серно-Соловьевича. Агент III отделения доносил: «Когда в конце 1861 года Николай Серно-Соловьевич открывал здесь свой книжный магазин, Черкесов под предлогом составления каталога проводил целые дни в этом магазине и даже жил у Серно-Соловьевичей в собственном их доме» [258]. В начале 1862 г. Черкесов уехал в свое новгородское имение. Впоследствии он был обвинен в распространении среди крестьян «вредной идеи и ложных понятий о владении землей» [259]. В конце 1862 г., когда Черкесов был уже за границей, выяснилась его причастность к печатанию революционных прокламаций. Следственная комиссия вызвала его в Россию, но Черкесов, сославшись на болезнь, приехать отказался. Тогда было дано распоряжение о немедленном аресте его, как только он вернется на родину.

В Лондоне Черкесов сблизился с Герценом, Огаревым и Бакуниным. В 1863 г. вместе с Александром Серно-Соловьевичем и другими русскими эмигрантами Черкесов организовал в Берне (Швейцария) революционную типографию. Он же (по мнению Б. Н. Козьмина, «несомненно, с согласия А. Серно-Соловьевича» [260]) выдвинул проект создания наряду с «Колоколом», но также под редакцией Герцена, еще одного русского заграничного журнала, призванного, в отличие от «Колокола», объединить русских политических эмигрантов разных направлений.

Очевидно кем-то предупрежденный, что у царской охранки нет против него серьезных улик, Черкесов решил вернуться в Россию. 15 августа 1865 г. на Вержболовской пограничной таможне он был арестован. Следствию, действительно, не удалось подтвердить обвинения, и спустя два месяца Черкесов был выпущен на поруки, а в марте 1866 г. следствие по его делу было прекращено. Еще в 1863 г. Черкесов внес на банковский счет книжного ма-

газина Серно-Соловьевича 10 тыс. руб., став таким образом фактически совладельцем магазина. После прекращения следствия Черкесов подает просьбу о разрешении открыть книжный магазин Серно-Соловьевича под своей фирмой. Этому воспротивилось III отделение, считавшее, что Черкесов — «самый опаснейший в настоящее время деятель в противоправительственном направлении, ибо, при уме и замечательной сдержанности, он обладает большими материальными средствами»[261]. Ему разрешили лишь «продать книжный товар кому-нибудь за один раз»[262].

В ноябре 1866 г. Черкесов вновь просит разрешить ему производить торговлю в магазине, чтобы поправить свое финансовое положение. Наконец, в 1867 г. разрешение было получено. Как писала в своих воспоминаниях О. К. Буланова-Трубникова, хорошо знавшая Черкесова: «...Книжное дело Черкесов повел, преследуя те же цели, что и братья Серно-Соловьевичи,— снабжения „здоровой книгой" студенчества и провинции по пониженным ценам, и при случае, при содействии надежных контрагентов, и распространения запрещенной литературы»[263]. Петербургским магазином управлял друг и единомышленник Черкесова Василий Яковлевич Евдокимов, по сути дела, фактический распорядитель всех дел фирмы. Под магазин было снято помещение напротив Публичной библиотеки (Невский проспект, 54/3), которое ранее занимал магазин Д. Е. Кожанчикова. В 1868 г. был приобретен в Москве магазин разорившегося Поэерна. Руководить этим филиальным магазином фирмы был приглашен П. Г. Успенский, вскоре ставший активным членом нечаевской «Народной расправы». В этом магазине приказчиком был Ф. В. Волховский, член «Рублевого общества», видный революционер-народник 70-х гг. В 1869 г. фирма приобрела еще одну библиотеку для чтения — у купчихи А. И. Крашенинниковой (бывшую библиотеку А. Ф. Смирдина).

С 1869 г. Петербургский книжный магазин Черкесова и К° становится основным распространителем изданий Полякова. Этот магазин, в частности, первым дал объявление о продаже «Капитала» К. Маркса. На обложках некоторых изданий Полякова помещены объявления от имени магазина Черкесова (например, на «Исторических письмах» Лаврова[264], «Исторических характеристиках и этюдах» И. Шерра). Вполне возможно, что это были совместные издания (например, на «половинных началах», когда затраты и доходы делились пополам). Скорее все-

го, их совместным изданием были и «Сочинения» Радищева, хотя в качестве издателя указан один книжный магазин Черкесова [265].

По словам Берви-Флеровского, Поляков продавал свои издания сразу после выпуска в свет книгопродавцам по очень низкой цене. Магазин Черкесова не только был основным покупателем-посредником его книг, но и местом для хранения книжных остатков. Вполне возможно, что Поляков был и одним из пайщиков магазина Черкесова.

В середине 1875 г. В. Я. Евдокимов и Д. Е. Кожанчиков решили объединить свои книготорговые фирмы, находившиеся на грани разорения. Они получили официальное разрешение содержать книжный магазин на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы, перешедший к ним от А. А. Черкесова [266]. Акт этот был в достаточной степени формальностью, поскольку Евдокимов давно уже фактически руководил магазином. Библиотека для чтения перешла тогда же к одному Евдокимову. И магазин, и библиотека сохранили имя прежнего владельца.

Однако дела магазина так и не поправились. В 1875 г. имена пайщиков часто встречались в судебной хронике. Так, на 10 ноября было назначено слушание дела по протестованным векселям Вольфа (известного издателя и книгопродавца) «с Н. П. Поляковым, „Черкесов и комп.“ — 600 р.», на 1 декабря — некоей «Ульяновой с Д. Е. Кожанчиковым, В. Я. Евдокимовым и Н. П. Поляковым — 1600 р.» и т. д. [267] Прекратив регулярную издательскую деятельность, Поляков стал принимать еще большее участие в предприятиях магазина Черкесова и К°.

В 1876 г. Н. П. Поляков, вместе с Д. Е. Кожанчиковым и В. О. Ковалевским, входит в администрацию, ведшую дела фирмы «А. Черкесов и К°», которую возглавляет В. Я. Евдокимов. 15 июня 1879 г. книжный магазин «А. Черкесов и К°» был закрыт [268].

Недавно был обнаружен интересный факт: в 1880 г. Полякову принадлежал книжный магазин в Петербурге на Васильевском острове (9-я линия, д. 14) [269]. Возможно, что он завел собственный магазин для распродажи принадлежавших ему книг, ранее находившихся в магазине Черкесова и К°. Пока остается неизвестным, сколько времени Поляков владел этим магазином, было ли это обычное коммерческое предприятие или нечто более серьезное?

Письмо Глеба Успенского

К осени 1881 г. относится черновик письма Глеба Успенского к журналисту Н. В. Максимову, брату известного писателя-этнографа С. В. Максимова, где упоминается и имя Полякова. Г. И. Успенский, вероятно, знал Полякова еще с 60-х гг.[270] В письме Успенского речь идет о предполагаемом совместном издании газеты под редакцией Н. Я. Николадзе. В ответ на письмо Н. В. Максимова, упрекавшего писателя, что он не приехал в Петербург и тем приостановил дело, Успенский писал: «Итак, все дело остановилось потому, что Успенский не приехал. Все было готово, налажено, осталось *только переговорить*, но Усп<енский> не приехал и затормозил все. Ну, а если бы я приехал? Что бы мы делали? Пошли бы к Николадзе, потом разошлись бы, потом оказалось бы, что нет денег, потом Вы пошли бы приглашать Думашевского или Полякова, Николадзе поехал бы на танцевальный вечер, а я опять уехал бы в деревню. Затем Вы пошли бы к Софье Васильевне и вместе с ней назначили бы собрание у Николадзе, Софья Васильевна, Вы и еще Гофштеттер решили бы, что лучше всего осадить всем вместе Кривенку, которого и без того уж достаточно измучило „Слово"»[271]. Судя по всему, в этом письме Успенский не без грустной иронии вспоминает события, которые происходили в один из его приездов в Петербург. Для нашей темы письмо интересно прежде всего тем, что здесь обрисовано общественное лицо Полякова в начале 80-х гг.: его приглашали участвовать в издании прогрессивной газеты как человека одних убеждений. Интересно письмо и перечнем людей, составляющих, несомненно, в то время и часть окружения Полякова.

Николай Яковлевич Николадзе (1843—1928) — активный участник студенческих волнений 1861 г., хорошо знал Чернышевского, был арестован, сидел в крепости, после освобождения уехал за границу, где стал видным деятелем русской эмиграции, известным публицистом. Вернувшись в Россию, примкнул к революционно-народническому движению.

Григорий Павлович Гофштеттер, офицер, член тайного общества «Земля и воля» (1862—1863), участвовал в выпуске воззвания «Временное народное правление».

Сергей Николаевич Кривенко (1847—1906) — известный публицист, близкий к революционно-народническому движению, сотрудник ряда прогрессивных изданий, в ча-

стности журнала Некрасова и Салтыкова-Щедрина «Отечественные записки» и нелегальной газеты «Народная воля».

Арнольд Борисович Думашевский (1834—1887) — юрист, в конце 60-х гг. обер-секретарь сената, впоследствии издатель и редактор журнала «Судебный вестник». Был близким знакомым Неклюдова, в 1869 г. они хотели вместе издавать в Петербурге «Юридическую газету», но получили отказ от властей.

Упоминаемый здесь журнал «Слово» был фактическим продолжением закрытого властями журнала «Знание». Его издателями-редакторами были также И. А. Гольдсмит и Д. А. Коропчевский, с которыми сотрудничал Поляков.

Не удалось пока идентифицировать «Софью Васильевну», она упоминается еще в письме М. А. Антоновича к Н. Я. Николадзе от 3 апреля 1882 г. [272], наряду с Г. И. Успенским и Ольгой Александровной Гурамишвили (1855—1940), близкой к революционно-народническому движению, ставшей впоследствии женой Н. Я. Николадзе. Отождествлять «Софью Васильевну» с С. В. Ковалевской нет оснований, поскольку еще весной 1881 г. та «спешно» покинула Россию и жила за границей, что засвидетельствовано ее биографами и перепиской В. О. Ковалевского [273].

Из письма Глеба Успенского видно, что после убийства народовольцами царя Александра II и последовавшего затем разгрома «Народной воли» Поляков остался в лагере людей прогрессивного направления, близких к революционно-народническому движению.

История с бумагами Вышнеградского

В начале 90-х гг. произошла история с секретными бумагами, принадлежавшими бывшему министру финансов И. А. Вышнеградскому, замененному в 1892 г. С. Ю. Витте.

Рассказ этот тем более интересен, что он записан со слов самого Полякова С. Р. Минцловым и, судя по всему, сохраняет интонации его речи, его выражения.

«Министр Вышнеградский — скупой человек — переезжая по уходе с министерского поста, поручил дочери все ненужные бумаги выбросить и продать вместе с прочим хламом. Та исполнила это, но по незнанию или по

ошибке очистила и шкаф, где хранились секретные дела, и тоже выбросила их в мусор.

В один прекрасный день к Полякову — а он любитель книг и известен букинистам,— является один из таковых и говорит:

— Вот, Николай Петрович, какое дело. Купило нас трое Александровских (с «развала») старую бумагу у Вышнеградского, да такие вещи там отыскали, что не знаем, как и быть нам!

— Что такое?

— Дела секретные; сто пятнадцать штук.

— Привезите несколько штук,— отвечает Поляков,— взгляну, что такое.

Тот отправился назад и привез кипу. Николай Петрович поглядел и ахнул. Забыл про больное горло, закутался и поскакал в дебри Александровского рынка. Дело было нешуточное: торговцы видели это сами и трусили. Заставили они Николая Петровича поклясться перед образом, что им худа не будет, и отдали ему все 115 дел за 250 рублей.

Привез он их домой и давай пересматривать. Дела были все серьезные и секретнейшие: напр., о тайной покупке с политическими целями железных дорог в Сербии, доклады военного министра о полной неготовности России к войне, с подробными донесениями о всех слабых сторонах, о мерах обороны, об устройстве портов, между прочим разработанный проект ревельского, который хотели тогда превратить в военный (сделали это потом с Либавой), стоимость чего вычислили в 75 миллионов и т. д., и т. д. Много дел держалось в секрете даже от министров и имели надписи: «показать только военному министру», «только министру иностранных дел» и т. д. с целыми уймами пометок и собственноручными бумагами государя.

В руках у Полякова был клад: отвези он его за границу — там дали бы за него сотни тысяч рублей. Но Поляков прежде всего русский человек. Он решил вернуть дела. Но как сделать это? Началось бы следствие, и прежде всего все обрушилось бы на ни в чем неповинных старьевщиков. Думал он, думал, затем отыскал ход к великому князю Михаилу Николаевичу; дело рассказала ему какая-то фрейлина, и тот ответил, что он возьмется только доложить государю, но что дело это настолько казусное, что за последствия, могущие обрушиться на него, он ручаться не может. Надо было искать другое лицо.

Наконец все уладить взялся великий князь Александр Михайлович; дела были размещены тайно от государя по министерствам. За ними к Полякову приезжал великокняжеский адъютант и увез их. Александр Михайлович настаивал на умолчании о его участии, так как покойный Александр III не терпел, чтобы великие князья мешались в дела.

Спустя несколько дней Полякова вызывает к себе Дурново (министр внутренних дел.— *А. Т.*), благодарит и обещает доложить государю о такой выдающейся заслуге с его стороны; вместе с тем с него берут подписку о молчании о происшедшем и о содержании дел. Затем Дурново стал расспрашивать, как попали к нему все дела; Поляков рассказал, что он купил их случайно и, так как подобное важное происшествие не могло пройти без расследования, сам стал просить о назначении следствия. Но так как Вышнеградский, чтобы выгородить себя, ни минуты не задумался бы сказать, что дела эти у него украли — Поляков выразил желание, чтобы к допросу вызвали прислугу Вышнеградского, без всякого предупреждения последнего — зачем и почему.

Так и сделали. Под присягой люди показали, что действительно в зале была повыкидана груда бумаги, и все было продано торговцам.

Прошло несколько месяцев — о докладе государю не слуха ни духа.

Идет раз Поляков по Морской и видит, едет его родственник — известный Оттон Борисович Рихтер; карета остановилась, Рихтер забрал его к себе и говорит горячо:

— А ведь доклада о вас государю этот сукин сын Дурново до сих пор не сделал и знаете почему?

— Почему?

— Взятку ему отвалил Вышнеградский. Как узнал, что за история и чем пахнет она,— поскакал к нему и отвалил (Дурново был крепко слаб на лапу).

Приехали они в Комиссию прошений, где служил Рихтер, и продолжали там разговор.

— Ну да, я ж ему удружу! — закончил наконец последний,— я сам доложу государю.

Так и сделал.

Александр III был поражен. Полякову была выражена высочайшая благодарность — негласная, конечно,— и прислан подарок в 1000 р. А Дурново на вопрос, почему он не доложил в свое время о подобном деле, имел наглость смиренно ответить, что он докладывал, но его

величество изволило позабыть, за что удостоился высочайшего матюка, на которые был не скуп покойник.

Вот какие дела случаются в Питере и таятся в неизвестности!»

Изложив эту историю, С. Р. Минцлов прибавил: «Поляков просил меня сохранить рассказ его пока в тайне и не опубликовывать его, но записать его для будущего. Желание его исполнено» [274].

То ли во время разбирательства этого дела, то ли сразу же после его окончания, Поляков подал прошение на высочайшее имя, где напомнил и о своем деле — об уничтожении цензурой массы его изданий и обращении его, в поисках защиты от произвола властей, к наследнику — нынешнему царю. В переписке Александра III с Победоносцевым отразились отголоски этого последнего прошения Полякова.

9 июня 1893 г. Победоносцев пишет царю: «Ваше величество изволили приказать запросить меня о Полякове, по всеподданнейшему его прошению. Припомнив подробности этого, давно забытого мною дела, я послал записку об нем ген<ерал>-адъютанту Воейкову, для представления Вашему величеству.

В бумагах моих сохранились три записки Вашего величества по этому делу, писанные в 1875 году. Почитаю не лишним представить и эти записки для возобновления в памяти этого дела» [275].

На письме Победоносцева царь написал резолюцию: «Признаюсь, я совершенно забыл это дело Полякова. Я приказал выдать ему пособие». Возможно, подарок в 1000 руб. и был этим «пособием». Или же Полякову была выплачена еще какая-то сумма в возмещение ущерба, некогда нанесенного ему.

В последние годы жизни

По сведениям П. Н. Миллера, последние годы жизни Поляков служил управляющим у члена Государственного Совета барона Д. Г. фон Дервиза (1829—1916) [276]. Это был выдающийся юрист, отличающийся либеральными взглядами, нередко выступавший против Победоносцева (в частности, в защиту гласности суда). Реакционный министр просвещения И. Д. Делянов даже утверждал, что фон Дервиз принадлежит к «красной партии», т. е. к наиболее либеральной части великосветских кругов.

Любопытно, что Поляков сохранил и довольно близкое знакомство с Победоносцевым, оказавшимся и в 1875, и в 1893 гг. посредником в его иске к властям. Вскоре после смерти и Полякова, и Победоносцева были напечатаны два письма обер-прокурора синода к бывшему издателю, относящиеся к апрелю 1902 г.[277]

Из первого письма видно, что Поляков просил Победоносцева о встрече, которая вскоре состоялась. Победоносцев доверительно сообщает своему корреспонденту, что недавно получил целых четыре письма, в которых ему угрожают смертью. «Бывали и прежде,— признается Победоносцев,— но эти письма тем тяжелы, что свидетельствуют о какой-то злобной против меня ненависти людей, кои не меня не знают и понятия не имеют ни обо мне, ни о моей, давно уже застывшей деятельности». Действительно, некогда всесильный обер-секретарь синода, направлявший еще недавно государственную политику, был ныне в опале. Содержание беседы коротко передано в следующем письме Победоносцева: «Все, что вы говорили мне, отвечало нынешнему печальному положению...»

Пока нет достаточно данных для того, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно прокомментировать эти письма. Вместе с тем нет и оснований по этим письмам частного характера заключать, как в свое время сделал И. С. Книжник-Ветров, «о „благонадежности" Полякова и измене его своим передовым убеждениям» в последние годы жизни[278]. К оценке его отношений с Победоносцевым необходимо подходить исторически, с учетом реалий того времени. Их сближало и личное участие Победоносцева в судьбе разоренного царским правительством издателя, и, вероятно, посредничество генерала Рихтера — родственника Полякова и близкого знакомого Победоносцева. Нельзя забывать и того, что Победоносцев был не просто видным государственным деятелем, а одной из самых значительных и сложных личностей из окружения Александра III, и у Полякова мог быть интерес к нему как у человека, исторически мыслящего, внимательно следящего за судьбами своей родины.

В конце 1903 или самом начале 1904 г. Поляков тяжело заболел. Единственным свидетельством последних месяцев его жизни стала дневниковая запись С. Р. Минцлова от 19 июля 1904 г.: «Собирая справки по библиографическому вопросу, зашел сегодня к известному Николаю Петровичу Полякову — человеку, истратившему в семидесятых годах целое состояние на издание книг,

из которых огромное число было уничтожено цензурой, не увидев света. Типичный, похожий на Влад<имира> Соловьева, старик, с длинною седою бородою и еще черными, густыми клокастыми бровями — принял меня, лежа в постели, с которой не сходит уже седьмой месяц. Разговорились мы, и он порассказал много интересного; так как он не ведет дневника, то записываю все в этой своей „летописи“»[279]. Далее Минцлов записал уже приведенные выше рассказы издателя. Запись Минцлова представляет большой интерес и как словесный портрет Полякова, изображение которого неизвестно.

Проболев больше года, Поляков скончался 10 марта 1905 г. «от старческого истощения сил» в своей петербургской квартире на Васильевском острове (5-я линия, д. 34, кв. 16). 12 марта тело его погребли на Смоленском православном кладбище. Некролога о нем не появилось. Только в «С.-Петербургских ведомостях» от 13 (26) марта 1905 г. указан среди умерших «Николай Петрович Поляков».

Значение издательской деятельности Полякова

Сравнительно непродолжительная издательская деятельность Полякова органически вписывается в историю русского идейного книгоиздания 1860—1870-х гг. Ее нельзя рассматривать изолированно от деятельности других идейных издателей тех лет: Н. А. Серно-Соловьевича, И. П. Огрызко, Н. Л. Тиблена, О. И. Бакста, Е. П. Печаткина, В. О. Ковалевского, Ф. Ф. Павленкова, А. А. Черкесова, В. Я. Евдокимова. Он был преемником и продолжателем одних, соратником других. Тематика и направленность его изданий во многом соответствовали их издательскому репертуару. В то же время следует подчеркнуть необыкновенно сильное воздействие его издательской работы на подъем революционного движения в стране. По значимости и обширности этого воздействия на читателей того времени Поляков, несомненно, занимает едва ли не главное место среди других идейных издателей. Верой и правдой служил он книгоизданию, выпускал самые значительные труды по социальным наукам, рассчитанные на радикальную часть читающей публики. Он сознательно способствовал своими изданиями выработке прогрессивного мировоззрения. По словам одного из идеологов револю-

ционно-народнического движения П. Н. Ткачева, благодаря изданиям Полякова современники «ознакомились со многими замечательными трудами многих замечательных мыслителей»[280]. «Капитал» К. Маркса, «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук» В. В. Берви-Флеровского, «Исторические письма» П. Л. Лаврова стали основными «учебниками» русских революционеров и 70-х и последующих годов.

Естественна тесная связь Полякова с наиболее значительными революционными кружками конца 60-х и начала 70-х гг.: «Рублевым обществом» и «чайковцами». Это был равноправный идейный союз революционно настроенного издателя и революционеров-практиков, союз идейных единомышленников. По подсчетам Т. В. Антоновой, из 58 исследованных ею каталогов книг, принадлежавших членам революционных кружков 1870-х гг., издания Полякова имелись в 48 (!), причем в некоторых их число составляет до 70% от общего состава книг[281].

Революционной пропагандой в 1870-е гг. было охвачено более 40 губерний России, и практически везде распространялись, вместе с другими демократическими изданиями, книги, выпущенные Поляковым.

Издания Полякова распространялись не только среди учащейся молодежи, но и среди рабочих, и даже крестьян. Так, петербургские рабочие читали книги Лаврова, Берви-Флеровского, Добролюбова и др.

Сочинения Лассаля, изданные Поляковым, были обнаружены при обыске у крестьянина Гудкова[282]. В созданных революционерами специально для народа популярных переложениях также использовались поляковские издания. Так, В. Е. Варзар в своей знаменитой «Хитрой механике» изложил народным языком рассуждения Лассаля о налогах — из статьи «Косвенные налоги и положение трудящихся классов», опубликованной в первом томе «Сочинений»; идеи «Капитала» К. Маркса были переданы применительно к пониманию читателя из народа С. М. Кравчинским в его «Сказке о Мудрице Наумовне». С. А. Подолинский в брошюре «Про бідність» популярно объяснил теорию прибавочной стоимости.

Поляков высоко ставил роль идейного издателя, сознавал свое место в общественно-политическом движении конца 60 — начала 70-х гг. Точную и выразительную оценку Полякову как замечательному идейному издателю дал В. В. Берви-Флеровский. Впервые она появилась в печати еще при жизни Полякова, в 1897 г. (и вполне

возможно, что издатель ее прочитал) в книге Берви-Флеровского «Три политические системы». «Некто Поляков,— писал здесь Берви-Флеровский,— человек нигилистического направления, живший в кругу людей, оставшихся после Чернышевского и разделявших его воззрения, издавал книги крайнего направления. Он был человеком идеи и печатал исключительно произведения, ценные по своему содержанию, но встречавшие на пути своем большие цензурные препятствия. Когда появился закон, по которому книги значительного объема могли быть изъяты из обращения только по суду, он воспользовался им в самых широких размерах. Русских сочинений он издавал очень мало, потому что в то время, действительно, мало писалось книг, достойных такого издателя, а он ценил и себя, и свою деятельность. Им издавались преимущественно переводы самых замечательных произведений, появлявшихся в цивилизованном мире. Он ставил себе целью издавать их без всяких искажений, изменений и сокращений и спорил упорно из-за каждого слова. Участь его была печальная: когда правительству надоела игра в свободу печати, у него было арестовано изданий на десять тысяч фунтов и он был разорен» [283].

Много выдающихся людей встречалось Полякову на тернистом пути идейного книгоиздания, и все они высоко его ценили. Отзывы К. Маркса, видных деятелей русского революционного движения, рецензии в прогрессивной русской прессе, дававшие высокую оценку многим изданиям Полякова, красноречиво свидетельствовали о том поистине выдающемся вкладе, который внес он своей издательской деятельностью в дело освободительного движения в России.

Заключение

Все лучшее и передовое, что было в русском книгоиздании, всегда беззаветно служило народу, боролось за его интересы. Важнейшим итогом развития русского книжного дела второй половины XIX в. было появление массового демократического читателя и значительное увеличение доли демократической литературы. Именно тогда, когда Россия из крепостнической страны стала капиталистической и быстро проходила путь буржуазного развития, книжное дело стало развиваться невиданными ранее темпами. В это время действовала целая плеяда издателей-просветителей, выпускавших демократическую, прогрессивную литературу.

Книжный репертуар К. Т. Солдатенкова и Н. П. Полякова был немаловажной составной частью общего репертуара русских прогрессивных издателей того времени. Нетрудно заметить тематическую и идейную перекличку книг, выпущенных Солдатенковым и Поляковым, с изданиями Н. Л. Тиблена, В. О. Ковалевского, Ф. Ф. Павленкова, позднее Л. Ф. Пантелеева, О. Н. Поповой, М. В. и С. В. Сабашниковых и др. На книгах этих издателей было воспитано несколько поколений предреволюционной русской интеллигенции. Эти книги — кирпичи в том фундаменте, на котором стоит здание современной культуры и науки. Да и сейчас, в наши дни, многие из них имеют не только историко-культурное значение, но и сохраняют в той или иной степени свою научно-познавательную ценность.

Особо хотелось бы подчеркнуть подвижничество русских прогрессивных издателей. Писательница А. Я. Бруштейн, которой довелось встречаться с некоторыми из них, отметила их «фанатическую веру в высокую полезность книжного дела, в святость его предназначения». «Для людей, не заставших уже дореволюционного прошлого,— писала она,— это, быть может, покажется даже странным,

маловероятным, но люди моего возраста хорошо помнят, что среди книгоиздателей это встречалось, среди них бытовало такое отношение к своему делу, *такая вера в его высокую чистоту*»[284]. Это были подвижники, рыцари книги. Такими были и Солдатенков, и Поляков, и многие, подобные им.

И прекрасные книги, изданные ими, донесли благодарную память об этих людях мысли и добра до нашего времени.

Примечания

К. Т. Солдатенков

[1] Поршнев Г. И. История книжной торговли в России.— В кн.: Книжная торговля. Пособие для работников книжного дела / Под ред. М. В. Муратова, Н. Н. Накорякова. М.; Л., 1925, с. 124. Автору настоящей работы удалось выявить немногим более 170 названий.

[2] Степанов И. Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия.— Книга и революция, 1920, № 5, с. 7.

[3] См. запись Солдатенкова в альбоме автографов «Знакомые» М. И. Семевского (Книга. Исслед. и материалы, 1983, сб. 47, с. 194). В некоторых печатных материалах как день его рождения указывается день именин — 17 октября.

[4] Сведения о роде Солдатенкова см.: Н. Ч. [Чулков Н. П.?]. Московское купечество XVIII и XIX веков. (Генеалогические заметки).— Рус. архив, 1907, т. 3, с. 498—499; Бурышкин П. А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954, с. 151—153.

[5] Щепкин М. Надгробное слово. К. Т. Солдатенков.— Рус. ведомости, 1901, 22 мая, с. 2.

[6] Солдатенков К. Т. Письма А. А. Рахманову. 1842—1849 гг.— ГБЛ, ф. 577, карт. 8339/1; Рахманов А. А. Письма К. Т. Солдатенкову. 1842—1853 гг.— Там же.

[7] Увидев «Вирсавию» в доме Солдатенкова, Т. Г. Шевченко впоследствии сделал с этой картины превосходный офорт, получив за него и несколько других работ звание академика гравирования. С Солдатенковым Шевченко связывали добрые приятельские отношения. Великий украинский поэт и художник прислал московскому издателю и коллекционеру экземпляр «Кобзаря» (титульный лист издания 1860 г. с дарственной надписью хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), подарил несколько своих гравюр и рисунков.

[8] Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. ст. 1904—1919 гг. М., 1963, с. 410—411.

[9] Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. 3-е изд. Л.; М., 1931, с. 36.

[10] Короленко Вл. Старые традиции и новый орган.— Рус. записки, 1916, № 8, с. 255.

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 266—267.

[12] Там же, т. 12, с. 134.

[13] Новое время, 1901, № 9060.

[14] ГБЛ, ф. 230, карт. 4410, ед. хр. 1, л. 141 об.—142.

[15] Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 9. М., 1956, с. 17.

[16] Там же.

[17] Там же, с. 112.

[18] См.: Завещание действительного статского советника Николая Яковлевича Кетчера. Выписка из актовой книги.— Музей истории и реконструкции г. Москвы, фонды, инв. № 15074.

[19] Т. Н. Грановский и его переписка.: В 2-х т. Т. 2. М., 1897, с. 489.

[20] См., напр., шутливое соглашение между К. Т. Солдатенковым

и П. Л. Пикулиным о издании книги Т. Н. Грановского, заключенное 5 июня 1854 г. во время обеда на даче Солдатенкова.— ГБЛ, ф. 84, карт. 3, ед. хр. 23.

[21] Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897, с. 420.

[22] Об авторитете и влиятельности свидетельствует и его служебное положение: Солдатенков служил уполномоченным от купеческого общества, поверенным (с 1855 по 1863 г.), членом Коммерческого суда (с 1854 по 1858 г.), старшиною и членом Московского биржевого комитета (с 1855 по 1858 г.), членом Комитета для принятия от купечества пожертвований на государственное ополчение и другие военные надобности (с 16 марта 1855 г. по 10 мая 1856 г.). В 1863 г. был избран в гласные Московской городской думы первого состава (см.: [Бостанджогло В. М.] Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871, с. 50).

[23] В многочисленных справках о Кетчере годом его рождения называется чаще всего 1809, иногда — 1807. На памятнике, установленном на его могиле (Пятницкое кладбище в Москве), указан 1806 г. Друг и биограф Кетчера писал: «Год своего рождения Кетчер сам не знал с точностью; но по своим детским воспоминаниям о Москве 1812 г. он предполагал, что в то время ему могло быть от 6 до 8 лет» (Станкевич А. В. Николай Христофорович Кетчер. М., 1887, с. 3). Поэтому 1806 г. в качестве года рождения Кетчера представляется более достоверным, чем 1809 или 1807.

[24] По свидетельству М. И. Жихарева, племянника Чаадаева, именно Кетчер перевел для «Телескопа» письмо Чаадаева (см.: Вестн. Европы, 1871, № 9, с. 30), что подтвердили А. Д. Галахов, сотрудник «Телескопа», хорошо знавший Надеждина, Кетчера и Белинского (см.: Рус. архив, 1886, т. 26, с. 313), и А. В. Станкевич, близкий знакомый Белинского и Кетчера (см.: Станкевич А. В. Указ. соч., с. 12). М. Д. Эльзон убедительно доказал, что письмо Чаадаева было переведено Александром Норовым. Кетчер же, очевидно, был редактором норовского перевода [см.: Эльзон М. Д. Кем переведено «Философское письмо»? (К истории закрытия «Телескопа»).— Рус. лит., 1982, № 1, с. 168—176].

[25] Герцен А. И. Указ. соч., т. 25. М., 1961, с. 297.

[26] ГБЛ, ф. 577, карт. 8339/1.

[27] Рус. архив, 1885, № 7, с. 448, 450.

[28] Цит. по кн.: Гриц Т. С. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966, с. 660.

[29] Там же, с. 665—666.

[30] Герцен А. И. Указ. соч., т. 24. М., 1961, с. 262. См. также с. 267.

[31] Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. Т. 2. 1851—1858 / Сост.: Л. Р. Ланский, И. Г. Птушкина. М., 1976, с. 419.

[32] ГБЛ, ф. 456, карт. 3099, ед. хр. 42, л. 1.

[33] Сохранились две фотографии Герцена из альбома Солдатенкова (Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Рукописный отдел; далее — ГМИИ), ф. 28, оп. 11, д. 64 и 82).

[34] См. инвентарную книгу части личной библиотеки Солдатенкова (ГМИИ, ф. 28).

[35] Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1971, вып. 32, с. 199.

[36] Сейчас этот эскиз из собрания К. Т. Солдатенкова — экспонат Русского музея в Ленинграде.

[37] Герцен А. И. Указ. соч., т. 27, кн. 1. М., 1963, с. 206.

[38] Мельников П. И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч.: В 14-ти т. Т. 1. Спб.; М., 1897, с. 233.

[39] Там же, с. 256.

[40] Былое, 1906, № 9, с. 161. Здесь и далее в письмах Кельсиева часто встречается неверное сопоставление дат старого и нового стиля. Очевидно, это вызвано небрежностью самого автора писем.

[41] Герцен А. И. Указ. соч., т. 27, кн. 1, с. 236. Письмо от 14 (2) июня 1862 г.

[42] Лит. наследство, 1941, т. 41—42, с. 343—344.

[43] Деятели революционного движения в России. Биобиблиогр. словарь. Т. 1, ч. 2. Шестидесятые годы / Сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. М., 1928, стб. 383.

[44] См., напр.: Лит. наследство, 1941, т. 41—42, с. 454, прим. 109; БСЭ. 2-е изд. 1957, т. 40, с. 15 и др.

[45] Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизд. док. Спб., 1908, с. 33.

[46] Там же, с. 34, 35.

[47] Лит. наследство, 1941, т. 41—42, с. 370.

[48] А. И. Герцен. Указ. соч., т. 18. М., 1959, с. 417.

[49] ЦГИА, ф. 17, оп. 13, д. 551. Об установлении секретного наблюдения за Солдатенковым. 1861. За указание на этот документ приношу глубокую благодарность проф. С. А. Рейсеру.

[50] Былое, 1906, № 9, с. 203.

[51] Дело о командировании генерал-майора Дренякина в Москву. 7 июля — 28 авг. 1862 г. ЦГАОР, ф. 109, 1-я экспедиция, оп. 5, ед. хр. 30, ч. 57.

[52] См.: Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии о бывшем репетиторе Московского Александринского сиротского кадетского корпуса Александре Александровиче Котляревском.— ЦГАОР, ф. 109, 1-я экспедиция, оп. 5, ед. хр. 230, ч. 78, л. А.

[53] Былое, 1906, № 10, с. 103.

[54] Даже переписка Солдатенкова в то время перлюстрировалась. См. список лиц в Петербурге и Москве, за перепиской которых велось наблюдение (документ датируется примерно августом 1862 г.).— ЦГАОР, ф. 109, 1-я экспедиция, оп. 5, ед. хр. 230, ч. 94.

[55] Герцен А. И. Указ. соч., т. 27, кн. 1, с. 270.

[56] Там же, с. 319.

[57] См. дружескую приписку А. Я. Тугендхольда на письме Солдатенкова к поэту И. З. Сурикову от 24 (12) сентября 1878 г.— ГБЛ, ф. 295, карт. 5335, ед. хр. 3.

[58] Цит. по кн.: Лемке М. К. Указ. соч., с. 158.

[59] См.: Гриц Т. С. Указ. соч., с. 665.

[60] См.: Клевенский М. М. Вертепники.— Каторга и ссылка, 1928, № 10 (47), с. 18—43.

[61] О характере их отношений свидетельствует, например, дарственная надпись, которую сделал на своей фотографии Котляревский в начале 1860-х гг.: «Великолепнейшему и милому К. Т. Солдатенкову — на память. А. К.» (ГМИИ, ф. 28, оп. 11, д. 60). Еще более красноречивое обращение Котляревского в письме от 29 июня 1870 г.: «Много-глубоко-сердечно любимый и чтимый дядя Кузьма!» (ГБЛ, ф. 418, карт. 1, ед. хр. 40).

[62] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т. Т. 88. М., 1957, с. 84.

[63] Памяти Солдатенкова («В горячем сердце был „дух жив...“»).— Новости дня. М., 1901, № 6440, 20 мая. [Без подписи.]

[64] Анненков П. В. Лит. воспоминания. М., 1960, с. 535.

[65] Щепкина А. В. Воспоминания. Сергиев Посад, 1915, с. 180.

[66] Эйхенбаум Б. М. Я. П. Полонский.— В кн.: Полонский Я. П. Стихотворения. Л., 1954, с. 10.

[67] БСЭ. 2-е изд., 1957, т. 40, с. 15; 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964, с. 407; Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. М., 1971, с. 182—183.

[68] Музей истории и реконструкции г. Москвы, фонды, № 15079.

[69] Щепкина А. В. По поводу воспоминаний г-жи О. [А. В. Орловой.— *А. Т.*] о Белинском.— ГИМ, ф. 276, ед. хр. 72, л. 3.

[70] См. запись Солдатенкова в альбоме автографов «Знакомые» М. И. Семевского (Книга. Исслед. и материалы, 1983, сб. 47, с. 194).

[71] БСЭ. 2-е изд., 1957, т. 40, с. 15.

[72] Музей истории и реконструкции г. Москвы, фонды, инв. № 15078.

[73] Тот факт, что издания компании в 1856—1857 гг. выпускались каждым из ее членов раздельно, подтверждается и письмами их общих друзей, знакомых, для которых не могли быть тайной истинные основания этого издательского предприятия. Так, А. Д. Галахов запрашивал Н. М. Щепкина 21 янв. 1858 г.: «А вот и еще другое дело, касающееся покойного Кудрявцева. Может быть, Вы, или Станкевич, или Солдатенков, или другой кто-нибудь вздумаете издать его сочинения» (ГИМ, ф. 276, ед. хр. 54, л. 1).

[74] В этот период выходили также книги, финансируемые не из общих средств книжного магазина, а одним из соиздателей (напр., сочинения Д. В. Григоровича, право на издание которых было приобретено Солдатенковым у автора в сентябре 1857 г., еще до создания магазина).

[75] И. В. Станкевич и П. В. Анненков, упоминаемые в некоторых работах в качестве организаторов и членов издательской компании Солдатенкова и Щепкина (см., напр., в кн.: 400 лет русского книгопечатания. Т. 1. М., 1964, с. 407), в нее вообще не входили. П. В. Анненков, правда, имел пай в типографии В. Е. Грачева и К°.

[76] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. Т. 4. М., 1948, с. 968.

[77] Книга хранится сейчас в собрании Государственного литературного музея (Москва). См.: Туркус Н. И. Книги с автографами.— В сб.: Новое и забытое. М., 1966, вып. 1, с. 48 (Гос. лит. музей).

[78] Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 14. М., 1949, с. 350.

[79] Там же, с. 351.

[80] Там же, с. 4, с. 968.

[81] ГИМ, ф. 276, ед. хр. 55, л. 46—46 об.

[82] Цит. по кн.: Баренбаум И. Е. Н. А. Серно-Соловьевич (1834—1866). Очерк книготорговой и книгоиздательской деятельности. М., 1961, с. 36.

[83] Об этом свидетельствует, напр., полное сходство в шрифтах и оформлении первого и второго выпусков второго издания «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева, напечатанных в типографии Э. Барфкнехта (1858) и В. Е. Грачева (1859).

[84] Щукин П. И. Из воспоминаний.— Рус. архив, 1912, № 5, с. 101.

[85] Н. М. Щепкин и после разрыва с Солдатенковым продолжал время от времени издавать книги. Так, в 1864 г. он выпустил «Записки и письма» М. С. Щепкина. На книге А. В. Щепкиной «Родные места» (вып. 2. М., 1874) указано, что это — издание Н. М. Щепкина и К°. Пока не удалось установить, сколько времени просуществовала эта компания.

[86] Формально книжный магазин был закрыт 1 янв. 1863 г. См. Моск. ведомости, 1863, 8 янв.

[87] См. письма Н. Х. Кетчера Н. М. Щепкину 1867 г. (первое без даты, написанное в сентябре, не позже 12, второе — от 20 сент.— ГБЛ, ф. 70, карт. 8422, ед. хр. 29) и ответные письма Щепкина от 12 и 19 сент. 1867 г. (там же, ф. 178, карт. 8422, ед. хр. 46).

[88] Щепкина А. В. К биографии Никол<ая> Мих<айловича> Щепкина.— ГИМ, ф. 276, ед. хр. 62, л. 21.

[89] Там же, л. 20.

[90] См. письмо В. И. Касаткина Н. П. Огареву от 7 янв. 1863 г. (26 дек. 1862 г.).— В кн.: Лемке М. К. Указ. соч., с. 158.

[91] См. письмо М. В. Белинской Н. М. Щепкину от 17 марта 1862 г.— Лит. наследство, 1951, т. 57, с. 322.

[92] По словам А. В. Щепкиной, у самого Солдатенкова также произошло столкновение с Щепкиным из-за того, что Солдатенков сделал в грубой форме замечание приказчику книжного магазина.

[93] Завещание действительного статского советника Николая Яковлевича Кетчера.— Музей истории и реконструкции г. Москвы, фонды, № 15074.

[94] См., напр., письма Солдатенкова И. Е. Забелину (от 28 окт. 1886 г.— ГИМ, ф. 440, ед. хр. 86, л. 64) и Н. А. Попову (от 6 февр. 1878 г.— ГБЛ, ф. Н. А. Попова [Н. П.], карт. 18, ед. хр. 41).

[95] Баренбаум Е. И. Книжное дело и общественное движение 60-х—70-х годов XIX века в России.— Книга. Исслед. и материалы, 1964, сб. 9, с. 182—183.

[96] Шлюбский А. О. К истории русской этнографии. Цензурные мытарства А. Н. Афанасьева.— Сов. этнография, 1940, вып. 4, с. 136.

[97] Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиогр. разыскания. М., 1962, с. 50—51.

[98] Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 15. М., 1950, с. 812.

[99] Цит. по кн.: Добровольский Л. М. Указ. соч., с. 176. Интересно, что спустя три года книгу Ш. Летурно в новом переводе под названием «Прогресс нравственности» выпустил Ф. Ф. Павленков. По высочайшему повелению» павленковское издание было также изъято из обращения, и только в 1910 г. арест с него был снят (Добровольский Л. М. Указ. соч., с. 188—189).

[100] Добровольский Л. М. Указ. соч., с. 182.

[101] Там же, с. 198.

[102] Родбертус К. Выбранные места. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1897, с. XC.

[103] Очерк о Родбертусе подписан: А. А. К., на титульном листе указано, что перевод А. К-ва. Нет сомнения, что этим переводчиком был старый друг Солдатенкова, один из оригинальных русских философов, поэт и публицист Алексей Александрович Козлов (1831—1901), любивший подписывать свои произведения псевдонимами (только в «Словаре» Масанова зарегистрировано 50 его псевдонимов). Возможно, что, составляя сборник трактатов Родбертуса, он предвидел возможность цензурных преследований и с согласия издателя укрылся под псевдонимом.

[104] Гершензон М. О. Письма к брату. [М.], 1927, с. 78.

[105] Цит. по кн.: Добровольский Л. М. Указ. соч., с. 213.

[106] Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. Ч. 5. М., 1971, с. 736—737, № 2052.

[107] ГБЛ. Музейное собрание, карт. 3099, ед. хр. 38.

[108] Там же, ф. 465, карт. 3099, ед. хр. 10. Письмо от 16 апр. 1875 г.

[109] Цит. по кн.: Добровольский Л. М. Указ. соч., с. 134.

[110] Там же, с. 116—117.

[111] См.: Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 31, с. 119.

[112] Миронов А. Г. И. С. Тургенев и книгоиздательство братьев Салаевых в Москве.— Книга. Исслед. и материалы, 1961, сб. 5, с. 323.

[113] Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 3. М., 1947, с. 841. Рецензия Чернышевского была напечатана в «Современнике» (1856, № 5) с большими сокращениями и изменениями, вероятно, цензурного ха-

рактера. В частности, в журнальную публикацию не вошли цитируемые здесь строки.

114 В «Реестре бумагам, оставшимся после Белинского», составленном Н. А. Некрасовым во второй половине 1848 г. для Н. Х. Кетчера, взявшего на себя подготовку собрания сочинений критика, указаны среди прочих материалов: «Рукопись, с которой напечатано последнее издание стихотворений Кольцова (1846 г.). Предисловие Белинского с отрывками из писем Кольцова, не поступившими в печать по цензурному запрещению» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. М., 1952, с. 122). Сейчас эти материалы находятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 21, карт. 5322).

115 См.: Аруин М. В. Г. Белинский и литературное наследие А. В. Кольцова.— Рус. лит., 1966, № 3, с. 111. Письма Кольцова Белинскому затем также перешли к Солдатенкову (см.: Кольцов А. В. Полн. собр. соч. / Под ред. и с примеч. А. И. Лященко. 3-е изд. Спб., 1911, с. 313).

116 По утверждению Е. И. Кацпржак, из всех изданий, предпринятых Солдатенковым, «единственной доходной книгой оказались стихотворения А. В. Кольцова» (Кацпржак Е. И. История книги. М., 1964, с. 317). Книга принесла прибыль не издателю, а Кетчеру, которому принадлежало право на восемь изданий (из десяти). Так что и здесь Солдатенков «сумел» избежать выгоды.

117 Достаточно полный список этих изданий приведен А. И. Лященко в кн.: Кольцов А. В. Полн. собр. соч. 3-е изд. Спб., 1911, с. 346.

118 Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. Т. 1—2. Спб., 1876.

119 См. об этом в автобиографической справке А. М. Сливицкого в кн.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. М., 1911, с. 260. См. также неопубликованное письмо Солдатенкова А. И. Лященко от 17 сентября 1893 г. (Архив Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние, ф. 156, оп. 2, д. 412, л. 1).

120 См.: Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. 2. М.; Л., 1950, с. 216—303; Гаркави А. М. История создания Некрасовым первого собрания «Стихотворений» (1856).— В сб.: Некрасовский сборник. Т. 1. М.; Л., 1951, с. 150—168.

121 Музей истории и реконструкции г. Москвы, фонды. Выписки из условия приводятся М. Я. Блинчевской в примеч. к кн.: Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 8. М., 1967, с. 161, 174.

122 Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952, т. 10, с. 245.

123 Лит. наследство, 1949, т. 51—52, с. 20—21.

124 Там же, с. 508.

125 Там же, с. 510.

126 Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 10, с. 268—269.

127 Лит. наследство, т. 51—52, с. 509—510.

128 Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 10, с. 272.

129 Там же, с. 275.

130 Там же, с. 279.

131 Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 14. М., 1949, с. 329.

132 Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 26. М., 1962, с. 98.

133 Лит. наследство, 1949, т. 53—54, с. 154.

134 См.: Жданов В. Некрасов. М., 1971, с. 289.

135 Звенья, 1935, т. 5, с. 548.

136 Колокол, 1857, № 2, 1 авг.

137 ГБЛ, ф. 258, карт. 6614, ед. хр. 2.

138 Лейпцигский книгопродавец и издатель Вольфганг Гергард, пе-

репечатавший сборник, был известен Солдатенкову и Щепкину. См. его письмо к ним от 5 янв. 1858 г., в котором он просит 50% уступки на их издания (ГИМ, ф. 276, ед. хр. 54, л. 5—6).

139 Розанов И. Н. О редкой книге.— Книга. Исслед. и материалы. 1959, сб. 1, с. 294—295.

140 Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 8, с. 426.

141 См. об этом издании: Рейсер С. Полное собрание стихотворений и поэм Н. П. Огарева.— Книжные новости, 1936, № 25—26, с. 4; Путинцев В. А. Н. П. Огарев. Жизнь. Мировоззрение. Творчество. М., 1963, с. 134—149 (глава «Сборник 1856 г. и его оценка русской критикой»).

142 Достаточно сказать, что в начале 1854 г. в бывшем пензенском имении Огарева Старом Акшене, с. 1849 г. принадлежавшем Сатину, родился сын Солдатенкова И. И. Барышев.

143 Рус. мысль, 1902, кн. 2, с. 162.

144 Цит. по изд.: Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 3, с. 563.

145 Герцен А. И. Указ. соч., т. 26, с. 227.

146 Огарев Н. П. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. М., 1956, с. 483—484.

147 См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. Т. 6. М., 1955, с. 119, 725—726.

148 Бельчиков Н. Гонимый поэт (К столетию со дня смерти А. И. Полежаева).— Кн. новости, 1938, № 3, с. 22—23.

149 ИРЛИ, ф. 103, Арх. А. П. Ефремова (из собр. И. А. Шляпкина), оп. 2, № 34, л. 5 об.—6.

150 Там же.

151 Ефремов П. О сообщении материалов для издания сочинений Полежаева.— Рус. архив, 1887, № 9, с. 144.

152 Цит. по кн.: Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 4. М.; Л., 1962, с. 276—277.

153 Щепкина А. В. К биографии Никол<ая> Мих<айловича> Щепкина.— ГИМ, ф. 276, ед. хр. 68, л. 19 об.

154 Станкевич А. В. Николай Христофорович Кетчер. М., 1887, с. 6.

155 Всего в списках, составленных А. Д. Галаховым, учтено 478 небольших рецензий и отзывов. Как писал С. А. Венгеров: «Галахов, составляя списки для опубликования, удостоверялся всеми доступными путями в их правильности» (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 12-ти т. / Под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. Т. 4. Спб., 1901, с. 537). Тем не менее в них встречаются ошибки, и они составлены неполно.

156 Вполне возможно, что Кетчер и Солдатенков предполагали издать и письма Белинского. Немало писем было передано Кетчеру семьей и друзьями критика. Значительное собрание писем Белинского имел и Солдатенков. Очевидно, после смерти В. П. Боткина он приобрел большинство писем Белинского к нему. Были в собрании Солдатенкова и письма Белинского к М. А. Бакунину, К. Д. Кавелину, П. Н. Кудрявцеву, И. И. Панаеву, М. А. Языкову и одно — А. И. Герцену (от 26 января 1845 г.— самое раннее из дошедших до нас писем Белинского к Герцену). Все эти письма известны нам благодаря копиям, снятым с разрешения Солдатенкова А. Н. Пыпиным в начале 1870-х гг. Подлинники же писем пропали, очевидно, после кончины К. Т. Солдатенкова.

157 Венгеров С. Предисловие.— В кн.: Белинский В. Г. Указ. соч., т. 1, с. VIII.

158 Там же.

159 В 1859 г. вышли первые четыре части, в 1860 г.— еще шесть, в 1861 и 1862 гг.— по одной.

160 Сев. пчела, 1859, 22 окт., с. 917.

[161] Домашняя беседа, 1859, вып. 23, 6 июня, с. 219.
[162] Лепта Белинского. М., 1892, с. 22.
[163] Цит. по кн.: Белинский. Письма: В 3-х т. Т. 3. Спб., 1914, с. 451
[164] Щепкина А. В. По поводу воспоминаний г-жи О. [А. В. Орловой.— *А. Т.*] о Белинском.— ГИМ, ф. 276, ед. хр. 72.
[165] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Т. 5. Письма. М.; Л., 1963, с. 16—17.
[166] Там же, с. 17.
[167] Там же, с. 20.
[168] Там же.
[169] Там же, с. 32—33.
[170] Там же, с. 36.
[171] Там же, т. 4, с. 325.
[172] Лит. газета, 1968, 13 нояб. Шарж вместе с подписью воспроизведен в статье И. С. Зильберштейна из книги Андре Мазона «Парижские рукописи И. С. Тургенева» (1930).
[173] Лит. наследство, 1964, т. 73, кн. 1, с. 440.
[174] Письмо утрачено. См. о нем в письме Тургенева к Кетчеру от 9 (21) февраля 1873 г. (Тургенев И. С. Указ. соч., т. 10. Письма, с. 67).
[175] Зилоти В. П. В доме Третьякова. Нью-Йорк, 1954, с. 148.
[176] Известно несколько кратких или незавершенных русских изданий этого труда, предшествующих переводу Чернышевского: Вебер Г. Курс всеобщей истории. Древняя история, средняя и новая до конца Семилетней войны / Пер. с нем. Е. и В. Корш. Вып. 1—7. М., 1859—1860; Вебер Г. Краткий учебник всеобщей истории / Пер. с нем. Н. Соколова. Вып. 1—3. М., 1859—1860; Вебер Г. Всемирная история / Пер. с нем. В. Игнатовича и Н. Зуева. Кн. 1. Спб., 1860.
[177] Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 15. М., 1950, с. 485. (Письмо от 14 окт. 1884 г.).
[178] Там же, с. 520.
[179] Н. Г. Чернышевский. Лит. наследие, 1930, т. 3, с. 575.
[180] Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 15, с. 669—670.
[181] Там же, с. 538.
[182] Там же, т. 10. М., 1951, с. 803.
[183] Там же, т. 15, с. 541.
[184] Там же, с. 631.
[185] Там же, с. 670.
[186] Там же, с. 844.
[187] Там же, с. 645.
[188] Там же, с. 769—770. (Письмо от 8 дек. 1888 г.).
[189] Этот том был переведен Н. Г. Чернышевским до 459 с.
[190] См. рецензии на первый том в журналах: Вестн. Европы (1885, № 12, с. 903—905; рецензия, подписанная криптонимом «А. П.», принадлежала А. Н. Пыпину), Рус. мысль (1885, № 12), Сев. вестн. (1885, № 4), Наблюдатель (1886, № 2).
[191] Ист. вестн., 1886, № 2, с. 479—480.
[192] Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 15, с. 560.
[193] Там же, с. 683.
[194] Там же, с. 691.
[195] См. письмо А. Н. Пыпина к К. Т. Солдатенкову от 3 ноября 1889 г. ГПБ, ф. 621. Пыпин А. Н., ед. хр. 804.
[196] Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 15, с. 827.
[197] См. письмо Солдатенкова к А. Н. Пыпину от 30 октября 1889 г. ГПБ, ф. 621. Пыпин А. Н., ед. хр. 804.
[198] ГПБ, ф. 621. Пыпин А. Н., ед. хр. 804. Черновик письма. В начале письма Пыпин писал: «Это письмо доставит Вам мой племянник М. Н. Чернышевский, который едет в Москву, чтобы выяснить

положение денежных дел своего отца и еще раз поблагодарить Вас за Ваше отношение к покойному Н. Г. Я просил моего племянника сообщить Вам некоторые подробности о моих предположениях относительно 2-го тома».

199 ГПБ. Архив Н. А. Добролюбова, ед. хр. 158.

200 Материалы, предназначавшиеся для него, хранятся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР.

201 Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 15, с. 705.

202 Там же, с. 812.

203 Лит. наследство, т. 51/52, с. 508. (Письмо от 18 янв. 1856 г.).

204 Толстой Л. Н. Указ. соч., т. 90. М., 1958, с. 279.

205 Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1858, с. 152.

206 Там же, с. 477.

207 Толстой Л. Н. Указ. соч., т. 90, с. 279.

208 Там же, т. 70. М., 1954, с. 120.

209 Там же, т. 71. М., 1954, с. 423—424.

210 См.: Там же, т. 29. М., 1954, с. 420—421.

211 Там же, т. 88, с. 84.

212 Там же, с. 149.

213 Там же, с. 194.

214 Там же, т. 72, с. 464.

215 Безобразов П. Памяти великого художника. (По личным воспоминаниям).— Одес. листок, 1910, 2 дек.

216 Толстой Л. Н. Указ. соч., т. 73. М., 1954, с. 34.

217 Там же, т. 88, с. 235.

218 Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л., 1927, с. 182.

219 Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 3, с. 552.

220 Там же, с. 552, 559.

221 Там же, т. 4, с. 470—492.

222 История русской экономической мысли. Т. 2, ч. 2 / Под ред. А. И. Пашкова и Н. А. Цагалова. М., 1963, с. 64 (глава написана Н. А. Цагаловым).

223 ГБЛ, ф. 84, карт. 3, ед. хр. 23.

224 Вестн. Европы, т. 4, Лит. хроника, 1866, с. 47.

225 См.: Архангельский С. И. Исторические взгляды С. В. Ешевского.— В сб.: Средние века, 1955, вып. 6, с. 324.

226 Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 5. М.; Л., 1962, с. 167 (первоначально: Журнал для воспитания, 1859, № 8).

227 Там же, с. 168.

228 Странник, 1874, № 3, с. 123.

229 См.: Предисловие.— В кн.: Ключевский В. О. Соч.: В 8-ми т. Т. 1. М., 1956, с. 8.

230 25 янв. 1872 г. Солдатенков писал И. Е. Забелину: «Верно, завтра увидимся на диспуте или за обедом у Ключевского. Мне говорил Карпов (историк Г. Ф. Карпов.— *А. Т.*), что Вы будете» (ГИМ, ф. 440, ед. хр. 86, л. 80). Однако ни на диспуте при защите магистерской диссертации Ключевским, ни на последовавшем после него товарищеском обеде в московском трактире Солдатенкова не было (см. перечень лиц, присутствовавших на обеде и подписавшихся под письмом к Забелину от 26 января 1872 г.— ГИМ, ф. 440, ед. хр. 56, л. 73). Очевидно, Ключевский забыл послать Солдатенкову, как и Забелину, приглашение на диспут и обед, так как, по словам Кетчера, «потерял голову» от подготовки к диспуту.

231 Вероятно, к этому времени относится недатированное письмо Солдатенкова Забелину: «Прошу Вас, любезнейший Иван Егорович, завтрашний день ко мне обедать в 4 часа (т. е. в субботу 5 числа) — обещали быть Тимофей Николаич (Грановский.— *А. Т.*) и все зна-

комые,— чем много обяжете уважающего Вас Солдатенкова» (ГИМ, ф. 440, ед. хр. 86, л. 92 об.).

232 ГИМ, ф. 440, ед. хр. 86, л. 64.

233 П. Б. [Бартенев П. И.] Вступ. заметка к публикации «Из студенческих воспоминаний А. Н. Афанасьева».— Рус. архив, 1911, № 2, с. 182.

234 Цит. по кн.: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. 3-е изд. Т. 1. М., 1897, с. XXXIX.

235 Там же, с. XXIV.

236 Там же, с. XXII.

237 В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (шифр МК $\frac{\text{XII A7}}{8}$) хранятся 7-й и 8-й выпуски «Сказок» с дарственными надписями Афанасьева Солдатенкову: на 7-м — «К. Т. Солдатенкову от собирателя», на 8-м — «К. Т. Солдатенкову от собирателя. 1863 г., ноября 30».

238 На обложках солдатенковских изданий 1863—1864 гг. эти выпуски указаны в числе выпущенных им книг.

239 Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 29. М., 1955, с. 175.

240 На обложке первого тома этого издания, хранящегося в Библиотеке им. В. И. Ленина, есть дарственная надпись: «Козьме Терентьевичу Солдатенкову на память об Афанасьеве от душеприказчиков покойного. 8 октября 1873» (шифр М $\frac{43}{75}$).

241 См.: Фет А. А. Мои воспоминания: В 2-х т. Т. 2. М., 1890, с. 247.

242 Худяков И. А. Опыт автобиографии. Женева, 1882, с. 49.

243 Второй и третий выпуски «Великорусских сказок» были изданы Худяковым на собственный счет.

244 Об издании «Великорусских сказок» Худякова см.: Базанов В. Г. Накануне «хождения в народ»: Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964; Виленская Эм. Худяков. М., 1969, с. 29—30, 38—39.

245 См.: Подвижной каталог изданий К. Т. Солдатенкова, находящихся в продаже. Январь 1901 г. [М., 1900].

246 Стратановский Б. А. Страбон и его «География».— В кн.: Страбон. География. М., 1964, с. 784.

247 Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940, с. 128.

248 Архив А. М. Горького, т. 12. М., 1969, с. 302.

249 Горький М. Указ. соч., т. 26. М., 1953, с. 216—217.

250 Ист. вестн., 1895, № 2, с. 651—652.

251 Вначале общую редакцию серии М. П. Щепкин разделял с известным статистиком и экономистом Ипполитом Антоновичем Вернером (1852—1927), который вскоре отошел от издания.

252 Щепкин М. П., Вернер И. А. От редакции.— В кн.: Смит Адам. Исследования о богатстве народов / Пер. М. Щепкина. М., 1895, с. 10 (1-й пагинации).

253 Там же, с. [1] (2-й пагинации).

254 Там же, с. 9—10 (1-й пагинации).

255 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 32, с. 43.

256 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 20.

257 Рус. старина, 1873, т. 8. Библиогр. листок новых рус. книг (на обл.).

258 Рус. биографический словарь. Т. 8, с. 626.

259 Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. Т. 12. М., 1956, с. 54.

260 Соловьев Владимир. Предисловие.— В кн.: Творения Платона. Т. 1. М., 1899, с. VII.

[261] Там же, с. X.
[262] См.: Трубецкой С. Предисловие.— В кн.: Творения Платона Т. 2. М., 1903, с. VI.
[263] Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона.— В кн.: Платон. Соч.: В 3-х т. Т. 1. М., 1968, с. 5.
[264] В первый том «Сочинений» Платона (М.: Мысль, 1968) вошли следующие переводы из издания Солдатенкова: «Протагор» (пер. В. С. Соловьева), «Апология Сократа» и «Критон» (оба — в пер. М. С. Соловьева). Высокую оценку труда В. С. Соловьева как переводчика Платона см. в статье С. Ошерова «Заметки редактора серии» (Редактор и книга: Сб. ст. М., 1973, вып. 6, с. 39—40).
[265] 400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. Т. 1. М., 1964, с. 408. (Авторы главы — А. А. Теремецкая и А. А. Сидоров).
[266] Рубакин Н. А. Среди книг. Ч. 1. Спб., 1906, с. 183.
[267] Изв. кн. магазинов т-ва М. О. Вольф, 1904, № 2. Разд. «Кн. и лит. летопись», с. 19.
[268] Горький М. Указ. соч., т. 29. М., 1955, с. 175.
[269] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 10. Спб., 1914, с. 430.
[270] Смирнов-Сокольский Н. П. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957, с. 65.
[271] Лонгинов М. Н. Соч. Т. 1. М., 1915, с. 324.
[272] Кричевский Г. Г. Об указателях к содержанию книг и периодических изданий.— Сов. библиогр., 1949, вып. 1 (26), с. 26.
[273] А. А. Сидоров называет, например, «Стихотворения» Некрасова (1856), «Отцы и дети» Тургенева (1862), «На закате» Я. П. Полонского (1881). См.: Сидоров А. А. История оформления русской книги. 2-е изд., испр. и доп. М., 1964, с. 278, 302, 318.
[274] Там же, с. 298.
[275] См., напр.: Лонгинов М. Н. Указ. соч., т. 1, с. 299, 302, 336, 343 и 543.
[276] См. экземпляр уничтоженного цензурой первого тома «Сочинений» Г. З. Елисеева (М., 1894) из личной библиотеки Солдатенкова, хранящийся ныне в Библиотеке им. В. И. Ленина.
[277] Сидоров А. А. Указ. соч., с. 224.
[278] ГИМ, ф. 440, ед. хр. 45, л. 26.
[279] Чернышевский Н. Г. Указ. соч., т. 15, с. 881.
[280] Щепкин М. Надгробное слово. К. Т. Солдатенков.— Рус. ведомости, 1901, 22 мая, с. 2.
[281] К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова. М., 1912, с. 33—34.
[282] Кн. вестн., 1901, № 6, с. 198.
[283] Еще к завещанию К. Т. Солдатенкова.— Новости дня, 1901, 25 мая.
[284] Из записной книжки А. П. Бахрушина. (Кто что собирает) / Примеч. М. Цявловского. М., 1916, с. 23—24.

Н. П. Поляков

[1] Дело о дворянстве рода Поляковых.— ЦГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 4911.
[2] Из «Дела о дворянстве рода Поляковых» известно, что мать издателя звали Елизаветой Ивановной и что она была вдовой надворного советника. Вместе с Н. П. Поляковым на Смоленском кладбище похоронена Елизавета Ивановна Полякова, рожденная Дубенская, скончавшаяся в марте 1906 г. (См.: Саитов В. И. Петербургский некрополь. Т. 3. Спб., 1912, с. 459). Здесь она названа вдовой коллежского советника. И. С. Книжник-Ветров считал, что это —

жена Н. П. Полякова. В таком случае, жену и мать издателя звали одинаково. Однако неизвестно, чтобы Н. П. Поляков когда-нибудь состоял на государственной службе, а тогда непонятно, откуда мог взяться у него довольно высокий чин коллежского советника (VI класс по табели о рангах). Очевидно, что вместе с Поляковым похоронена именно мать (в год смерти ей могло быть примерно 80 лет). В церковных книгах ее могли записать неточно — вдовой коллежского советника — с чужих слов.

[3] Село Верхняя Добринка было «в конце XVIII в. заселено крестьянами помещика Волкова, от которого в 40-х гг. перешло к Поляковым» (Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов, 1911, с. 36).

[4] И. С. Книжник-Ветров ошибочно написал, что П. Ф. Поляков умер 4 (16) января 1847 г. (см.: Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8, с. 298), приняв за дату его смерти число, которым помечено прошение опекуна детей Поляковых П. А. Горского в Саратовское дворянское депутатское собрание о внесении их в дворянскую родословную книгу (см.: Дело о дворянстве рода Поляковых).

[5] Записки Василия Антоновича Инсарского.— Рус. старина, 1894, № 1, янв., с. 21.

[6] Там же, с. 18.

[7] Долгоруков П. В., кн. Российская родословная книга. Ч. 4. Спб., 1857, с. 394—395.

[8] Минцлов С. Р. Дневник.— Голос минувшего, 1917, № 9—10, с. 236.

[9] Рус. архив, 1887, № 8.

[10] Деятели революционного движения в России. Биобиблиогр. словарь. М., 1928, т. 2, ч. 1.

[11] Ист. вестн., 1906, № 10, с. 44.

[12] Свиньин И. А. Воспоминания студента 60-х гг., за 1862—1865 гг. Тамбов, 1890, с. 8.

[13] Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М., 1934, с. 298.

[14] Там же, с. 301.

[15] Минцлов С. Р. Указ. соч., с. 234.

[16] Впоследствии Неклюдов приобрел типографию, в которой и было напечатано большинство изданий Полякова.

[17] Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 327.

[18] Берви В. В. Воспоминания.— Голос минувшего, 1916, № 1, с. 211.

[19] Цит. по кн.: Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. М., 1971, с. 188.

[20] См.: Баренбаум И. Е. Издательская деятельность Н. Л. Тиблена.— В сб.: Книга и графика. [М., 1972], с. 179—186.

[21] Новикова Н. Н. Революционеры 1861 года.— В кн.: «Великорусс» и его комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968, с. 44, 46—47.

[22] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. Т. 10. М., 1951, с. 485—486.

[23] См.: Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. Указ. соч.

[24] См. печатное извещение Н. Л. Тиблена об открытии им книжной торговли, посланное 22 сент. 1863 г. П. А. Ефремову.— ИРЛИ, ф. 357, оп. 4, № 49.

[25] Там же; см. также: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания, с. 354.

[26] Баренбаум И. Е. Е. П. Печаткин — землеволец-пропагандист 60-х годов XIX в.— В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981, с. 98—106.

[27] Там же, с. 103.

[28] См.: Баренбаум И. Е. Издательская деятельность Н. Л. Тиблена, с. 184.

[29] Володин М. Издатель «Капитала» в России.— В мире книг, 1983, № 5, с. 49.

[30] См.: Баренбаум И. Е. Е. П. Печаткин — землеволец-пропагандист 60-х годов XIX в., с. 104.

[31] Предположение об авторстве Н. Л. Тиблена основывается на сходстве главных положений в этом предисловии и двух редакционных статьях в журнале «Современное обозрение» (1868, № 1 и 2), основным автором которых, очевидно, был Тиблен, редактор-издатель этого журнала. См. также трактовку этих статей в работе И. Е. Баренбаума «К истории журнала „Современное обозрение" Н. Л. Тиблена» (в сб.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 144—154). Вполне вероятно также, что соавтором Тиблена и в предисловии к книге Марша, и в редакционных статьях «Современного обозрения» был А. А. Жук. Возможно и участие Полякова, во всяком случае в написании предисловия к книге Дж. Марша.

[32] Цит. по кн.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2-х т. Т. 2. М., 1961, с. 496.

[33] Кн. вестн., 1865, № 14, 31 июля, с. 277. Автор объявления — П. А. Ефремов [см.: Винер Е. Н. Библиографический журнал «Книжный вестник» (1860—1867). Л., 1950, с. 199. Очевидно, оно составлено со слов В. О. Ковалевского].

[34] См.: Баренбаум И. Е. Литературно-издательская деятельность В. О. Ковалевского и русское революционное подполье 60-х — 70-х годов XIX в.— Труды Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской, 1967, т. 18, с. 260—261.

[35] Кн. вестн., 1866, № 11—12, с. 253.

[36] Штрайх С. Я. Книги, вышедшие в переводе, под редакцией и в издании В. О. Ковалевского.— В кн.: Давиташвили Л. Ш. В. О. Ковалевский. М.; Л., 1946, с. 414.

[37] Книжник-Ветров И. С. Издатель-демократ 60-х годов XIX века Н. П. Поляков.— Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8, с. 311.

[38] См.: Звенья, 1935, т. 5, с. 400.

[39] Каталог личной библиотеки Н. П. Полякова/Публ. М. Д. Дворкиной.— Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 31, с. 127.

[40] См.: Кн. вестн., 1865, № 22, с. 431.

[41] Каталог личной библиотеки Н. П. Полякова, с. 133.

[42] Джордж Перкинс Марш (1801—1882) не был профессиональным ученым. Большую часть жизни он провел на дипломатическом поприще. В 1861—1882 гг. был американским послом в Риме. Он написал много научно-популярных работ. Кроме книги «Человек и природа», известна его «История английского языка» (1862). В 1882 г. сочинения его вышли в 3-х тт.

[43] А. Н. Неведомский имел отношение еще к двум изданиям Н. П. Полякова. Он был одним из переводчиков первого тома «Избранных сочинений» И. Бентама (1867), а также редактором перевода книги Д. Г. Льюиса «Жизнь Гете» (1867), последний перевод был прислан сосланным в Сибирь за связь с «лондонскими пропагандистами» П. А. Ветошниковым.

[44] См.: Баренбаум И. Е. Литературно-издательская деятельность В. О. Ковалевского, с. 266.

[45] Вестн. Европы, 1866, т. 4 (дек.), отд. 3, с. 61—62. [Без подписи]; Современное обозрение, 1868, т. 1, с. 70—71. [Без подписи]; Водовозов В. Обзор руководств и книг для общего образования.— Отечественные записки, 1870, № 3, прилож., с. 14—15; Знание, 1870, т. 1.

[46] Кн. вестн., 1866, № 21—22, с. 413—417 [Без подписи].

[47] Цит. по ст.: Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский в деле Каракозова.— Былое, 1924, № 23, с. 62.

[48] К перечню книг, выпуск которых был обещан издательством Полякова и К°, редакция «Книжного вестника» сделала сноску: «Некоторые из них уже успели выдти, пока печатались эти номера „Кн<ижного> Вестн<ика>“, перенесенного нами в другую типографию».

[49] Явная опечатка. Имеется в виду «трансцендентальный» — отвлеченно-логический, внеопытный. Это один из основных терминов идеалистической философии, употреблен рецензентом в качестве иронической характеристики философа-идеалиста.

[50] Кн. вестн., 1866, № 21—22, с. 414.

[51] ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1867 г., № 39, л. 7.

[52] Так, в объявлении «От Русской книжной торговли», приложенном к вып. 1 книги Э. Риндфлейша «Руководство патологической гистологии» (Спб., 1867) сообщалось: «Заведование „Книжной торговлей“ поручено тому же лицу, которое в течение последних двух лет заведовало бывшей книжной торговлей Н. Тиблена...» (ц. р. 29 марта 1867 г.). Управлял книжным магазином Тиблена А. А. Жук (см.: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания, с. 355—356).

[53] Подпись И. И. Билибина встречается на некоторых документах «Русской книжной торговли».

[54] Книжник-Ветров И. С. Издатель-демократ 60-х годов XIX века Н. П. Поляков.— Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8, с. 311.

[55] Книжник (Ветров) И. Н. П. Поляков — издатель «Капитала» К. Маркса.— Вопр. ист., 1947, № 6, с. 77.

[56] Каталог личной библиотеки Н. П. Полякова / Публ. М. Д. Дворкиной.— Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 31, с. 127—140.

[57] Там же, с. 127.

[58] Там же, с. 134. Возможно, что Поляков готовил это издание совместно с В. И. Яковлевым (см. Шилов Ф. Г. 1) Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет.— Альманах библиофила. Л., 1929, с. 194; 2) Запрещенная литература в собраниях ленинградских библиофилов. (По личным впечатлениям).— Хроника Ленинградского общества библиофилов. 5 янв.— 20 июля 1930. Л., 1931, с. 58).

[59] Каталог личной библиотеки Н. П. Полякова, с. 127.

[60] Там же, с. 128.

[61] ГПБ., ф. 621. Арх. А. П. Пыпина, ед. хр. 679.

[62] См. в настоящей книге с. 160.

[63] ЦГИА, ф. 776, оп. 3, д. 799, л. 23 об.

[64] «В главном управлении (по делам печати.— *А. Т.*),— писал А. А. Жук А. Н. Пыпину 21 ноября 1867 г.,— получен наконец ответ из III Отдел<ения> и ответ удовлетворительный; так что все дело „Совр<еменного> обозрения“ кончится завтра или послезавтра...» (ИРЛИ, ф. 250. Пыпин А. Н., оп. 3, № 90, л. 1).

[65] Елисеев Г. З. Воспоминания.— В кн.: Шестидесятые годы. М.; Л., 1933, с. 352.

[66] См.: Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. Спб., 1905, с. 50.

[67] См.: Баренбаум И. Е. К истории журнала «Современное обозрение» Н. Л. Тиблена.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 144—154.

[68] ЦГИА, ф. 776, оп. 3, д. 799.

[69] Попов И. И. Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность.— В кн.: Клеменц Д. А. Из прошлого. Л., 1925, с. 17.

[70] ЦГИА, ф. 776, оп. 3, д. 799, л. 12 об.
[71] Там же, л. 18.
[72] Цит. по сб.: Шестидесятые годы. М.; Л., 1940, с. 303.
[73] Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 7. Спб., 1909, с. 50.
[74] ЦГИА, ф. 776, оп. 3, д. 799, л. 23.
[75] Там же, л. 24.
[76] Отечественные записки, 1869, № 11, с. 54—55.
[77] Там же, с. 54.
[78] Там же.
[79] Уже первая рецензия привлекла внимание цензуры своим «сочувствием» к книге, «проникнутой социалистическим направлением» (см.: Боград В. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971, с. 390, № 0161). В статье есть купюры, сделанные цензурой. По наблюдению В. Бограда, «с. 531—532 и 537—538 вклеены заново и текст на них разогнан за счет увеличения пробелов между строками» (там же, с. 85, № 551).
[80] Аптекман О. В. Флеровский-Берви и чайковцы.— Былое, 1922, № 19, с. 128.
[81] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 158.
[82] Цит. по кн.: Уроева А. В. Книга, живущая в веках. 2-е изд., доп. М., 1972, вклейка между с. 64 и 65.
[83] Новая и новейшая история, 1965, № 3, с. 93.
[84] Цит. по кн.: Уроева А. В. Указ. соч., с. 96.
[85] Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 45.
[86] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 147.
[87] Волховский Ф. Друзья среди врагов. Спб., 1906, с. 3.
[88] Звенья, 1935, т. 5, с. 396.
[89] Там же, с. 400.
[90] Там же, с. 403.
[91] Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пб., 1920, с. 22.
[92] См. письмо Н. Н. Любавина К. Марксу от 8 (20) авг. 1872 г.— В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 259. Автограф Бакунина — начало перевода «Капитала» был передан Полякову и хранился у него (см.: Каталог личной библиотеки Н. П. Полякова, с. 136).
[93] Минувшие годы, 1908, № 1.
[94] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 24.
[95] Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 139—140.
[96] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 185.
[97] См. письмо Н. Ф. Даниельсона К. Марксу от 11 (23) мая 1871 г.— Там же, с. 196.
[98] ЦГИА, ф. 777, оп. 27, 1872 г., д. 59, л. 63 об. В сокращенном виде опубликована И. С. Книжником-Ветровым (Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8, с. 304—305).
[99] Дела и дни, 1920, № 1, с. 323—324.
[100] Там же.
[101] Там же.
[102] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, с. 168.
[103] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 402.
[104] Книга сохранилась в личной библиотеке П. А. Кропоткина (ГБЛ, шифр МК $\frac{\text{Кр}}{\text{М—27}}$).
[105] См.: Чертков В. Им нет цены. Репортаж из бронированной комнаты.— Правда, 1973, 1 июня.
[106] Зап. отд. рукописей / ГБЛ, 1973, вып. 34, с. 60, примеч. 155.

[107] Кропоткины Петр и Александр. Переписка.: В 2-х т. Т. 2. 1862—1871. М.; Л., 1933, с. 185.
[108] Там же, с. 187.
[109] Там же.
[110] Там же, с. 196. Перевод названия: Дэвид Пэйдж. «Популярная геология».
[111] Там же, с. 195.
[112] Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 208.
[113] ГБЛ, ф. 410, карт. 12, ед. хр. 35, л. 1.
[114] Письмо от 24 июня 1867 г.— Там же, карт. 11, ед. хр. 5, л. 408.
[115] Там же, л. 410.
[116] Кропоткина В. С. Письмо к А. О. Розенталю. 1867 г. Черновик.— ГБЛ, ф. 410, карт. 13, ед. хр. 15, с. 63.
[117] Кропоткин П. А. Записки революционера, с. 214.
[118] Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 31, с. 124—125.
[119] Герд А. Я. Письмо к Н. П. Полякову. 13 авг. 1869 г.— ИРЛИ, ф. 357. Собр. В. И. Яковлева, оп. 2, № 76, л. 1—1 об.
[120] Кропоткин П. А. Библиографический указатель моих статей и брошюр 1861—1871 гг.— ГБЛ, ф. 410, карт. 9, ед. хр. 24, л. 5.
[121] Кропоткина В. С. Воспоминания.— ГБЛ, ф. 410, карт. 10, ед. хр. 27, л. 67 об., 96 об.
[122] Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиогр. разыскания. М., 1962, с. 84.
[123] ГБЛ, ф. 410, карт. 12, ед. хр. 28 (б), л. 70 об.
[124] Там же, л. 72.
[125] Там же, карт. 11, ед. хр. 5, л. 417.
[126] ИРЛИ, ф. 357. Собр. В. И. Яковлева, оп. 2, № 177, л. 7—7 об. Письмо не имеет даты, но его можно датировать февралем (около 13) 1870 г. по упоминанию о предстоящей через пять дней отставке из Военно-судного управления, которую А. А. Кропоткин получил 18 февраля 1870 г.
[127] Там же, л. 1—1 об. «За Жук<овского>» — за первый том книги Ю. Г. Жуковского «История политической литературы XIX-го столетия», изданный Поляковым в 1871 г.
[128] ГБЛ, ф. 410, карт. 12, ед. хр. 28 (в), л. 85.
[129] Там же, ед. хр. 27, л. 43 об.
[130] Там же, л. 48.
[131] Там же, л. 48 об.
[132] Там же, ф. 465, карт. 2, ед. хр. 53, л. 1 об.
[133] Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8, с. 312.
[134] Там же, 1975, сб. 31, с. 136.
[135] ГБЛ, ф. 410, карт. 12, ед. хр. 28 (б), л. 46 об.
[136] Там же, л. 50—50 об.
[137] Там же, л. 61.
[138] Там же, л. 60 об., 61.
[139] Там же, л. 61 об.
[140] См.: Кропоткин А. А. Письма к Н. П. Полякову.— ИРЛИ, ф. 357. Собр. В. И. Яковлева, оп. 2, № 177.
[141] ГБЛ, ф. 410, карт. 12, ед. хр. 28 (в), л. 87—87 об.
[142] Там же, карт. 10, ед. хр. 27, л. 73 об., 74 об.
[143] Там же, карт. 12, ед. хр. 27, л. 22—22 об.
[144] Там же, карт. 10, ед. хр. 27, л. 74 об.
[145] Там же, л. 58 об.
[146] Там же, карт. 12, ед. хр. 27, л. 25 об.
[147] Там же, л. 29.
[148] Аттестат об увольнении от службы А. А. Кропоткина, выданный Телеграфным департаментом МВД 15 ноября 1871 г.— Там же, карт. 10, ед. хр. 15.

[149] Там же, карт. 12, ед. хр. 28 (а), л. 34 об.
[150] Там же, ед. хр. 54, л. 59—61.
[151] Там же, л. 64.
[152] Там же, л. 64—64 об.
[153] Берви В. В. Указ. соч., с. 212.
[154] См.: Николай Васильевич Чайковский / Под общ. ред. А. А. Титова. Париж, 1929, с. 278.
[155] Поляков Н. П.— А. Н. Пыпину. 18 ноября 1871 г.— Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 31, с. 122.
[156] Это косвенно подтверждается словами Берви-Флеровского: «В нем (Полякове.— *А. Т.*) я нашел издателя для своей книги о свободе речи, а потом и для «Положения рабочего класса» (Берви В. В. Указ. соч., с. 211). Книгу же «Свобода речи...» Берви полностью написал в Твери (там же, с. 210).
[157] Берви В. В. Указ. соч., с. 211.
[158] Там же, с. 212.
[159] Там же, с. 210.
[160] Во втором и третьем изданиях издатель указал в помещенных здесь объявлениях о продаже некоторых книг Полякова, автор (Флеровский) назван в третьем издании — внизу на первой странице.
[161] Берви В. В. Указ. соч., с. 211.
[162] Насущные потребности литературы. (Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. Спб., 1869).— Отечественные записки, 1869, № 10, Совр. обозр., с. 159—189 [подпись: С.].
[163] Новые книги.— Дело, 1869, № 10, с. 63—66.
[164] Берви В. В. Указ. соч., с. 211.
[165] Там же, с. 207.
[166] Там же.
[167] Там же, с. 211.
[168] Рус. вестн., 1870, № 9, с. 340.
[169] Заря, 1870, № 1, с. 177.
[170] Аптекман О. В. Василий Васильевич Берви-Флеровский. Л., 1925, с. 165.
[171] Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х годов. Пг., 1924, с. 75.
[172] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 357, 358.
[173] Там же, т. 16, с. 427—428.
[174] Там же, т. 32, с. 364.
[175] Ср.: там же, с. 371.
[176] Цит. по кн.: Аптекман О. В. Василий Васильевич Берви-Флеровский, с. 55.
[177] Там же, с. 56—57.
[178] Берви В. В. Указ. соч., с. 218.
[179] Там же, с. 213, 214.
[180] См.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870—1875 гг. / Под ред. Б. С. Итенберга. М., 1964, с. 231.
[181] ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1871 г., д. 75, л. 6.
[182] Из доклада управляющего III отделением генерал-адъютанта Левашева Александру II 20 ноября 1871 г.— Цит. по кн.: Аптекман О. В. Василий Васильевич Берви-Флеровский, с. 65—66.
[183] Там же, с. 58.
[184] Там же, с. 61.
[185] Там же, с. 61—62.
[186] Там же, с. 63.
[187] ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1871 г., д. 75, 7—7 об.
[188] Добровольский Л. М. Указ. соч., с. 80.
[189] ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1871 г., д. 75, л. 49—49 об.

[190] Берви В. В. Указ. соч., с. 214.
[191] Там же, с. 214—215.
[192] См.: Аптекман О. В. Василий Васильевич Берви-Флеровский, с. 74.
[193] Там же, с. 76—77.
[194] Там же, с. 77.
[195] ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1872 г., д. 39, л. 5.
[196] Цит. по кн.: Добровольский Л. М. Указ. соч., с. 89.
[197] Флеровский Н. (Берви В. В.). Краткая автобиография.— Рус. мысль, 1905, № 5, с. 142 (2-й пагинации).
[198] См.: Каталог личной библиотеки Н. П. Полякова, с. 135.
[199] Цит. по кн.: Плакида М. Бесстрашный труженик. [В. В. Берви-Флеровский]. Сталино, 1960, с. 71. «Социальной статистикой» Э. И. Берви называет ошибочно «Социальную статику» Спенсера.
[200] Флеровский Н. (Берви В. В.) Указ. соч., с. 142 (2-й пагинации).
[201] Там же.
[202] Там же.
[203] ЦГИА, ф. 777, оп. 27, 1872 г., д. 59, л. 3, об.— 4.
[204] Там же.
[205] Там же.
[206] Там же.
[207] ЦГИА, ф. 776, оп. 11, д. 58, л. 53.
[208] Там же, л. 70.
[209] Цит. по кн.: Добровольский Л. М. Указ. соч., с. 84.
[210] Лавров П. Л. (Миртов П.). Исторические письма. 3-е изд., без перемен. Спб., 1906, с. 373—374.
[211] Голос минувшего, 1915, № 9, с. 138—139.
[212] Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8, с. 307.
[213] Там же, с. 306.
[214] Лавров П. Л. (Миртов П.). Исторические письма. 3-е изд., без перемен. Спб., 1906, с. 373.
[215] Кропоткин П. Идеалы и действительность в русской литературе / Пер. с англ. В. Батуринского под ред. автора. Спб., 1907, с. 302.
[216] Письмо датировано внуком М. А. Маркович, известным исследователем ее жизни и творчества Б. Б. Лобач-Жученко. Им же подставлены и фамилии издателей. Вполне возможно, что письмо относится к более позднему периоду. И. А. Гольдсмит — один из руководителей радикального журнала «Знание», в котором публиковались статьи Лаврова. Редакция этого журнала издавала также и книги.
[217] Голос минувшего, 1915, № 10, с. 121—122.
[218] Лавров П. Л. (Миртов П.). Исторические письма. 3-е изд., без перемен. Спб., 1906, с. 375.
[219] Там же.
[220] Там же.
[221] Переселенков С. А. Официальные комментарии к «Историческим письмам» П. Л. Лаврова.— Былое, 1925, № 2 [30], с. 37—40.
[222] Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы.: В 2-х т., т. 1. Дордрехт — Бостон, 1974, с. 235—238.
[223] См.: Антонова Т. В. Н. П. Поляков и царская цензура.— Вопросы истории, 1979, № 9, с. 179.
[224] Голицын Н. Н. История социал-революционного движения в России (1861—1881). Спб., 1887, с. 67.
[225] Смирнов-Сокольский Н. П. Ефремовское издание «Путешествия».— В кн.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1959, с. 113; Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, с. 91—92; Накорякова К. М. П. А. Ефремов — редактор сочинений Радищева.— Книга. Исслед. и материалы, 1972, сб. 25, с. 170.

[226] См.: Берков П. Н. К цензурной истории «Путешествия» Радищева.— В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, с. 292.
[227] С.-Петербургские ведомости, 1868, 21 апр.
[228] ГПБ, ф. 621. Арх. А. Н. Пыпина, № 303.
[229] С.-Петербургские ведомости, 1869, 28 окт.
[230] Об участии Пятковского в подготовке издания см. в упомянутой работе К. М. Накоряковой.
[231] ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1872 г., д. 54, л. 2.
[232] Каталог личной библиотеки Н. П. Полякова, с. 131.
[233] ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1872 г., д. 54, л. 3.
[234] Там же, л. 5.
[235] Там же, л. 6.
[236] Там же, л. 11.
[237] В личной библиотеке Полякова имелся «старинный» список радищевского «Путешествия». Возможно, этот список был уступлен издателю А. Н. Пыпиным в период подготовки издания 1872 г. Мог также перейти к Полякову из родительской библиотеки: П. Ф. Поляков наверняка был знаком с Н. А. Радищевым (1779—1829), вторым сыном писателя, одним из издателей первого собрания его сочинений (без «Путешествия»). В 20-е гг. XIX в., когда Поляков-отец служил кузнецким уездным землемером, Николай Радищев был предводителем дворянства в Кузнецком уезде.
[238] Цит. по кн.: Книга. Исслед. и материалы, 1982, сб. 44, с. 135—137, где этот документ опубликован полностью.
[239] Смирнов-Сокольский Н. П. Указ. соч., с. 113—114.
[240] Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 31, с. 124.
[241] Там же, с. 121.
[242] Минцлов С. Р. Указ. соч., с. 234.
[243] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1, полутом 2. М.; Пг., 1923 / Труды Гос. Румянцевского музея, вып. 3, с. 1013—1014.
[244] Там же, с. 1014.
[245] Там же.
[246] Минцлов С. Р. Указ. соч., с. 234.
[247] К. П. Победоносцев и его корреспонденты... Т. 1, полутом 2, с. 977.
[248] А. А. Жук, который стал работать в редакции журнала «Знание», писал А. Н. Пыпину 31 мая 1873 г.: «„Знание“ за 1871, 1872 и вышедшие книжки 1873 г. будут высланы Николаю Гавриловичу завтра, по данному адресу» (ГПБ, ф. 621. Пыпин А. Н., № 324, л. 2).
[249] Цит. по кн.: Ханукаева И. В. Научный и критико-библиографический журнал «Знание» (1870—1877) и его место в библиотечно-библиографической деятельности народников 1870-х гг. Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. Л., 1983, с. 9.
[250] См.: Ханукаева И. В. К вопросу о книгоиздательской деятельности народников 1870-х годов. (Издания редакции журнала «Знание»).— В сб.: Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Л., 1981, с. 58—68.
[251] Лавров. Годы эмиграции. Т. I, с. 235—238.
[252] См.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 105.
[253] Лавров. Годы эмиграции. Т. I, с. 294. Возможно, именно работу Лопатина над переводом книги Г. Спенсера имел в виду Ф. Энгельс, сообщая К. Марксу 29 ноября 1873 г.: «Теперь он (Лопатин) переводит английские вещи для Полякова» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 81).
[254] См., напр.: Антонова Т. В. Н. П. Поляков и царская цензура. — Вопр. ист., 1979, № 9, с. 181.

[255] В личной библиотеке издателя хранится отдельный, не поступавший в продажу оттиск работы Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного развития» из журнала «Слово» (1880, № 10) «с автографом», что в записи Полякова обозначало дарственную надпись (инскрипт). Значит, Поляков и в 1880 г. был среди близких знакомых Н. Ф. Даниельсона (Каталог личной библиотеки Полякова, с. 138).

[256] Гольдсмит И. А. Из прошлого нашей журналистики. («Знание» и «Слово»).— Минувшие годы, 1908, № 12, с. 88.

[257] См.: Баренбаум И. Е. Книжный магазин А. А. Черкесова и его роль в освободительном движении 1860-х гг. в России.— В кн.: Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в. / Сб. науч. трудов. БАН. Л., 1981, с. 52—68.

[258] Цит. по ст.: Гродская А. Первый издатель Маркса в России.— Кн. торговля, 1966, № 7, с. 38.

[259] Там же.

[260] Лит. наследство, т. 67, с. 701.

[261] Баренбаум И. Е. Книжный магазин А. А. Черкесова..., с. 55.

[262] Гродская А. Указ. соч., с. 39.

[263] Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М.; Л., 1928, с. 86.

[264] Так, М. П. Сажин, хорошо знавший Лаврова и по вологодской ссылке, и по эмиграции, писал, что первое издание «Исторических писем» (1870) было издано магазином Черкесова. Возможно, только потому, что имени издателя на книге не было, а все сторонки обложек были заняты объявлениями магазина Черкесова.

[265] Издания книжного магазина «А. Черкесов и К°» в литературе часто приписываются А. А. Черкесову, что вряд ли верно. Например, нет никаких свидетельств его участия в издании «Сочинений» Радищева. В. Я. Евдокимов в ответе Петербургскому цензурному комитету назвал Черкесова издателем «Рабочего вопроса» Э. Бехера (к этой книге был приложен устав I Интернационала, написанный К. Марксом,— первое его произведение, напечатанное в России) и указал, что Черкесов находится за границей («в Ницце»). В докладе Александру II хорошо осведомленное III отделение назвало издателем этой книги П. Н. Ткачева (см. в кн.: Аптекман О. В. Василий Васильевич Берви-Флеровский. Л., 1925, с. 62—63). Книга вышла в свет в начале 1869 г. Скорее всего, Евдокимов назвал имя находившегося за границей Черкесова, чтобы отвлечь внимание от подлинного издателя книги — Ткачева, одного из руководителей студенческих волнений в начале 1869 г.

[266] Указатель по делам печати, 1875, с. 163.

[267] С.-Петербургские ведомости, 1875, 10 нояб. и 1 дек.

[268] В. Я. Евдокимов писал А. Н. Пыпину 12 июня 1879 г.: «Я на этих днях свожу счеты с книжным делом и потому должен привести в порядок их. ...Магазин Черкесова закрывается 15 июня...» (ГПБ, ф. 621, № 303).

[269] Рос. библиогр., 1880, № 75 (23), 15 дек., с. 562.

[270] В агентурной справке III отделения, составленной для комитета министров в 1873 г., отмечено, что Н. П. Поляков и Г. И. Успенский, вместе с Н. А. Некрасовым, Марко Вовчок, Н. К. Михайловским, М. П. Надеиным и некоторыми другими литераторами и издателями, принадлежат к одной «общественно-литературной группе» (см.: Лобач-Жученко Б. Б. Летопис життя і творчості Марка Вовчка. Вид. 2, доп. Київ, 1983, с. 233—234).

[271] Успенский Г. И. Полн. собр. соч. [М.], 1951, т. 13, с. 270.

[272] Из переписки Н. Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями. Тбилиси, 1980, с. 85.

[273] См.: Нечкина М. В. С. Ковалевская — общественный деятель и литератор.— В кн.: Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974, с. 501.

[274] Минцлов С. Р. Указ. соч., с. 234—237.

[275] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1, полутом 2. М.; Пг., 1923, с. 977. Упомянутый здесь Н. В. Воейков был помощником командующего главной квартирой Александра III.

[276] Минувшие годы, 1908, № 10, с. 48.

[277] Мелочи из музея П. И. Щукина в Москве. (Два письма К. П. Победоносцева к Н. П. Полякову). Сообщил *П. Н. Миллер.*— Там же.

[278] Книжник (Ветров) И. Н. П. Поляков — издатель «Капитала» К. Маркса.— Вопр. ист., 1947, № 6, с. 76.

[279] Минцлов С. Р. Указ. соч., с. 234.

[280] Ткачев П. Н. О пользе философии.— В кн.: Ткачев П. Н. Собр. соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1976, с. 243. Отзыв относится к 1877 г.

[281] Антонова Т. В. Общественно-политическое значение издательской деятельности Н. П. Полякова. Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1980, с. 15—16.

[282] Там же, с. 22.

[283] Цит. по кн.: Берви В. В. Указ. соч., с. 211.

[284] Цит. по кн.: Белов С. В., Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX — начала XX века. Л., 1976, с. 169.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Основная литература

К. Т. Солдатенков

Иванов А. А. [Письма к К. Т. Солдатенкову и упоминания о нем.] — В кн.: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858 гг. Спб., 1880.

Некрасов Н. А. [Переписка с К. Т. Солдатенковым и упоминания о нем].— Лит. наследство, 1949, т. 51—52.

Толстой Л. Н. [Письма к К. Т. Солдатенкову и упоминания о нем].— В кн.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928—1958, т. 70—73, 88, 90.

Чернышевский Н. Г. [Переписка с К. Т. Солдатенковым и упоминания о нем].— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. Т. 3. М.; Л., 1930.

* * *

Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. М., 1971.

Библиотека и музей К. Т. Солдатенкова.— Лит. вестник, 1901, т. 2, кн. 5.

Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев (1792—1855 гг.). 2-е изд., доп. М. 1977.

Из воспоминаний Е. Барсова о К. Т. Солдатенкове.— Новое время, 1901, 27 мая.

Кацпржак Е. И. История книги. М., 1964.

М-е. К. Т. Солдатенков и его галерея/Беседа с А.А. Рицциони.— Новое время, 1901, 28 мая.

Мерцалов И. П. Русский издатель-благотворитель К. Т. Солдатенков и его заслуги для русского просвещения/Изв. кн. магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии, 1901, № 9—10.

Московский издатель К. Т. Солдатенков.— Новости, 1898, № 288.

Поршнев Г. И. История книжной торговли в России.— В кн.: Книжная торговля: Пособие для работников книжного дела/Под. ред. М. В. Муратова, Н. Н. Накорякова. М.; Л., 1925.

Пругавин А. С. [К. Т. Солдатенков].—В кн.: Пругавин А. С. Московский иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г. М., 1887.

Солдатенков К. Т. — В кн.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. I ч. 2. Шестидесятые годы / Сост. А. А. Шилов и М.Г Карнаухова. М., 1928.
Солдатенков К. Т.— В кн.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. (М., 1911).
Теремецкая А. А., Сидоров А. А. Издательства Москвы второй половины XIX в.— В кн.: 400 лет русского книгопечатания. [Т. 1]. Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964.
Толстяков А. П. Издатель К. Т. Солдатенков и русские писатели.— Книга. Исслед. и материалы, 1972, сб. 25.
Толстяков А. П. К. Т. Солдатенков и А. Н. Афанасьев. (Новые разыскания о деятельности московского издателя).— Изд. дело. Книговедение: Реф. сб., 1972, сб. 7.
Толстяков А. П. «Лондонские пропагандисты» и издатель К. Т. Солдатенков.— В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги/Ред.: А. А. Сидоров и др. М., 1976.
Толстяков А. П. Поборник демократической книги.— В кн.: Белов С. В., Толстяков А. П. Русские издатели конца XIX — начала XX века. Л., 1976.
Щепкин М. П. Надгробное слово. К. Т. Солдатенков.— Рус. ведомости, 1901, 22 мая.
Щукин П. И. Из воспоминаний.— Рус. архив, 1912, № 5.

* * *

Список распроданных книг, изданных К. Т. Солдатенковым.— Книговедение, 1895, № 6—8.
Подвижной каталог изданий К. Т. Солдатенкова, находящихся в продаже. Янв. 1902 г. [М., 1901].
Каталог картинной галереи, завещанной почетным членом [Московского Публичного и Румянцевского] музеев коммерции советником К. Т. Солдатенковым. М., 1901.

Н. П. Поляков

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

* * *

Антонова (Черетаева) Т. В. Издательская деятельность Н. П. Полякова в оценке современников.— В сб.: Историография и источниковедение. М., 1977 (Тр./ Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы; Т. 85. Сер. История. Вып. 7).
Антонова Т. В. Н. П. Поляков и царская цензура.— Вопр. истории, 1979, № 9.

Антонова Т. В. Общественно-политическое значение деятельности Н. П. Полякова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1980 (В надзаг.: Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы).

Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. М., 1971.

Баренбаум И. Е. Е. П. Печаткин — замлеволец-пропагандист 60-х годов XIX в.— В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторические науки. М., 1981.

Баренбаум И. Е. Издательская деятельность Н. Л. Тиблена.— В сб.: Книга и графика. М., 1972.

Баренбаум И. Е. Книжный магазин А. А. Черкесова и его роль в освободительном движении 1860-х гг. в России.— В кн.: Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в./ Сб. науч. трудов. Л., 1981 (БАН).

Берви-Флеровский В. В. Воспоминания.— Голос минувшего, 1916, № 1.

Берви-Флеровский В. В. Краткая автобиография.— Рус. мысль, 1905, № 5.

Володин М. Издатель «Капитала» в России.— В мире книг, 1983, № 5.

Дворкина М. Д. Новые данные об издателе Н. П. Полякове.— В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Вторая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения/ Секция истории книги... Тезисы докладов. М., 1974.

Каталог личной библиотеки Н. П. Полякова/ Публикация М. Д. Дворкиной — Книга. Исслед. и материалы. 1975, сб. 31.

Книжник-Ветров И. С. Издатель-демократ 60-х годов XIX века Н. П. Поляков.— Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8.

Книжник-Ветров И. С. Н. П. Поляков — издатель «Капитала» К. Маркса.— Вопр. истории, 1947, № 6.

Лавров. Годы эмиграции: Архивные материалы.: В 2-х т. Т. 1. Дордрехт — Бостон, 1974.

Материалы о жизни и деятельности первого издателя «Капитала» К. Маркса в России Николая Петровича Полякова: Из переписки Н. П. Полякова/ Вступит. статья и публикация А. П. Толстякова. — Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 31.

Минцлов С. Р. Дневник.— Голос минувшего, 1917, № 9—10.

[Очерк истории кружка «чайковцев»].— В кн.: Револю-

ционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. /1870—1875 гг./ Под ред. Б. С. Итенберга. М., 1964.
Толстяков А. П. К истории издания и запрещения «Сочинений» Радищева 1872 года (по неопубликованным материалам).— Книга. Исслед. и материалы, 1982, сб. 44.
Толстяков А. П. Об издательской деятельности Н. П. Полякова (из новых разысканий).— Там же, сб. 45.
Уроева А. В. Книга, живущая в веках. 2-е, доп. изд. М., 1972.
Утков В. Г. Первые русские друзья «Капитала» Карла Маркса.— В кн.: Утков В. Г. Книги и судьбы. Очерки. 2-е изд., доп. М., 1981.

Оглавление

Артур Павлович Толстяков

ЛЮДИ МЫСЛИ И ДОБРА

Редактор И. А. Бахметьева
Художник Б. С. Казаков
Художественный редактор И. К. Борисова
Технический редактор А. З. Коган
Корректор Ф. А. Извозчиков

ИБ № 1071

Сдано в набор 23.03.84. Подписано в печать 12.10.84. А-11131. Формат 84×108/32. Бум. тип. кн.-журн. 60 г. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 15,19. Тираж 18 000 экз. Заказ № 2866. Изд. № 3743. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50. Набор выполнен Московской ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28. Отпечатано Московской типографией № 11 Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105, Москва, ул. Нагатинская, 1.

